

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 21. № 5

2022

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
LINGUISTICS

Volume 21. No. 5

2022

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022

Том 21. № 5

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2022

Volume 21. No. 5

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2022. Vol. 21. No. 5

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, I.V. Smetanina*

Editor of English texts *O.S. Volkova*

Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing July 4, 2022.

Date of publication: Oct. 11, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 15.8. Published pages 17.0.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–30).

Order 103. «C» 25.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022. Т. 21. № 5

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)

д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)

канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);

д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);

д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);

д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);

д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);

д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);

д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);

д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);

д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);

д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);

д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);

д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);

д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова*,
И.В. Сметанина

Редактор английских текстов *О.С. Волкова*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ябыкиной*

Подписано в печать 04.07 2022 г.

Дата выхода в свет: 11.10 2022 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,8.

Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30).

Заказ 103. «С» 25.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Дмитриева Е.Г.* Терминологические значения лексики эмоций в «Уставе князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных» 5
- Захарова Ю.Г.* Лексические неологизмы и потенциальные слова в письмах А.П. Чехова 17
- Баталин С.В.* Вариативность гласных и ее зависимость от типа ударения и фразовой позиции 29
- Эйсмонт П.М.* Что статистика может рассказать о нулевом субъекте в русском языке? [На англ. яз.] 41

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Митягина В.А., Фадеева М.Ю.* Преодоление инаковости в переводе: интернациональный презентационный дискурс высшей школы 50
- Жантурина Б.Н., Колесникова С.М.* Перцептивные и градуально-оценочные парадигмы переводного поэтического текста 62
- Зиновьева Е.И., Алёшин А.С.* Вербализация концептуальной оппозиции «свое – чужое» в proverbialном пространстве (на материале компаративных паремий шведского и русского языков) 73
- Шамне Н.Л., Дзюбенко Ю.С., Аржановская А.В., Елтанская Е.А.* Репрезентация понятийного поля «Образование» в национальных вариантах французского языка [На англ. яз.] 83
- Кочетова Л.А., Ильинова Е.Ю.* Диахроническая и региональная вариативность английских интенсификаторов в диалогическом кинодискурсе: корпусное исследование [На англ. яз.] 95

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Скребцова Т.Г.* Вводные сочетания с глаголами *говорить* и *сказать*: взгляд с позиции грамматики конструкций 108
- Гладко М.А.* Взаимодействие тематических доминант рекреативности в информационном теледискурсе 118
- Жукова П.А.* Функциональные особенности метафорических моделей в бразильском президентском дискурсе 132

ДИСКУССИИ

- Волкова Я.А., Панченко Н.Н.* Деструктивная коммуникативная личность: попытка классификации [На англ. яз.] 143
- Позднякова Е.Ю.* Дискурсивный эксперимент как способ актуализации дискурса онима 155

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Dmitrieva E.G.* Terminological Meanings of Emotion Vocabulary in “The Charter of Prince Vladimir on Tithes, Courts and Church People” 5
- Zakharova Yu.G.* Lexical Neologisms and Potential Words in the Letters by A.P. Chekhov 17
- Batalin S.V.* Variability of Vowels of Different Prominence in Various Phrasal Positions 29
- Eismont P.M.* What May Statistics Tell Us About Null Subjects in Russian? 41

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Mityagina V.A., Fadeeva M.Yu.* Overcoming Strangeness in Translation: International Presentation Discourse of High School 50
- Zhanhurina B.N., Kolesnikova S.M.* Perceptual and Gradual-Evaluative Paradigms of the Translated Poetic Text 62
- Zinovieva E.I., Alyoshin A.S.* Verbalizing the Conceptual Opposition of “Us vs Them” in Proverbs: Comparative Paremias in Swedish and Russian 73
- Shamne N.L., Dzyubenko Yu.S., Arzhanovskaya A.V., Eltanskaya E.A.* Representation of the Conceptual Field “Education” in National Variants of the French Language 83
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu.* Diachronic and Dialect Variation of English Intensifying Adverbs in the Film Dialogue Discourse: Corpus-Based Study 95

MATERIALS AND REPORTS

- Skrebtsova T.G.* Parenthetical Verb Phrases with the Russian Verbs *govorit'* and *skazat'*: A Constructional Approach 108
- Gladko M.A.* Synergy of Recreation Thematic Dominants in News TV Discourse 118
- Zhukova P.A.* Functional Peculiarities of Metaphorical Models in Brazilian Presidential Discourse 132

DISCUSSIONS

- Volkova Ya.A., Panchenko N.N.* Destructive Communicative Personalities: A Classification Attempt 143
- Pozdnyakova E.Yu.* Discursive Experiment as a Method of Onym Discourse Actualization 155

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.1>

UDC 811.161.1'04
LBC 81.411.2-03

Submitted: 11.04.2022
Accepted: 20.06.2022

TERMINOLOGICAL MEANINGS OF EMOTION VOCABULARY IN “THE CHARTER OF PRINCE VLADIMIR ON TITHES, COURTS AND CHURCH PEOPLE”

Evgeniya G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the processes of terminology formation on the basis of commonly used words by the material of one of the oldest monuments of ancient Russian legislative code “The Charter of Prince Vladimir on Tithes, Courts and Church People”. The object of the study is the vocabulary of emotions. By means of component and contextual analysis the author comes to the conclusion that it is causal semantics that provide basis for formation of terminological meaning in the semantic structure of emotives, since the cause or consequence of emotional experience is always something objective – an object, a sign, a process. A semantic shift occurs in the meaning of a language unit when the characteristics of the subject (*strashnyj sud, prokljast’* / the last judgment, to curse) or the object (*obiděti, poobiděti, preobiděti* / to offend) change. The ratio of emotive and terminological meanings made it possible to divide the vocabulary of emotions in the “Charter of Prince Vladimir on Tithes, Courts and Church People” into three groups: words used in an emotive meaning; words with a syncretism of emotive and terminological meanings; homonymous terms. The involvement of lexicographic data revealed instability of terminological meanings of emotives in the legal language and their preservation in the church sphere.

Key words: history of the Russian language, lexical semantics, lexis of emotions, administrative writing, legislative text.

Citation. Dmitrieva E.G. Terminological Meanings of Emotion Vocabulary in “The Charter of Prince Vladimir on Tithes, Courts and Church People”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 5-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.1>

УДК 811.161.1'04
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 11.04.2022
Дата принятия статьи: 20.06.2022

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ ЭМОЦИЙ В «УСТАВЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА О ДЕСЯТИНАХ, СУДАХ И ЛЮДЯХ ЦЕРКОВНЫХ»

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье на материале одного из древнейших памятников древнерусской законодательной мысли – «Устава князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных» (далее – «Устава князя Владими-

ра...») – рассматриваются процессы формирования терминологии на основе общеупотребительных слов. Объект исследования составляет лексика эмоций. Опираясь на результаты компонентного и контекстуального анализа, автор приходит к выводу о том, что базой для формирования терминологического значения эмотивов послужила выражаемая ими каузальная семантика, поскольку причиной или следствием эмоционального переживания всегда выступает нечто объективное – предмет, признак, процесс. Установлено, что семантический сдвиг происходит в слове тогда, когда меняются характеристики субъекта (*страшный суд, проклясть*) или объекта (*обидѣти, пообидѣти, преобидѣти*). Соотношение эмотивного и терминологического значений позволило разделить лексику эмоций в «Уставе князя Владимира...» на три группы: слова, используемые в эмотивном значении; слова, в значении которых наблюдается синкретизм эмотивного и терминологического значений; термины-омонимы. С привлечением лексикографических данных выявлена неустойчивость терминологических значений эмотивов, употребленных в юридическом тексте, и сохранение их в текстах, функционирующих в церковной сфере.

Ключевые слова: история русского языка, лексическая семантика, лексика эмоций, деловая письменность, законодательный текст.

Цитирование. Дмитриева Е. Г. Терминологические значения лексики эмоций в «Уставе князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.1>

Введение

Изучение формирования и развития делового стиля русского языка продолжает привлекать пристальное внимание ученых: объектом разноаспектного анализа становятся как уже известные, так и еще не исследованные тексты, в научный оборот вводятся архивные фонды и коллекции (см., например: [Рыбалко, Дмитриева, 2017; Документы Войска Донского..., 2020; и др.]).

Наблюдения над лексическим составом разнообразных в жанровом отношении памятников деловой письменности дают возможность выявить закономерности развития лексической системы русского языка в целом и отдельных классов слов, ее составляющих, в частности терминов. Как самостоятельные исследовательские области сформировались историческое терминоведение и историческая терминография (подробно о специфике этих направлений лингвистики см., например: [Борхвальдт, 2000; Киржаева, 2014]).

Принято считать, что термин в современном понимании – единица, характеризующаяся прежде всего наличием дефиниции (подробно о признаках термина см.: [Косова, 2003, с. 34–72]), – появляется в памятниках письменности на рубеже XVII–XVIII веков. Применительно к более ранним текстам говорить о терминах можно лишь с определенной долей условности, в широком смысле, как о словах, которые являются устоявшимся наименованием реалий, связанных с той или иной сферой, социальным институтом.

Многие такие прототермины возникали на базе общеупотребительных лексем, относящихся к разным частям речи [Горбань и др., 2015, с. 298]. По этой причине актуальным представляется изучение формирования терминологических значений у слов, принадлежащих к определенной лексической группе, которое позволит охарактеризовать ее семантический потенциал, а также описать механизмы складывания отдельных терминосистем.

Материал и методы

Источником языкового материала избран текст «Устава князя Владимира...» в изводе Синодальной редакции, относящемся к XIV веку¹. Сохранившийся более чем в двухстах списках памятник был хорошо известен на территории Руси и за ее пределами (УВ, с. 12), Синодальная редакция – наиболее распространенная.

С точки зрения юридической науки «Устав князя Владимира...» фиксирует каноническое, или церковное, право, и, хотя он практически не касается внутрицерковной жизни, в его лексическом составе можно выделить как юридические, так и церковные специальные наименования.

В центре нашего внимания находятся механизмы формирования терминологических значений на базе лексики эмоций, понимаемой как совокупность лексем, служащих для обозначения и описания эмоций и чувств, а также процессов их становления и внешних прояв-

лений. При изучении терминологизации мотивной лексики мы опираемся на результаты, полученные нами при анализе ее функционирования в агиографических текстах. В житиях для передачи эмотивных значений релевантны такие семантические компоненты, как ‘эмоциональное переживание’ (маркер принадлежности к группе эмотивов), ‘характер эмоции’, ‘интенсивность эмоционального переживания’ [Горбань и др., 2015, с. 188], ‘оценка эмоционального переживания’ [Дмитриева, 2021, с. 58]. При этом случаи семантической деривации², в которых в качестве мотивирующих выступали бы эмотивные лексемы, в древнерусском и старорусском материале редки и житиям не свойственны.

В связи с этим вызывают интерес деривационные возможности эмотивной лексики, которые проявляются в деловых текстах, а также установление семантических признаков, реализация которых приводила к формированию у слов этой группы терминологических значений.

При исследовании истории эмотивов особое внимание уделяется синкретизму лексических значений (подробно о термине см., например: [Пименова, 2011; Горбань, Шептухина, 2017; Gorban', Sheptukhina, 2017]), что требует рассмотрения семантических процессов в диахроническом плане, поскольку оно дает возможность выявить случаи сохранения синкретизма и его преодоления.

Результаты и обсуждение

Семантика эмотивных единиц может быть рассмотрена в связи с категорией каузальности: с одной стороны, возникающее чувство соотносится с действием или предметом, которые его вызвали, с другой – эмоции находят свое внешнее проявление, мыслятся как причина поступков и поведения человека.

В лингвистике отношения каузальности рассматриваются в рамках различных подходов (см., например, монографические работы: [Аматов, 2003; Всеволодова, 2008; Теремова, 1985; Ященко, 2006; и др.]), при этом подчеркивается, что семантика причины и следствия находит свое категориальное выражение на синтаксическом, морфологическом и лексическом уровнях языка.

Такие отношения, применительно к лексике эмоций, проявляются в парадигматических связях слов и между значениями одного слова³. Так, в рамках семантического множества глаголов эмоций могут быть выделены языковые единицы, обозначающие процесс эмоционального переживания (*веселиться, любить, ненавидеть, радоваться, скорбеть, ужасаться, умиляться, уповать* и др.); следствие эмоционального переживания (*плакать, смеяться, улыбаться* и др.); эмоциональное воздействие (*веселить, оскорбить, прогневать, смутить, утешить* и др.) [Горбань и др., 2015, с. 185].

В истории многозначных эмотивов отмечается регулярный метонимический перенос «причина эмоционального переживания – эмоциональное переживание», отражающий результаты взаимодействия конкретно-пространственных и абстрактно-пространственных представлений человека о мире (подробно о терминах см.: [Лопушанская, 1998, с. 340]). При этом причина мыслится как нечто объективное, рациональное, а возникающее переживание – субъективное, эмоциональное. Это деление опосредовано отражено в лексическом значении слов.

В истории конкретных лексем может меняться соотношение между рациональным и эмоциональным значениями. Именно на базе первого возможно формирование термина. Показательным в этом отношении является существительное *обида*⁴, используемое в «Уставе князя Владимира...»:

(1) То люди ц(е)рк(о)вны|ѣ, б(о)г|адѣлн|ѣ.
Мітро|пволитѣ или п(и)с(к)пѣ вѣ|дактѣ межи
ими|соудѣ, или **вбнда**, или|котора, или
в|ражда,|или задница (УВ, л. 629 об.).

В словаре М. Фасмера для глагола *обидеть* дается праформа **ob-vidēti*, устанавливается связь с глаголами *видеть* (Фасмер, т. 3, с. 100) и *завидовать* (Фасмер, т. 2, с. 72). Существительное *обида* и глагол *обидѣти* отмечаются в древнерусских текстах с XI в., прилагательное *обидный* – с XIV в., другие производные (*обидчивый, обидчик*) фиксируются в словарях с 1771 г. (Черных, т. 1, с. 585).

Существительное *обида* уже в древнерусском языке обладало развитой системой значений, входило в ряд устойчивых сочета-

ний. Основным значением для него авторами «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» признается «несправедливость, зло, насилие» (СДР, т. 5, с. 473), рассматриваемый пример (1) является иллюстрацией для другого значения – «вражда, ссора» (СДР, т. 5, с. 474). Эмотивные значения даются как неосновные (СДР, т. 5, с. 474). В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского основным признается эмотивное значение «обида, оскорбление», значение «ссора» (Срезн., т. 2, стб. 502–504). Авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» собственно эмотивное значение («чувство обиды») не выделяют (СРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 49).

Термин *обида* в древнерусском языке характеризуется синкретизмом значений, будучи наименованием правонарушения и эмоционального переживания, вызванного нарушением прав. По-видимому, в древнерусском языке лексема *обида* выражала результат отрицательного физического и/или психологического воздействия на объект, проявляющийся и в определенном наносимом вреде, и в специфическом эмоциональном состоянии. Позднее *обида* была переосмыслена как действие, имеющее конкретный результат, что и закрепилось в сложном комплексе значений юридического наименования *обида*.

Привлечение лексикографических данных позволяет проследить дальнейшее развитие семантики слова. В русском языке XVIII в. существительное *обида* имело значения «действие, причиняющее вред, ущерб, убыток кому-л.» и «незаслуженное огорчение, оскорбление, а также чувство, вызванное таким огорчением» (СРЯ XVIII, вып. 15, с. 237–238). Широкое толкование слова *обида* находим в словаре В.И. Даля: «всякая неправда, тому, кто должен переносить ее; все, что оскорбляет, бесчестит и порицает, причиняет боль, убыток или поношение» (Даль, т. 2, стб. 1506).

В «Словаре церковнославянского и русского языка...» существительное *обида* фиксируется в двух значениях: 1) «оскорбление на словах или на деле»; 2) «убыток» (СЦРЯ, т. 3, с. 13). В «Полном церковно-славянском словаре», составленном Г. Дьяченко, существительное *обида* зафиксировано в двух значениях: 1) «корыстолюбие, обман»; 2) «несправедливость» (ПЦС, т. 1, с. 362).

В «Большом академическом словаре русского языка» существительное *обида* имеет два значения: 1) «несправедливо причиненное, незаслуженное огорчение, оскорбление, нанесенное кем-л. кому-л.; чувство душевной боли, горечи, досады, вызванное таким огорчением, оскорблением»; 2) в значении предикатива – разговорное «о том, что вызывает чувство огорчения, досады, заставляет пожалеть о чем-л.» (БАС, т. 13, с. 103–104).

В национальный период развития русского языка семантика слова *обида* претерпела изменения. Хотя терминологическое значение фиксируется еще в текстах XVIII в., в современном русском языке это слово сохранило только эмотивную семантику. Древний синкретизм значений разрушен, его отголоском можно считать запечатленные в значении отношения каузальности, подразумевающие обязательное наличие причины данного эмоционального переживания.

Взаимодействие эмоциональных и рациональных смыслов становится определяющим в процессе складывания терминологических значений лексики эмоций. Такие значения фиксируются уже в древнерусских деловых памятниках. Например, в «Русской правде» представлены три группы эмотивных лексем в зависимости от соотношения в их значениях рациональных (терминологических) и эмоциональных (общеязыковых) элементов: 1) слова, сохраняющие значение эмоционального переживания; 2) эмотивы, развившие дополнительное терминологическое содержание, характеризующиеся определенным семантическим синкретизмом; 3) термины-омонимы, сформировавшиеся в результате семантической деривации на базе эмотивных лексем [Дмитриева, 2017, с. 38].

В составе лексики эмоций, используемой в тексте «Устава князя Владимира...», также возможно выделить названные группы.

1. Эмотивные лексемы, не подвергшиеся терминологическому переосмыслению, представлены существительным *радость* и прилагательным *чудьный*:

(2) Г(о)с(под)ь р(е)уе: в д(е)нь мєсть вѣ||зѣдѣмь с'дєржащимъ | неправ'доу в разоумѣ, |тѣхъ вгнь не оугасне|ть и уєрвь ихъ не оумре|ть, створшимъ же бла|гага – вѣ жизнь и в' радо|сть и нензрєуєнною (УВ, л. 629 об.);

(3) ...а|из домовъ на всако|лѣто ѿт всакого ста|да и ѿт всакого жи|та **уюдномуу** Бп(а)сѹ и **уюднѣи** кго м(а)т(е)ри (УВ, л. 628).

Слова с корнем *-рад-* отмечаются в языках различных славянских народов, однако они практически не имеют родственных связей в других индоевропейских языках (Черных, т. 2, с. 93). Существительное *радость* уже в древнерусский период выступает как полисемант с основным эмотивным значением – «радость, радостное чувство, радостное состояние» (СДР, т. 9, с. 460), «чувство душевного удовлетворения, веселия» (Срезн., т. 3, стб. 13): Синкретизм значения существительного («причина чувства – чувство») отражен в толковании основного значения лексемы в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» – «радость, а также событие, лицо, вызывающее это чувство» (СРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 49).

Прилагательное *чудный* использовалось в древнерусских текстах с XI в. и восходит к индоевропейскому корню со значениями «проникаться уважением, почтением», «замечать», «слава», «репутация» (Черных, т. 2, с. 395), сближаясь с глаголами *чуютъ*, *чувствовать* (Фасмер, т. 4, с. 378). В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского данная лексема фиксируется как многозначная, основным признается значение «достойный удивления», в качестве иллюстрации фрагмент анализируемого текста (3) привлекается при объяснении значения «почитаемый, чтимый» (Срезн., т. 3, стб. 1549). Возможно, значимой оказывается этимологическая связь с существительным *чудо*: «творящий чудо» – «удивляющий» – «достойный почитания».

2. Эмотивные лексемы, характеризующиеся синкретизмом эмотивного и терминологического (рационального) значений представлены прилагательным *страшный* и причастной формой *прокляты*:

(4) **А** кто по**в**идѣ|тъ соудъ ц(е)рковнѣи, пла|тити кмоу собою. а пѣ|ред б(ого)мъ томоу же **ѿтвѣ**|ѹати на **страшнѣмъ** |соудѣ... (УВ, л. 629).

(5) ...а по**в**идатъ соудъ ц(е)рк(о)внѣи, или|кто инѣи, да боудѣ|тъ **проклати** в'снѣ|вѣкѣ и в' боудоущѣи|семню зборовѣ с(вѣ)т(ы)хъ|ѿ(тѣ)ць вселенскыхъ (УВ, л. 629 об.).

Прилагательное *страшный*, производное от существительного *страх* со старшим значением «ощепенение» (Фасмер, т. 3, с. 772), по-видимому, восходит к индоевропейскому корню, с которым связаны такие лексемы, как *строгий*, *торчать* (Черных, т. 2, с. 207). В древнерусском языке прилагательное *страшный* выступало как полисемант: 1) «вызывающий страх или трепет», 2) «боязливый, робкий», выражение *страшный суд* без дополнительного толкования относится авторами к основному значению (СДР, т. 11, с. 619–622); 1) «внушающий страх, ужасный», 2) «наполняющий страхом, трепетом», устойчивое выражение *страшный суд* фиксируется в рамках реализации данного значения, 3) «великий, тяжкий», 4) «сильный, жестокий», 5) «изумительный» (Срезн., т. 3, стб. 546–547). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» выражение *страшный суд* выступает многозначным: 1) «о Божьем суде над всеми людьми при наступлении конца света», 2) «название иконы» (СРЯ XI–XVII, вып. 28, с. 246).

По-видимому, можно говорить о формировании в рамках идиомы терминологического значения, характеризующегося внутренним синкретизмом: прилагательное *страшный*, выступая в составе устойчивого оборота *страшный суд*, не теряет связи со сферой чувств, но становится наименованием определенного события, действия, предмета и приобретает религиозную семантику.

Чтобы проследить дальнейшую историю этого выражения, необходимо обратиться к толковым словарям. В «Полном церковно-славянском словаре», составленном Г. Дьяченко, *страшный* – «внушающий почтение, благоговение, достопочтимый; удивительный, чудный», «величественный», «блистательный, светлый»; выражение *страшный суд* объясняется следующим образом: «В неделю мясопустную (воскресенье пред масленицею), у алтарей Успенского собора на площадке. После утрени, происходило действо Страшного суда: торжественное моление пред иконою пришествия Господня» (ПЦС, т. 2, с. 672).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» выражение *страшный суд* – «всемирный, ожидаемый во второе пришествие» – помещено в словарную статью с вокабулой *суд* (Даль, т. 4, стб. 622).

В «Словаре современного русского литературного языка» прилагательное *страшный* толкуется как многозначное. В рамках основного значения «вызывающий, внушающий чувство страха; пугающий» отмечается устойчивое сочетание *страшный суд* – «по религиозным представлениям – суд, который якобы будет устроен богом над всеми людьми, когда наступит “конец мира”» (ССРЛЯ, т. 14, стб. 1017).

Устойчивое выражение *страшный суд* во фразеологических словарях характеризуется как книжное, имеющее значение «справедливый, неподкупный, грозный суд» (РФ, с. 676).

Дефиниции толковых словарей не включают эмотивный компонент, однако сохранившаяся семантическая связь с прилагательным *страшный* может свидетельствовать об остатках синкретизма значений.

Значение глагола *клясться* возникло из «проклинать себя», форма восходит к *клонить*, так как при произнесении клятв касались земли рукой (Фасмер, т. 2, с. 259).

Страдательное причастие от производного глагола *прокляти* в основном значении «проклясть, предать проклятию» (СДР, т. 9, с. 82), «проклясть, призвать проклятие» (Срезн., т. 2, стб. 1535–1537), «предать проклятию, призвать на кого-л. проклятие» (СРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 152) используется в контексте (5). Поскольку в анализируемом памятнике речь идет о церковном суде, отличия данного значения от имеющегося в перечисленных лексикографических источниках толкования «предать анафеме; отлучить от церкви» неочевидны.

Глагол *проклясть* уже в древнерусском языке совмещает выражение личного неприятия, связанного в том числе и с чувственной сферой, и общественного осуждения, выражающегося в определенном церковном ритуале, а значит, имеет терминологическое значение.

В словаре В.И. Даля толкования глагола *проклясть* делятся по сфере функционирования: церковное «предать анафеме, отлучить от церкви» и гражданское «лишать благоволения, изгонять от себя, лишая наследия и всякого общения». Без помет дается эмотивное значение «ругать, поносить, призывать на кого-либо бедствия, желать кому-либо зла, ненавидеть» (Даль, т. 3, стб. 1280–1281).

В «Словаре церковнославянского и русского языка...» зафиксированы глаголы *клясть* – «предавать проклятию» (СЦРЯ, т. 2, с. 181) и *проклинать (проклясть)* – «отлучать от благодатного общения с церковью; лишать благоволения» (СЦРЯ, т. 3, с. 534), совпадающие во втором значении «злоречить и зложелать».

Согласно «Словарю современного русского литературного языка» и «Большому академическому словарю русского языка» глагол *проклинать (проклясть)* имеет два значения: 1) «предавать проклятию»; 2) обычно *несов.* «выражать сильное недовольство, возмущение кем-, чем-либо; бранить кого-, что-либо» (ССРЛЯ, т. 11, стб. 1153–1154; БАС, т. 21, с. 98–99).

Данные современных толковых словарей показывают, что терминологическое значение «предать анафеме» не фиксируется. Возможно, это свидетельствует о том, что, будучи функционально ограниченным, оно отошло к сфере Церкви.

3. При разграничении полисемии и омонимии мы опираемся на принципы, разработанные и апробированные С.П. Лопушанской и ее учениками, принимая в качестве важнейшего критерия сохранение или нейтрализацию категориальной лексической семы [Лопушанская, 1988, с. 15].

К парам омонимов с эмотивным и терминологическим значениями могут быть отнесены *обидѣти*¹ (*нообидѣти*¹ и *преобидѣти*¹) «вызвать эмоциональное переживание обиды» – *обидѣти*² (*нообидѣти*² и *преобидѣти*²) «нарушить права». В рассматриваемом памятнике отмечены омонимы с терминологическим значением:

(6) *А своимъ тноуномъ | приказываю соуда цѣ|рковнаго не швидѣти |и съ соуда давати ѿ |уд|стини князю, а ї-га с(вѣ)тѣ |и ц(є)ркви* (УВ, л. 629);

(7) *И своимъ | тноуномъ приказываю ц(є)рк(о)внаго соуд, не швидѣти, ни | соудити безъ вл(а)д(ы)ниа намѣстника* (УВ, л. 628 об.);

(8) *А кто повидѣ |ть соудъ ц(є)рковныи, пла |тити кмоу собою. а не |ред в(ого)мъ томоу же штвѣ |вати на страшнѣмъ | соудѣ...* (УВ, л. 629);

(9) *...а повидѣ |ть соудъ ц(є)рк(о)вныи, или |кто инъи, да боудѣ |ть проклати в' сии | вѣкѣ |и в' боуду |щн |семию зворовъ с(вѣ)т(ы)хъ | ш(тє)ць вселенскыхъ* (УВ, л. 629 об.);

(10) *Аже кто прех|видитъ нашъ оуста|въ, таковѣмъ не|прощенѣмъ вѣйти|штъ закѣна в(о)жиган|горе совѣ наслѣдоють* (УВ, л. 629).

Обратимся к данным исторических словарей.

Глагол *обидѣти* фиксируется в основном значении «отнестись (относиться) несправедливо, причинить (причинять) зло, совершить (совершать) насилие», для иллюстрации оттенка которого – «причинить (причинять) убыток, материальный ущерб кому-л., чему-л.» – привлекается контекст из анализируемого памятника (6) (СДР, т. 5, с. 476). И.И. Срезневский в основном значении – «относиться несправедливо, обижать, оскорблять» – совмещает рациональный и эмотивный компоненты значения (Срезн., т. 2, стб. 505–506), аналогично трактуется основное значение и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» – «нанести (наносить) моральный или материальный ущерб, оскорбить (оскорблять), притеснить (притеснять)» (СРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 50).

В текстах XVIII в. глагол *обидѣти* употреблялся в значениях «нанести каким-л. действием вред, ущерб, убытки кому-л.; притеснить» и «нанести обиду кому-л., оскорбить» (СРЯ XVIII, вып. 15, с. 238).

В словаре В.И. Даля *обидеть* толкуется как «наносить, творить обиду, оскорблять, причинять кому-либо неправо неприятность» (Даль, т. 2, стб. 1506), приставочные образования от данной лексемы не отмечены.

В «Словаре церковнославянского и русского языка...» глагол *обижать* (сов. *обидеть*) зафиксирован в значении «наносить обиды; оскорблять» (СЦРЯ, т. 3, с. 13). Г. Дьяченко глагол *обидѣти* объясняет следующим образом «кругом ходить, притеснять, оскорблять, осматривать кругом» (ПЦС, т. 1, с. 362).

В «Большом академическом словаре русского языка» глагол *обижать* (*обидеть*) имеет три значения: 1) «причинять, наносить кому-л. обиду»; 2) разговорное «наносить ущерб кому-л. в делах; причинять убытки, обманывать в денежных расчетах»; 3) разговорное «то же, что обделять» (БАС, т. 13, с. 106).

В русских говорах глагол *обидеть* фиксируется как многозначный: 1) «причинять огорчения; бранить, ругать», 2) «вырезать слишком много меда», 3) «разорить гнездо», 4) «кусать (о насекомых)» (СРНГ, вып. 22, с. 58).

Глагол *пообидѣти* – «пренебречь, не оказать уважения» – отмечается «Словарем древнерусского языка (XI–XIV вв.)» только в тексте «Устава князя Владимира...» (СДР, т. 7, с. 185). И.И. Срезневский основное значение этого глагола определил как «оскорбить», а сочетание *пообидѣти сѣдѣ църковьныи* фиксируется как идиоматическое, имеющее значение «нарушить судебные права церкви» (Срезн., т. 2, стб. 1187). Авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» также выделяют данное идиоматическое выражение, а значение лексемы толкуют как «нанести кому-л. материальный или моральный ущерб; поступить несправедливо, обидеть» (СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 69). Следует отметить, что в обоих словарях устойчивое выражение иллюстрируется только примерами из «Устава князя Владимира...».

В «Словаре русского языка XVIII века» глагол *пообидѣти* не зафиксирован, но отмечена просторечная лексема *пообидѣться* – «обидеться» (СРЯ XVIII, вып. 22, с. 34–35).

В русских говорах зафиксирован глагол *пообидеть* – «нанести вред; испортить, повредить» (СРНГ, вып. 29, с. 282).

Глагол *преобидѣти* в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» выступает как многозначный: 1) «причинить (причинять) вред, совершить (совершать) насилие; обидеть (обижать)»; 2) «пренебречь (пренебрегать), проявить (проявлять) пренебрежение, нерадение, оставить (оставлять) без внимания»; 3) «отвергнуть (отвергать), отказаться (отказываться)»; 4) «нарушить (нарушать)» (СДР, т. 8, с. 239–241). В качестве иллюстрации для последнего значения используется фрагмент из анализируемого текста (10). И.И. Срезневский выделяет большее количество значений, однако включает перечень тем же значением «нарушать» (Срезн., т. 2, стб. 1675–1676).

В «Словаре церковнославянского и русского языка...» зафиксирован глагол *преобидѣти* (сов. *преобидеть*) – 1) «наносить обиду; оскорблять»; 2) «пренебрегать, презирать» (СЦРЯ, т. 3, с. 444). В «Полном церковно-славянском словаре» *преобидѣти*: 1) «очень обидеть, зло кому сделать»; 2) иногда «презреть» (ПЦС, т. 1, с. 488).

На использование глаголов *обидѣти*, *пообидѣти* и *преобидѣти* в общем для них терминологическом значении «нарушение прав / юридических норм» в изучаемом памятнике указывают характеристики объекта, не способного испытывать эмоциональные переживания, – *церковный суд, устав*. Рассмотрение истории лексем свидетельствует о том, что терминологическое значение утеряно. У сохранившегося в современном русском литературном языке глагола *обидеть* фиксируется рациональное значение «наносить ущерб», которое не связано с обозначением эмоциональных переживаний, однако оно функционально ограничено.

Выводы

Результаты анализа использования лексики эмоций в тексте «Устава князя Владимира...» и их сопоставление с лексикографическими данными свидетельствуют о том, что образование терминологических значений у эмотивной лексики носило регулярный характер и обуславливалось прежде всего сферой ее использования.

Терминологические значения возникали у слов различной частеречной принадлежности (глаголов, существительных, прилагательных). Базой для их появления служили семантические компоненты, отражающие объективную, рациональную сторону называемых предметов, процессов, признаков и отражающие в смысловой структуре эмотива каузальные отношения – причину или следствие эмоционального переживания.

Терминологические значения могли сохранять связь с эмотивной семантикой, по отношению к таким лексемам можно говорить о внутреннем синкретизме, а также формировать термины-омонимы.

Образование юридических терминов на основе эмотивов в истории русского языка ограничилось древнерусским периодом. В целом эти специальные наименования оказались малочисленны и со временем ушли из словарного состава. Однако в религиозной сфере устойчивые сочетания на базе эмотивных лексем, имеющие терминологическое значение, закрепились, что отражают данные современного русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анализируемые контексты приводятся по Синодальному изводу Синодальной редакции «Устава князя Владимира...» (см. список источников).

² Семантическая деривация рассматривается как процесс, приводящий к появлению новой категориально-лексической семы, нового слова – омонима, характеризующегося иными системными отношениями [Лопушанская, 1988, с. 15].

³ Мысль о тесной связи каузальной и эмотивной семантики подтверждают наблюдения О.В. Колесниковой, исследующей особенности вербализации семантики следствия фразеологическим единицами: «Данные ФЕ преимущественно употребляются в ситуациях, представляющих следствие как проявление различных эмоциональных состояний субъекта» [Колесникова, 2018, с. 92].

⁴ Поскольку в статье рассматривается история слов и привлекаются данные различных лексикографических источников, для облегчения восприятия в ходе изложения материала анализируемые лексемы используются в современной графической форме (в случае, когда лексемы в современном русском языке не отмечены, дается историческое написание).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аматов А. М., 2003. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка. М. : [МПУ]. 219 с.
- Борхвальдт О. В., 2000. Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. Красноярск : КГПУ. 400 с.
- Всеволодова М. В., 2008. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М. : Изд-во ЛКИ. 208 с.
- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В., Сафонова И. А., Терентьева Е. В., Шептухина Е. М., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект. 2-е изд., доп. М. : Флинта : Наука. 352 с.
- Горбань О. А., Шептухина Е. М., 2017. «Русская правда»: смысловое варьирование названия в текстовом окружении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 1. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.1>
- Дмитриева Е. Г., 2021. Лексика эмоций в житиях святых для детей: функциональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 6. С. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.5>

- Дмитриева Е. Г., 2017. Об эмоциональном и рациональном в тексте «Русской Правды» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 1. С. 35–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.3>
- Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты, 2020 / О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина, Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова ; под общ. ред. О. А. Горбань. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 464 с.
- Киржаева В. П., 2014. Историческая терминология русского языка как предмет междисциплинарной разработки // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков. Саранск : Изд-во Морд. ун-та. Вып. 1. С. 6–14.
- Колесникова О. В., 2018. Особенности вербализации семантики следствия во фразеологической картине мира русского языка // Научный диалог. № 2. С. 85–96. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-85-96
- Косова М. В., 2003. Русская лингвистическая терминология: семантические процессы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 327 с.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 1998. Конкретно-пространственное и абстрактно-пространственное восприятие мира человеком как философская основа объяснения эволюции языка // Человек в современных философских концепциях : материалы Междунар. науч. конф. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 337–346.
- Пименова М. Вас., 2011. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. № 3. С. 19–48.
- Рыбалко Н. В., Дмитриева Е. Г., 2017. Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ (1605–1608 годы). Волгоград : Изд-во ВолГУ. 319 с.
- Теремова Р. М., 1985. Опыт функционального описания причинных конструкций. Ленинград : ЛГУ. 70 с.
- Ященко Т. А., 2006. Каузация в русском языковом сознании. Симферополь : ДИАЙПИ. 478 с.
- Gorban O. A., Sheptukhina E. M., 2017. Context-Based Meaningful Variation of Lexeme PRAVDA in Oldest Russian Code // Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR) : Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities” (CILDIAH2017). Vol. 97. P. 109–115.
- ИСТОЧНИК**
- УВ – Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. акад. Л. В. Черепнин ; изд. подгот. Я. Н. Шапов. М. : Наука, 1976. С. 12–84.
- СЛОВАРИ**
- БАС – Большой академический словарь русского языка / РАН. Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1– . М. ; СПб. : Наука, 2004– .
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. : Терра, 1998.
- ПЦС – Полный церковно-славянский словарь. В 2 т. / сост. свящ. магистр Г. Дьяченко. М. : Терра, 1998.
- РФ – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология : ист.-этимол. слов. / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. 926 с.
- СДР – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1– . М. : Рус. яз. : Азбуковник, 1988– .
- Срезн. – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Репр. изд. 1893–1912 гг. М. : Знак, 2003.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. / СПб. : Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991 ; Вып. 7–19. СПб. : Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / под ред. А. М. Бабкина [и др.]. М. ; Л. : Наука, 1950–1965.
- СЦРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. В 4 т. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1847.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб. : Терра-Азбука, 1996.
- Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М. : Рус. яз., 2002.

REFERENCES

- Amatov A.M., 2003. *Prichinno-sledstvennyye svyazi na raznykh urovnyakh yazyka* [Causal Relationships at Different Levels of Language]. Moscow, [MPGU] Publ. 219 p.
- Borkhval'dt O.V., 2000. *Leksika russkoy zolotopromyshlennosti v istoricheskom osveshchenii* [The Vocabulary of the Russian Gold Industry in Historical Coverage]. Krasnoyarsk, KGPU Publ. 400 p.
- Vsevolodova M.V., 2008. *Prichinno-sledstvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke* [Causal Relations in Modern Russian]. Moscow, LKI Publ. 208 p.
- Gorban' O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terenteva E.V., Sheptukhina E.M., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Gorban' O.A., Sheptukhina E.M., 2017. «Russkaya pravda»: smyslovoe varirovaniye nazvaniya v tekstovom okruzhenii [Russkaya Pravda: Semantic Variation of the Title in Textual Context]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 1, pp. 6-21. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.1>
- Dmitrieva E.G., 2021. Leksika emotsiy v zhitiyakh svyatykh dlya detey: funktsionalnyy aspekt [Vocabulary of Emotions in Hagiographies for Children: Functional Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. vol. 20, no. 6, pp. 56-64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.5>
- Dmitrieva E.G., 2017. Ob emotsionalnom i ratsionalnom v tekste «Russkoy Pravdy» [On the Emotional and the Rational in the Text of Russkaya Pravda]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 1, pp. 35-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.3>
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Dmitrieva E.G., Safonova I.A., 2020. *Dokumenty Voyska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisanie i teksty* [Documents of the Don Army of the 18th Century: Linguistic Description and Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 464 p.
- Kirzhaeva V.P., 2014. Istoricheskaya terminografiya russkogo yazyka kak predmet mezhdistsiplinarnoy razrabotki [Russian Historical Terminography as a Subject of Interdisciplinary Development]. *Yuridicheskaya leksika russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Legal Vocabulary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Saransk, Izd-vo Mord. un-ta, iss. 1, pp. 6-14.
- Kolesnikova O.V., 2018. Osobennosti verbalizatsii semantiki sledstviya vo frazeologicheskoy kartine mira russkogo yazyka [Features of Verbalisation of Semantics of Consequence in Phraseological Picture of the World in the Russian Language]. *Nauchnyy dialog*, no. 2, pp. 85-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-85-96
- Kosova M.V., 2003. *Russkaya lingvisticheskaya terminologiya: semanticheskie protsessy* [Russian Linguistic Terminology: Semantic Processes]. Volgograd, Izd-vo VolGU Publ. 327 p.
- Lopushanskaya S.P., 1988. Izmeneniye semanticheskoy struktury russkih bespristavochnykh glagolov dvizheniya v processe modulyatsii [Changes in the Semantic Structure of Unprefixed Russian Verbs of Motion in the Modulation Process]. *Russkiy glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii)* [The Russian Verb (Comparative Aspect)]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5-19.
- Lopushanskaya S.P., 1998. Konkretno-prostranstvennoe i abstraktno-prostranstvennoe vospriyatiye mira chelovekom kak filosofskaya osnova obyasneniya evolyutsii yazyka [Concrete-Spatial and Abstract-Spatial Perception of the World by Man as a Philosophical Basis for Explaining the Evolution of Language]. *Chelovek v sovremennykh filosofskikh kontseptsiyakh: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Man in Modern Philosophical Concepts: Proceedings of the International Scientific Conference]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 337-346.
- Pimenova M.Vas., 2011. Leksiko-semanticheskiy sinkretizm kak proyavleniye formalno-soderzhatel'noy yazykovoy asimmetrii [Lexico-Semantic Syncretism as a Manifestation of Formal and Meaningful Linguistic Asymmetry]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 19-48.
- Rybalko N.V., Dmitrieva E.G., 2017. *Solikamskiy arkhiv: rekonstruktsiya i istochnikovedcheskiy analiz (1605–1608 gody)* [Solikamsk Archive: Reconstruction and Source Study Analysis (1605–1608)]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 319 p.
- Teremova R.M., 1985. *Opyt funktsional'nogo opisanija prichinnykh konstruktiv* [Experience of Functional Description of Causal Constructions]. Leningrad, LGU Publ. 70 p.

- Yashchenko T.A., 2006. *Kauzatsiya v russkom yazykovom soznanii* [Causation in the Russian Language Consciousness]. Simferopol, DIAYPI Publ. 478 p.
- Gorban' O.A., Sheptukhina E.M., 2017. Context-Based Meaningful Variation of Lexeme PRAVDA in Oldest Russian Code. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR) : Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities" (CILDAH 2017)*, vol. 97, pp. 109-115.
- SOURCE**
- Cherepnin L.V., Shchapov Ya.N., eds. *Ustav knyazya Vladimira o desyatinakh, sudakh i lyudyakh tserkovnykh* [The Charter of Prince Vladimir on Tithes, Courts and Church People]. *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI-XV vv.* [Ancient Russian Princely Charters of the 11th–15th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 12-84.
- DICTIONARIES**
- Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka. T. 1*– [Large Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 1–]. Moscow; Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004– .
- Dal' V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Terra Publ., 1998.
- Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar. V 2 t.* [The Complete Church Slavonic Dictionary. In 2 Vols.]. Dyachenko G., ed. Moscow, Terra Publ., 1998.
- Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. *Russkaya frazeologiya: ist.-etimol. slov.* [Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary]. Mokienko V.M., ed. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., Lyuks Publ., 2005. 926 p.
- Slovar drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.). T. 1*– [Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries). Vol. 1-]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Azbukovnik Publ., 1988– .
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam. V 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language in Written Manuscripts. In 3 Vols.]. Reprint Edition. 1893–1912. Moscow, Znak Publ., 2003.
- Filin F.P., Sorokoletov F.P., Myznikov S.A., eds. *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad / Saint Petersburg, Nauka Publ., 1965–2021, vols. 1–52.
- Slovar russkogo yazyka XI-XVII vv. Vyp. 1–30* [Dictionary of the Russian Language (11th –17th Centuries). Iss. 1-30]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2015.
- Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984–1991, vol. 1-6; Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992–2011, vol. 7-19. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/Oslov.htm>
- Babkin A.M., Barkhudarov S.G., Filun F.P. et al., eds. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 Vols.]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1950–1965.
- Slovar tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Akademii nauk. V 4 t.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, Compiled by the Second Department of the Academy of Sciences. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, Imperat. akad. nauk Publ., 1847.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, Terra-Azbuka Publ., 1996.
- Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian. In 2 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2002.

Information About the Author

Evgeniya G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.2>UDC 811.161.1'0:821
LBC 81.411.2-03Submitted: 08.10.2021
Accepted: 16.05.2022**LEXICAL NEOLOGISMS AND POTENTIAL WORDS
IN THE LETTERS BY A.P. CHEKHOV****Julia G. Zakharova**

Pacific National University, Khabarovsk, Russia

Abstract. The article focuses on the process of neologism emergence in the Russian language and speech in the second half of the 19th century inferred in the letters of A.P. Chekhov. The content of the terms *lexical neologism* and *potential word* is determined. The latter is considered in a systematic aspect, from the point of view of the possibility of eliminating lacunae in the lexical composition, which was intensively formed during the period under study. The object of the analysis is those potential words that were in demand among some particular native speakers. The structural types of neologisms, the time of their appearance in the language (speech), the word-forming potential of the productive bases are identified, and the semantics of the derivatives is analyzed. The reasons for neologism emergence in the language system have been determined, including lacunae in the lexical and word-building systems and communicative need for their filling; building new words or changes in lexeme semantics; inserting neologisms in derivational processes. The class of abstract nouns is noted to be actively replenished, and productive word-formation models are claimed to be realized by rooted and potential lexemes. The epistolary heritage of A.P. Chekhov is of great value as material for the “Dictionary of the Russian Language of the 19th Century”, focused on the reflection of not only linguistic, but also speech facts.

Key words: neology, Russian language history, lexical neologism, potential word, occasion word, epistolary text.

Citation. Zakharova Yu.G. Lexical Neologisms and Potential Words in the Letters by A.P. Chekhov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 17-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.2>

УДК 811.161.1'0:821
ББК 81.411.2-03Дата поступления статьи: 08.10.2021
Дата принятия статьи: 16.05.2022**ЛЕКСИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СЛОВА
В ПИСЬМАХ А.П. ЧЕХОВА****Юлия Георгиевна Захарова**

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрен процесс неологизации языка и речи во второй половине XIX в. на материале писем А.П. Чехова. Уточнено содержание терминов «лексический неологизм» и «потенциальное слово». Потенциальная лексика охарактеризована в системном аспекте, с точки зрения возможности элиминирования лакун в лексическом составе, который интенсивно формировался в изучаемый период. Объектом анализа стали потенциальные слова, востребованные в речи отдельных носителей русского языка. Выявлены структурные типы неологизмов, время их возникновения в языке (речи), словообразовательный потенциал производящих слов; описана семантика дериватов. Определены причины неологизации языковой системы: наличие лакун в лексической и словообразовательной системах и коммуникативная потребность их компенсировать; создание новых слов или изменения в семантике лексем; включение неологизмов в деривационные процессы. Установлено, что активно пополняемым был класс отвлеченных существительных. Показано, что по продуктивным словообразовательным типам в изучаемый период образовались как узуальные, так и потенциальные лексем. Результаты проведенного исследования могут быть учтены при составлении «Словаря русского языка XIX в.», ориентированного на отражение не только языковых, но и речевых фактов.

Ключевые слова: неология, история русского языка, лексический неологизм, потенциальное слово, окказионализм, эпистолярный текст.

Цитирование. Захарова Ю. Г. Лексические неологизмы и потенциальные слова в письмах А.П. Чехова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 17–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.2>

Введение

Неология русского языка XIX в. – перспективная область исторической лексикологии. Неологизмы в русском языке этой эпохи – один из главных объектов внимания для составителей «Словаря русского языка XIX века», в проекте которого подчеркивается ориентация на отражение динамики лексико-семантической системы в ходе эволюции нормы в направлении к современности [Словарь..., 2002]. Словарь диахронного типа должен не только фиксировать единицы языка, но и интерпретировать факты речи, которые представлены в текстах XIX века. Именно в речи, как показано в работах В.Н. Калиновской, С.А. Эзериня, апробировались те средства (лексемы, семантические модели), которые позднее закреплялись в языке; в речи определялись будущие языковые тенденции (см.: [Калиновская, Эзериня, 2017, с. 546; 2019, с. 78]). В связи с этим авторы «Словаря русского языка XIX века» пришли к выводу, что изучение речевых единиц рассматриваемой эпохи, отвечающих критериям системности, продуктивности, наличия словообразовательного и семантического потенциала, должно вестись параллельно с исследованием языковых фактов [Калиновская, Старовойтова, 2016, с. 39]. Богатый материал для такого исследования дает эпистолярный русский писателей. В нем нашли отражение изменения в социально-политической, экономической, культурной жизни России и других европейских стран и связанная с ними языковая динамика, поэтому письма – зеркало языковой эволюции: по ним можно проследить вхождение новых единиц в лексическую систему, семантические деривационные процессы и др. (подробно об этом см.: [Захарова, 2021]).

Широкое употребление в письмах XIX в. окказиональной и потенциальной лексики обусловлено их жанровой и лингвистической спецификой, близостью к разговорной речи. По наблюдениям Л.А. Глинкиной, «лейтмотив всей

неофициальной переписки этого времени – писать, как говорят, и говорить, как пишут. Раскованность стиля, его мозаичность и разговорность коснулись всех трех традиционных частей классического письма – зачина, основной части и концовки. Сами авторы нередко отождествляли свои послания с интимным разговором» [Глинкина, 1985, с. 40].

В качестве важных отличительных черт разговорной речи лингвисты называют свободу в построении слов и выборе готовых единиц [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, с. 8]. Эти черты свойственны и языку писем А.П. Чехова [Бекасова, 2018; Куркина, 2018; Ребецкая, 2019]. Наряду с нейтральными лексемами в них используются стилистически окрашенные единицы; средства литературного языка сочетаются с диалектными, жаргонными, просторечными; помимо узальных лексем, употребляются окказиональные и потенциальные.

Словопроизводство в эпистолярном жанре может реализовывать две разнонаправленные тенденции: тенденцию к экспрессивности (в этом случае создание слова имеет целенаправленный характер, в результате возникают окказиональные слова) и тенденцию к регулярности (в этом случае в речи спонтанно реализуются возможности, заложенные в языковой системе, что приводит к образованию потенциальных слов).

Лакунарность лексической системы и вызванная ею необходимость выражения различных понятий одним словом служили важным внутренним фактором, определявшим развитие русского языка. Потенциальная лексика представляет большой интерес с точки зрения отражения в ней общих путей развития лексико-семантической системы русского языка, реализации продуктивных словообразовательных типов и способности выражать различные понятия, которые не были номинативно обозначены в литературном языке. В этом аспекте потенциальные слова, употребленные в письмах русских писателей XIX в., практически не изучены.

Объект нашего исследования – русские (или лексические) неологизмы второй половины XIX в. и потенциальные слова. Цель работы состоит в выявлении на материале писем А.П. Чехова дифференциальных признаков потенциальных, окказиональных и вошедших в узус неолексем, а также структурных типов и семантических особенностей неологизмов.

Материал и методы исследования

Мы анализируем лексические неологизмы в русском языке второй половины XIX в., то есть слова, которые в это время были образованы от производящих основ исконных или иноязычных слов при помощи аффиксов, зафиксированы у разных авторов, нашли отражение в словарях русского языка XIX–XXI вв., вошли в литературный язык рассматриваемого периода (по отношению к современному русскому языку они могут быть устаревшими). Источником для отбора фактического материала послужили письма А.П. Чехова.

Новизну слова прежде всего позволяет определить отсутствие его в литературных, публицистических и прочих источниках на том или ином хронологическом срезе и дальнейшее появление у разных авторов с нарастанием частоты употребления. Для установления времени появления неолексем, кроме писем А.П. Чехова, использовались данные «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) и других источников. Лексические неологизмы в начале своего употребления в речи не фиксируются словарями. В связи с этим дополнительным признаком, позволяющим судить о новизне лексемы, признается отсутствие ее в словарях второй половины XIX в. и появление в лексикографических источниках более позднего времени. О новизне слова может свидетельствовать и метаязыковая рефлексия.

Термин «потенциальное слово» рассматриваем в аспекте развития языковой системы применительно к отдельному периоду в истории языка (вторая половина XIX в.); в этом отношении нам близка позиция С.С. Рудовой [2013, с. 163] и А.И. Смирицкого [1998, с. 17–18].

К потенциальным словам относим лексемы, которые создавались по языковым сло-

вообразовательным моделям, элиминировали лакуны в лексической системе русского языка второй половины XIX в., выполняли номинативную функцию, имели узуальный характер мотивационных связей с производящими словами, но не получили широкого распространения, не вошли в литературный язык в изучаемый период. Они могли быть заменены другими словами, получившими статус узуальных, остаться безэквивалентными или стать принадлежностью языковой системы гораздо позднее первой фиксации в текстах. Под лексической лакуной, вслед за Г.В. Быковой, понимаем незаполненное место в лексической системе языка [Быкова, 2003, с. 34].

Критерии, позволяющие четко дифференцировать потенциальные, окказиональные слова и языковые неологизмы, в лингвистике до конца не разработаны, поэтому остановимся на них подробнее.

Потенциальная и окказиональная лексика – принадлежность речи, а не языка. За редкими исключениями такие единицы не находят отражения в словарях, в отличие от лексических неологизмов. Окказионализмы – это слова, прежде всего реализующие экспрессивную функцию, тогда как основная функция потенциальных слов – номинативная.

А.Г. Лыков отмечает, что неuzuальные слова отличаются по степени экспрессивности: «Чем меньше формальных и семантических нарушений правил языкового (социально отстоявшегося) словообразовательного стандарта совершается при образовании окказионального слова, тем меньше окказиональности (а вместе с нею – и экспрессивности) содержится в этом слове, и наоборот» [Лыков, 1976, с. 24]. Окказиональное слово обладает ингерентной экспрессивностью, которая связана в первую очередь с тем, что при его образовании нарушаются законы словопроизводства и/или выявляется нестандартная семантическая мотивированность, то есть значение окказионализма нельзя вывести из словообразовательной модели. Под последней, вслед за Т.В. Жеребило, понимаем схему построения производных слов одного словообразовательного типа, включающую производящую базу, формант и деривационное значение (Жеребило).

Многие окказиональные слова тесно связаны с контекстом и понятны только в нем,

поскольку в их значении актуализируются семы, обусловленные конситуацией, или ассоциативные семы. Значение потенциального слова понятно вне контекста, оно не включает таких сем и нередко обладает нулевой степенью экспрессивности. Проиллюстрируем эти различия окказиональных и потенциальных слов. В письмах А.П. Чехова встречаются сложные слова, образованные от существительного *мания* по продуктивной во второй половине XIX в. словообразовательной модели, – *театромания* и *svartiromания* (ср. приводимые Ю.С. Сорокиным примеры производных такого типа: *романомания*, *журналомания*, *хохломания*, *качучемания*, *снегомания* и др. [Сорокин, 1965, с. 305]).

Слово *театромания* относим к потенциальным существительным, поскольку его лексическое значение базируется на словообразовательном: ‘страсть к тому, что названо первым производящим словом’. Производное *svartiromания* считаем окказионализмом, шуточно стилизованным А.П. Чеховым под медицинский термин при помощи латинской графики, поскольку значение этого слова не выводится из модели. Из письма Н.А. Лейкина А.П. Чехову от 24 апреля 1887 г. можно понять, что *svartiromания* обозначает частую смену съемных квартир поэтом Л.И. Пальминым (Чехов, т. 2, 1975, с. 383).

Релевантный признак окказионального слова – принадлежность конкретному автору. Для потенциального слова критерий авторской принадлежности несуществен. Оно может употребляться одним автором (например, по данным нашей картотеки, *легкомысленник*, *манерник* – Н.С. Лесковым; *предрассудочность* – А.П. Чеховым; *галереемания*, *картинномания*, *латиномания* – И.С. Тургеневым) или несколькими (*принципилист* – А.П. Чеховым, Н.С. Лесковым, П.Д. Боборыкиным и др.). Однако и в том и в другом случае потенциальное слово имеет возможность закрепления в литературном языке благодаря соответствию языковому словообразовательному стандарту, номинативной функции, выполняемой в речи, относительной независимости от контекста, а также наличию лакуны в лексической системе. Употребление лексемы разными авторами, неоднократное воспроизведение в речи в более позднее время

служат дополнительными признаками, подтверждающими ее востребованность и потенциальный характер.

Как и окказиональное слово, потенциальное может обладать признаком творимости, то есть не воспроизводится в готовом виде, а создается в речевом акте. Однако эта творимость имеет принципиально иную природу: потенциальное слово предсказуемо, обезличено, задано системой языка, реализует ее возможности, заполняет существующую пустую клетку, а окказионализм противоречит системе, создается с нарушением языковых законов, поскольку реализует тенденцию к экспрессивности.

Потенциальные слова занимают промежуточное положение между узуальными и окказиональными. Лексический неологизм и потенциальное слово создаются по языковым словообразовательным моделям (как правило, продуктивным) и имеют узуальный характер мотивации. Главный критерий, позволяющий разграничить узуальные и потенциальные неолексемы во второй половине XIX в., – это степень распространенности и частотность употребления. В отличие от лексических неологизмов, потенциальные слова занимали периферийное положение: не имели всеобщего распространения, употреблялись в речи отдельных носителей языка или были известны в небольших группах, кружках, поэтому не получали отражения в нормативных словарях. НКРЯ позволяет обнаружить первые примеры употребления потенциальных слов во второй половине XIX в. и их «мерцающую» актуализацию на протяжении XX–XXI веков.

Дополнительным признаком, позволяющим определить статус лексической единицы как потенциальной, является наличие при ней метаязыковых показателей: о неосвоенности слова языковой системой может свидетельствовать маркирование его кавычками, подчеркивание, пояснение значения и др.

При разграничении лексических неологизмов и потенциальных слов нами определялась их принадлежность речи или языку. Для этого с опорой на материал писем и данные НКРЯ лексема оценивалась по следующим параметрам: 1) частотность употребления; 2) количество авторов, у которых она встречается; 3) регулярность использования на про-

тяжении второй половины XIX – XXI в. (если не вышла из употребления); 4) наличие лексикографической фиксации во второй половине XIX – XXI веке.

Для русского лексического неологизма второй половины XIX в. свойственна высокая частотность употребления, по мере освоения слова языковой системой количество словоупотреблений постепенно увеличивается на хронологических срезах; лексема встречается у разных авторов; используется регулярно; фиксируется в словарях через определенное время после появления.

Для потенциального слова характерна невысокая частотность (пример может быть единичным); оно создается по узуальной словообразовательной модели одним автором или несколькими независимо друг от друга или может воспроизводиться в определенной группе; используется нерегулярно, между словоупотреблениями возможен интервал в несколько десятилетий; как правило, не фиксируется в словарях.

Отдельного комментария требует последний критерий – фиксация / ее отсутствие в словарях. Потенциальные слова иногда получают отражение в словарях, что может объясняться разными причинами. Некоторые единицы зафиксированы в 17-томном академическом словаре русского языка (ССРЛЯ), на наш взгляд, в связи с недостаточной разработанностью критериев принадлежности слова языковой системе. Например, существительное *предрассудочность* регистрируется в ССРЛЯ, но в НКРЯ фиксируется всего в одном контексте (очерк А.П. Чехова «Из Сибири», 1890), второй встретившийся нам пример тоже принадлежит А.П. Чехову – письмо Е.М. Шавровой-Юст (1896) (Чехов, т. 6, 1978, с. 146). По-видимому, это свидетельствует о потенциальном, а не узуальном характере единицы. Потенциальное слово второй половины XIX в. может иметь диахронический омоним, который отражается в словарях. Полагаем, что А.П. Чехов первым образовал слова *экспрессионист* (от французского *expression*), которое зафиксировано в рассказе «Попрыгунья» (1892) (НКРЯ), и *экспрессионистка*, которое использовано в письме Е.М. Шавровой-Юст (1894) (Чехов, т. 5, 1977, с. 344). Ранние примеры употребления этих слов, принадлежащие А.П. Чехову,

встречаются задолго до того, как существительные *экспрессионизм* и *экспрессионист* (в НКРЯ – с 1919 г.) были заимствованы русским языком из немецкого. Потенциальные слова могут найти отражение в специализированных словарях или словарях тезаурусного типа. Например, некоторые из них зафиксированы в словаре Академии наук под редакцией А.А. Шахматова.

Исследование лексических единиц в соответствии с обозначенными критериями проводилось с применением методов относительной хронологии, словообразовательного, контекстуального, дефиниционного, компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

На основе морфологических и словообразовательных признаков неолексемы, зафиксированные в письмах А.П. Чехова, можно разделить на несколько групп. Наибольшей представленностью характеризуется группа субстантивов, которая объединяет две подгруппы. Первая из них включает единицы, относящиеся к отвлеченной лексике, образованные по продуктивным моделям при помощи суффиксов *-ств-*, *-ость-*, *-ниџ-*, *-цин-*, *-к-*: неологизмы и потенциальные слова, мотивированные существительными (*критиканство*, *культуртрегерство*, *подхалимство*, *репортерство*, *вегетарианство*, *декадентство*, *кунктаторство*, *шематонство*, *пейзанство*, *моветонство*, *корректорство*, *кисляйство*, *толстовщина*); прилагательными (*претенциозность*, *беспринципность*, *риторичность*, *интеллигентность*, *цензурность*, *тенденциозность*, *фельетонность*, *предрассудочность*); глаголами (*бойкотирование*, *игнорирование*, *мотивировка*, *позировка*).

Разнообразие слов в этой подгруппе объясняется активным формированием класса абстрактных существительных во второй половине XIX в. в связи с наличием большого количества лакун в языке и речи и возросшей потребностью однословного выражения различных отвлеченных понятий. Пустые клетки системы могли заполняться как узуальными, так и незузуальными единицами.

Вторая подгруппа в составе субстантивной лексики объединяет конкретные суще-

ствительные со значением лица, образованные с помощью суффиксов *-ист-, -ец-, -ик-, -к-*, мотивированные существительными: *индифферентист, наркотист, толстолец, электрик, шантажист, сифилитик, экспрессионистка*; прилагательными: *постепеновец, чиншевик*.

Группа адекватных неологизмов представлена относительными прилагательными, образованными от существительных посредством суффиксов *-ск-, -н-, -ов-*: *декадентский, вегетарианский, идейный, партийный, журфиксный, фильдекосовый*; конфикса *бес-/н-*: *беспринципный*.

Группу глагольных неологизмов образуют отсубстантивные дериваты с суффиксами *-рова-, -ствова-, -нича-*: *шантажировать, мизантропствовать, литературничать, клоунничать, чичеронствовать*; конфиксом *о-/и-/ся-*: *окулачиться* и др.

Общие причины образования неологизмов – это наличие лакун в лексической и словообразовательной системах и коммуникативная потребность в их компенсации. Например, данные НКРЯ показывают, что семема ‘заниматься литературной деятельностью’ не находила лексического воплощения до середины XIX в., то есть в языковой системе существовала пустая клетка. С 50–60-х гг. XIX в. указанное значение находило выражение с помощью трех глаголов: *литераторствовать, литературствовать и литературничать* (производящие *литература, литератор* известны в русском языке с XVIII в.).

Глагол *литературничать*, встречающийся в эпистолярной А.П. Чехова, образован от слова *литература* с помощью суффикса *-нича-* со значением ‘действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом’ (Лопатин, Улуханов, с. 741) и соответствует продуктивной в XIX в. модели с деривационным значением ‘совершать действия, имеющие отношение к тому, кто назван / что названо мотивирующим существительным’ (Лопатин, Улуханов, с. 742):

(1) Предполагая, что ты будешь жить в Питере и *литературничать* до старости, я советовал бы тебе стать известным пишущей братии и по возможности поближе-потороче сойтись с двумя-тремя (Ал.П. Чехову, 1887) (Чехов, т. 2, 1975, с. 163).

Литераторствовать и *литературствовать* фиксируются в ССРЛЯ с пометой «разг.», а глагол *литературничать* не регистрируется. В НКРЯ представлено несколько контекстов с *литераторствовать* и *литературничать*, значительно отстоящих по времени, что свидетельствует о неширокой распространенности этих слов, их потенциальном характере.

Потенциальные глаголы *мизантропствовать* и *чичеронствовать* соответствуют модели «наименование лица (по роду занятий, взглядам и т. п.) + суффикс *-ствова-*» с общим значением ‘совершать действия, имеющие отношение к тому, кто назван мотивирующим существительным’ (конкретное значение – ‘быть кем-либо’) (Лопатин, Улуханов, с. 753):

(2) Природа и абсолютное безделье бесконечно удовлетворяли меня: я был доволен и покоен; теперь же... я недоволен, вдаюсь в хандру, ною, читаю мораль, *мизантропствую*... (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 1888) (Чехов, т. 2, 1975, с. 229–230);

(3) Был я на передвижной выставке. Левитан празднует именины своей великолепной музыки. Его картина производит фурор. По выставке *чичеронствовал* мне Григорович, объясняя достоинства и недостатки всякой картины; от левитановского пейзажа он в восторге (М.П. Чеховой, 1891) (Чехов, т. 4, 1975, с. 197).

Производящими для них являются существительные *мизантроп* и *чичероне*, заимствованные в XVIII в.: «Устар. Проводник, дающий пояснения при осмотре достопримечательностей» (ССРЛЯ, т. 17, 1965, с. 1093). По этой модели часто образуются глаголы разговорного стиля, ср.: *директорствовать, ректорствовать, реставраторствовать* и др. Пример глагола *мизантропствовать* единичный, а *чичеронствовать* встречается еще раз в романе В. Аксенова «Новый сладостный стиль» (1996) (НКРЯ).

Помимо названной выше общей причины образования новых слов, можно выделить две частные, связанные с внутрисистемными изменениями и формированием новых лакун. Появление нового слова или значения в языке (речи) XIX в. становилось непосредственным стимулом для дальнейшей неологизации, производства словообра-

зовательных дериватов. Проиллюстрируем сказанное примерами.

1. Заимствование иноязычного слова, которое включалось в словообразовательные отношения в языке-реципиенте, становилось производящим для русских дериватов.

На конец XIX в. приходится появление в русском языке лексем с производящей основой *вегетариан-*, формирующих словообразовательное гнездо. В письмах встречаются три слова: *вегетарианец*, *вегетарианский*, *вегетарианство*. По наблюдениям П.Я. Черных, распространению слов этой группы в русском языке способствовали выступления А.Н. Бекетова в 1878 г. и еще более Л.Н. Толстого, который опубликовал в 1891 г. свой труд «Первая ступень» (в последней его главе встречаются слова *вегетарианство*, *вегетарианский*) (Черных, т. 1, с. 136–137). Материал НКРЯ показывает, что первым из слов этого словообразовательного гнезда в русском языке стало употребляться существительное *вегетарианец* (с 70-х гг. XIX в.), позднее, в 90-х гг., появились лексемы *вегетарианский* и *вегетарианство*.

Реагируя на статью профессора Ф.Ф. Эрисмана «Вегетарианизм перед лицом современной науки», перепечатанную в еженедельной газете «Врач» (1894, № 1), А.П. Чехов пишет:

(4) Если послушаетесь и будете читать «Врача», то в тех же №№ найдете и речь Эрисмана о **вегетарианстве**. Не понимаю, кому мешает это бедное **вегетарианство!** (А.С. Суворину, 1894) (Чехов, т. 5, 1977, с. 265).

Существительное *вегетарианец* и прилагательное *вегетарианский* также встречаются в письмах А.П. Чехова 90-х гг. XIX века.

Судя по статье Ф.Ф. Эрисмана и письму А.П. Чехова, в конце XIX в. наблюдалась конкуренция двух отвлеченных существительных: иноязычного *вегетарианизм* и образованного на русской почве *вегетарианство*. Само вегетарианское движение возникло в середине XIX в. в Англии (Черных, т. 1, с. 137), и слово *вегетарианизм*, по-видимому, пришло из английского языка (англ. *vegetarianism*). В английском языке употреблялось также прилагательное *vegetarian* «вегетарианский», в результате субстантивации которого появилось существительное *vegetarian*. Русское

слово *вегетарианец* могло появиться в результате переоформления английского субстантивата *vegetarian* посредством суффикса со значением лица *-ец*. Существительное *вегетарианец* может быть и полукалькой с немецкого *Vegetarianer*: основа *вегетариан-* была транслитерирована, а значение суффикса *-er* передано при помощи русского суффикса *-ец*. Существительное *вегетарианство* образовано при помощи суффикса *-ств-* от существительного *вегетарианец* с усечением основы производящего слова (суффикс *-ец*). По-видимому, собственно русское происхождение имеет и прилагательное *вегетарианский*, оно также является производным от *вегетарианец* с усечением суффикса.

Во второй половине XIX в. русским языком было заимствовано слово *кунктатор*. Впервые оно отмечается в словаре иностранных слов 1861 г.: «Кунктатор, лат. Медлитель, нерешительный человек» (Печаткин, с. 259). Это существительное могло появиться в результате деонимизации прозвища римского полководца Фабия (лат. *Cunctator*) или быть заимствовано в качестве нарицательного из французского языка (*cunctateur* – ‘медлитель’) (Макаров, с. 337). Ударение на предпоследнем слоге свидетельствует скорее о латинском источнике происхождения слова. В письме А.П. Чехова М.О. Меншикову (1893) встречается потенциальное существительное *кунктаторство* (Чехов, т. 5, 1977, с. 161).

Это слово ярко демонстрирует тенденцию к регулярности, которая реализуется в речи: в середине XIX в. русским языком было заимствовано отвлеченное существительное *кунктация* «лат. медлительность, нерешительность» (Печаткин, с. 259), но вместе с тем появилось производное *кунктаторство*, заполнившее лакуну в группе русских дериватов с суффиксом *-ств-* от наименований лиц и имевшее словообразовательное значение ‘черты характера и поведения, свойственные лицу, названному мотивирующим существительным’ (Лопатин, Улукханов, с. 641). Отметим, что отвлеченные существительные регулярно образуются от заимствованных производящих с суффиксами *-ор-*, *-ер-* в русском языке с XVIII–XIX вв.: *губернаторство*, *директорство*, *сенаторство*; *доктринерство*, *фразерство*, *прожектерство*, *позерство* и др.

Существительное *кунктаторство* не получило отражения в толковых словарях, но фиксируется в «Словаре литературных типов» под редакцией Н.Д. Носкова (1908–1914). Слово дважды встречается в НКРЯ, примеры с ним датируются первой третью XX века.

Глагол *клоунничать* образован по модели «наименование лица (по особенностям поведения, роду занятий) + суффикс *-нича-*» с общим значением ‘совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим словом’ (конкретное значение – ‘уподобляться кому-либо, не будучи кем-либо’) (Лопатин, Улуханов, с. 742):

(5) Поднимается занавес. <...> Выходят шафера; они пьяны, а потому, видишь ли, надо **клоунничать** и выкидывать коленцы. Балаган и кабак, приводящие меня в ужас (Ал.П. Чехову, 1887) (Чехов, т. 2, 1975, с. 152).

Существительное *клоун* было заимствовано из английского языка в середине XIX века. Производное от него *клоунничать* точно соответствует по структуре и семантике глаголам *скоморошничать*, *паясничать*, *фиглярничать*, появившимся в русском языке, по данным НКРЯ, в 30–60 гг. XIX века. Можно сделать вывод о том, что образование глагола *клоунничать* было связано с наличием лексической лакуны, возникшей после заимствования производящего *клоун*, и с формированием семантической микропарадигмы внутри словообразовательного типа (*скоморошничать*, *паясничать*, *фиглярничать*, *клоунничать* – ‘уподобляться шуту’). Слово *клоунничать* не отражено в словарях, не получило узуального статуса, но встречается не только в письмах А.П. Чехова, но и, согласно данным НКРЯ, в других источниках, в том числе XXI века.

2. Изменения в семантической структуре производящих слов.

В середине – второй половине XIX в. в русском языке формируется словообразовательное гнездо с вершиной *фельетон* (полужирным шрифтом выделены неuzuальные единицы, элиминирующие лакуны литературного языка):

фельетон → *фельетонный* → *фельетонно*
→ *фельетонность*.

Ю.С. Сорокин писал: «На русской почве, наряду со старым профессиональным значением этого слова, легко возникло новое, жанровое его осмысление: фельетон – это легкая статья, часто полемического свойства, или очерк бытового содержания. Именно в таком смысле знает это слово уже журналистика 60-х гг. <...> В свою очередь, и слово *фельетонный*, помимо своего чисто относительного значения, начинает тогда же в определенных условиях приобретать особый качественный оттенок, более связанный с характеристикой определенной **манеры изложения**, нежели приуроченный к определенному жанру...» (выделено нами. – Ю. С.) [Сорокин, 1965, с. 127].

Семантический деривационный сдвиг в относительном прилагательном *фельетонный* привел к появлению лакун в лексической системе: от прилагательного с качественным значением может быть образовано отвлеченное существительное и наречие. В роли потенциальных «заполнителей» пустых клеток системы русскими писателями использовались лексемы *фельетонность* и *фельетонно*. Наречие встречается в письмах И.С. Тургенева, существительное – в письмах И.С. Тургенева (1872) и А.П. Чехова (1889):

(6) Я сказал ему, что I акт мне не нравился ни в чтении, ни на репетиции – меня пугала **фельетонность** и сухость, но что во время спектакля я был поражен тою редкою внимательностью, с какою публика прослушала этот акт (А.С. Суворину, 1889) (Чехов, т. 3, 1976, с. 135).

Отвлеченное существительное *фельетонность* (‘легкость, сжатость, злободневность, свойственные фельетонному жанру’) было образовано по продуктивной модели «имя прилагательное + суффикс *-ость-*» со словообразовательным значением ‘признак, названный мотивирующим прилагательным (качественным или в качественном значении)’ (Лопатин, Улуханов, с. 611). Это существительное фиксируется в ССРЛЯ, однако его нельзя отнести к узуальным лексемам, оно имеет статус потенциального слова, поскольку случаи употребления нерегулярны (НКРЯ); в одном из примеров середины XX в. (ССРЛЯ, т. 16, 1964, с. 1303) слово маркируется кавычками, что свидетельствует о

сохранении им эффекта творимости, новизны, непривычности.

В письмах и художественных произведениях А.П. Чехова неоднократно встречается потенциальное отвлеченное существительное *моветонство*, не зафиксированное у других авторов. Приведем пример из письма:

(7) Узнай: прилично ли мне читать публично в пользу Литер<атурного> фонда, который собирается выписать меня в Питер для участия в литературном вечере? <...> Именно узнай, на каком счету эти вечера и не считается ли участие в них **моветонством**? (Ал.П. Чехову, 1887) (Чехов, т. 2, 1975, с. 24).

Появление этого деривата связано с эволюцией семантики производящего существительного *моветон* в русском языке. Оно стало употребляться с 30-х гг. XIX в., в словарях фиксируется с 60-х гг. со значением отвлеченного существительного, свойственным языку-источнику: «*Моветон*, фр. Обыкновение, поступки, обращение, не принятые в хорошем обществе» (Печаткин, с. 328). Однако уже в 30-е гг. встречаются случаи употребления слова в новом значении, сформированном путем метонимического переноса: 'поведение' → 'лицо, которое его демонстрирует': «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени *моветон*» (Н.В. Гоголь. Ревизор. 1836); «Прошу прощения у тебя за себя и книгопродавцев. Они ужасный *моветон*» (А.С. Пушкин. Письмо Н.Н. Пушкиной. 11 мая 1836) (ССРЛЯ, т. 6, 1957, с. 1121). Возможно, на формирование переносного значения с емой 'лицо' повлияло созвучное существительное *шемадон*.

Материал НКРЯ свидетельствует о том, что слово *моветон* активно использовалось в русском языке в переносном значении на протяжении всего XIX века. Усложнение семантической структуры лексемы *моветон*, потребность дифференцировать на уровне лексической системы абстрактное и конкретное значения привели к образованию в речи деривата *моветонство*.

Выводы

Письма А.П. Чехова представляют собой ценный лингвистический источник, дающий возможность охарактеризовать процес-

сы, которые были свойственны русскому языку и речи во второй половине XIX в.: образование лексических неологизмов как от исконных, так и иноязычных основ, формирование словообразовательных гнезд (с производящими основами *вегетариан-*, *фельетон-*) на базе заимствованной лексики.

Исследованный материал позволил уточнить некоторые вопросы теории неологии, имеющие важное значение при разработке «Словаря русского языка XIX века». Разграничение потенциальных и окказиональных слов возможно на основе совокупности критериев: основная функция (номинативная или экспрессивная), наличие или отсутствие формальных и семантических отклонений от стандарта при словообразовании, степень зависимости единицы от контекста. Для дифференциации лексических неологизмов и потенциальных слов имеют значение такие факторы, как частотность и регулярность употребления единицы, количество использующих ее авторов, наличие или отсутствие фиксации в словарях.

Базовой причиной неологизации языка и речи во второй половине XIX в. служило наличие большого количества лексических лакун и необходимость вербализации соответствующих понятий. В некоторых случаях наблюдается конкуренция заимствованных и образованных в русском языке лексем, компенсировавших лакуны: *вегетарианизм* – *вегетарианство*, *кунктация* – *кунктаторство*. Потенциальный характер отдельных слов подтверждается тем, что они продолжают появляться в речи на протяжении XX–XXI вв. (заново создаются по продуктивным словообразовательным моделям носителями современного русского языка), что свидетельствует о реализации тенденции к регулярности (заполнению пустых клеток) языковой системы – эта тенденция свойственна разговорному стилю и генетически связанному с ним эпистолярному жанру.

К частным причинам образования новых слов относятся внутрисистемные процессы, обусловившие появление лексических и семантических неологизмов, которые, в свою очередь, становились производящими для других неолексем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бекасова Е. Н., 2018. Об особенностях языка писем А.П. Чехова «без церемоний» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 4. С. 20–24.
- Быкова Г. В., 2003. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск : БГПУ. 276 с.
- Глинкина Л. А., 1985. «Весь ваш без церемоний...» (Речевой этикет в частных письмах XIX века) // Русская речь. № 1. С. 39–45.
- Захарова Ю. Г., 2021. Эпистолярное наследие русских писателей как источник изучения неологии второй половины XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. № 18 (4). С. 713–735.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н., 1981. Русская разговорная речь : Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука. 276 с.
- Калиновская В. Н., Старовойтова О. А., 2016. Словарь русского языка XIX века как историко-лексикологическое исследование нового типа // Язык и метод : Русский язык в исследованиях XXI века. Т. 3. Лингвистический анализ на грани методологического срыва / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. С. 35–42.
- Калиновская В. Н., Эзериня С. А., 2017. Лексическая семантика в пространстве «Словаря русского языка XIX века» // Лексикология и лексикография славянских языков / отв. ред. М. И. Чернышева. М. : Лексрус. С. 543–555.
- Калиновская В. Н., Эзериня С. А., 2019. Семантические деривации в русском языке XIX века: системное и индивидуально-авторское // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 19. Материалы международной научной конференции «Вторые Григорьевские чтения : Неология как проблема лингвистической поэтики». М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. С. 77–84.
- Куркина А. С., 2018. Коммуникативная личность писателя как предмет описания (коммуникативная личность А.П. Чехова) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 4. С. 57–60.
- Лыков А. Г., 1976. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М. : Высш. шк. 120 с.
- Ребецкая Н.А., 2019. Проблемы семантизации лексики при подготовке Словаря языка А.П. Чехова // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 19. Материалы международной научной конференции «Вторые Григорьевские чтения : Неология как проблема лингвистической поэтики». М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. С. 260–264.
- Рудова С. С., 2013. Дискуссионные вопросы неологии о потенциальных словах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11 (29), ч. 2. С. 160–163.
- Словарь русского языка XIX века. Проект, 2002. СПб. : Наука. 209 с.
- Смирницкий А. И., 1998. Лексикология английского языка. М. : МГУ. 260 с.
- Сорокин Ю. С., 1965. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е годы XIX в. М. ; Л. : Наука. 565 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Жеребило* – Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru
- Лопатин, Улуханов* – Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Азбуковник, 2016. 812 с.
- Макаров* – Макаров Н. П. Полный французско-русский словарь. По изд. 1884 г. М. : АСТ-Астель, 2004. 1309 с.
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- Печаткин* – Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / изд. Е. П. Печаткин. СПб. : Тип. К. Вульфа, 1861. 574 с.
- ССРЛЯ* – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Наука, 1950–1965. 17 т.
- Черных* – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1999. 2 т.
- Чехов* – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 1–9. М. : Наука, 1974–1980. 9 т.

REFERENCES

- Bekasova E.N., 2018. Ob osobennostyakh yazyka pisem A.P. Chekhova «bez tseremoniy» [On the Peculiarities of the Language of A.P. Chekhov's Letters "Without Ceremony"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 4, pp. 20-24.
- Bykova G.V., 2003. *Lakunarnost kak kategoriya leksicheskoy sistemologii* [Lacunarity as a Category

- of Lexical Systemology]. Blagoveshchensk, BGPU. 276 p.
- Glinkina L.A., 1985. «Ves vash bez tseremoniy...» (Rechevoy etiket v chastnykh pismakh XIX veka) [“All Your Without Ceremony...” (Speech Etiquette in Private Letters of the 19th Century)]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 1, pp. 39-45.
- Zakharova Yu.G., 2021 Epistolyarnoye nasledie russkikh pisateley kak istochnik izucheniya neologii vtoroy poloviny XIX v. [Epistolary Heritage of Russian Writers as a Source of Studying Neology of the Second Half of the XIX Century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature], no. 18 (4), pp. 713-735.
- Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Shiryayev E.N., 1981. *Russkaya razgovornaya rech: Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis*. [Russian Colloquial Speech: General Questions. Word Formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ. 276 p.
- Kalinovskaya V.N., Starovoytova O.A., 2016. Slovar russkogo yazyka XIX veka kak istoriko-leksikologicheskoe issledovanie novogo tipa [Dictionary of the Russian Language of the 19th Century as a Historical and Lexicological Study of a New Type]. Shumska D., Ozga K., eds. *Yazyk i metod: Russkiy yazyk v issledovaniyakh XXI veka. T. 3. Lingvisticheskiy analiz na grani metodologicheskogo sryva* [Language and Method: Russian Language in the Research of the 21st Century. Vol. 3. Linguistic Analysis on the Verge of Methodological Failure]. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, pp. 35-42.
- Kalinovskaya V.N., Ezerinya S.A., 2017. Leksicheskaya semantika v prostranstve «Slovara russkogo yazyka XIX veka» [Lexical Semantics in the Space of the “Dictionary of the Russian Language of the 19th century”]. Chernysheva M.I., ed. *Leksikologiya i leksikografiya slavyanskikh yazykov* [Lexicology and Lexicography of Slavic Languages]. Moscow, Leksrus Publ., pp. 543-555.
- Kalinovskaya V.N., Ezerinya S.A., 2019. Semanticheskie derivatsii v russkom yazyke XIX veka: sistemnoe i individualno-avtorskoe [Semantic Derivations in the Russian Language of the 19th Century: System and Individual Authorship]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 19. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Vtorye Grigorevskie chteniya: Neologiya kak problema lingvisticheskoy poetiki»* [Proceedings of the Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradov. Iss. 19. Proceedings of the International Scientific Conference “Second Grigoriev Readings: Neology as a Problem of Linguistic Poetics”]. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova, pp. 77-84.
- Kurkina A.S., 2018. Kommunikativnaya lichnost pisatelya kak predmet opisaniya (kommunikativnaya lichnost A.P. Chekhova) [The Writer’s Communicative Personality as a Subject of Description (A.P. Chekhov’s Communicative Personality)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 4, pp. 57-60.
- Lykov A.G., 1976. *Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoye okkazionalnoye slovo)* [Russian Russian Lexicology (Russian Occasional Word)]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 120 p.
- Rebetskaya N.A., 2019. Problemy semantizatsii leksiki pri podgotovke Slovara yazyka A.P. Chekhova [Problems of Describing the Semantics of Vocabulary in the Preparation of the Dictionary of the Language of A.P. Chekhov]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 19. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Vtorye Grigorevskie chteniya: Neologiya kak problema lingvisticheskoy poetiki»* [Proceedings of the Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradov. Iss. 19. Proceedings of the International Scientific Conference “Second Grigoriev Readings: Neology as a Problem of Linguistic Poetics”]. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova, pp. 260-264.
- Rudova S.S., 2013. Diskussionnye voprosy neologii o potentsialnykh slovakh [Discussion Questions of Neology About Potential Words]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], no. 11 (29), pt. 2, pp. 160-163.
- Slovar russkogo yazyka XIX v. Proekt* [The Dictionary of the 19th Century Russian Language. Project], 2002. Saint Petersburg, Nauka Publ. 209 p.
- Smirnitkiy A.I., 1998. *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English Language]. Moscow, MGU. 260 p.
- Sorokin Yu.S. *Razvitiye slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30-e – 90-e gody XIX v.* [The Development of the Vocabulary of Russian Literary Language: The 30–90th Years of 19th Century]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 565 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Zherebilo T.V. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran, Pilgrim Publ., 2010. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru
- Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. *Slovar slovoobrazovatelnykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Word-Forming Affixes of the Modern Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p.
- Makarov N.P. *Polnyj frantsuzsko-russkiy slovar* [Complete French-Russian Dictionary]. According to the 1884 Edition. Moscow, AST-Astrel Publ., 2004. 1309 p.
- Nacionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru>
- Pechatkin E.P., ed. *Polnyy slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Complete Dictionary of Foreign Words that are Part of the Russian Language]. Saint Petersburg, Tip. K. Wulfa, 1861. 574 p.
- Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [The Dictionary of Contemporary Russian Literary Language. In 17 Vols.]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1950–1965.
- Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 Vols.]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1999.
- Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. V 30 t. T. 1–9* [Complete Works and Letters. In 30 Vols. Vol. 1–9]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1980.

Information About the Author

Julia G. Zakharova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and Publishing Business, Pacific National University, Karla Marksa St, 68, 680000 Khabarovsk, Russia, zug1977@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6172-194X>

Информация об авторе

Юлия Георгиевна Захарова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела, Тихоокеанский государственный университет, ул. Карла Маркса, 68, 680000 г. Хабаровск, Россия, zug1977@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6172-194X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.3>

UDC 81'342
LBC 81.051.2

Submitted: 21.10.2021
Accepted: 16.05.2022

VARIABILITY OF VOWELS OF DIFFERENT PROMINENCE IN VARIOUS PHRASAL POSITIONS

Sergey V. Batalin

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. The position of vowels in acoustic space is described using the values of the F1 and F2 formants. The approach is determined by the need to perceptually distinguish neighboring vowels. The area occupied by a specific vowel is described as a combination of microfields with each microfield formed by a set of allophone positions of the vowel in question. The results obtained demonstrate that the variability of the allophone position in the acoustic field can be determined by a number of factors, such as the degree of prominence and vowel position in the phrase. With this aim vowel positioning in the acoustic space in words with neutral and emphatic stress was studied. The speech material for analysis comprised the word 'Stas' embedded in the carrier phrase 'Stas ne byl tihoney' ('Stas was not quiet') with the target word occupying initial, medial and final positions in the phrase; in each position the word was pronounced with neutral and emphatic stress. F1 and F2 values of the sound [a] in the word 'Stas' were extracted with the FFT method using the Praat software. The Student paired t-test was employed to note the significance of difference between the first and second formant frequencies of neutrally and emphatically stressed vowels. The analysis revealed that the vowels uttered with emphatic stress are characterized by an expansion of their acoustic vowel space by moving off the vowel space center. The displacement occurs either through an increase of F1, a decrease of F2, or both. A general trend was observed in the impact of phrasal position on vowel formant frequencies. Though the vowels under neutral stress seemed to display greater response to the phrasal position factor compared to the emphatically stressed ones, noticeable regularities could not be established due to a high intradialectal variability of speakers.

Key words: intonation, lexical stress, emphatic stress, neutral stress, inherent vowel duration, speech synthesis.

Citation. Batalin S.V. Variability of Vowels of Different Prominence in Various Phrasal Positions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 29-40. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.3>

УДК 81'342
ББК 81.051.2

Дата поступления статьи: 21.10.2021
Дата принятия статьи: 16.05.2022

ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАСНЫХ И ЕЕ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ТИПА УДАРЕНИЯ И ФРАЗОВОЙ ПОЗИЦИИ

Сергей Васильевич Баталин

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье позиция гласных звуков в акустическом пространстве описана через значения первой и второй формант. Данный подход обусловлен необходимостью перцептивной дифференциации соседних гласных. Область, занимаемая каждым отдельным гласным, охарактеризована как совокупность микрополей, сформированная набором позиций аллофонов данного гласного. Полученные результаты показывают, что вариативность положения аллофонов внутри акустического поля гласного определяется действием целого ряда факторов. Влияние типа ударения (эмфатическое vs нейтральное) и фразовой позиции (начальная – срединная – конечная) на расположение аллофонов гласного звука [a] представлено на двухформантной координатной плоскости. Выдвинуто и доказано предположение, что увеличение перцептивной выделенности приводит к расширению акустического пространства гласного, при этом степень и характер смещения аллофонов задаются позицией гласного

звука в составе фразы. В экспериментальный корпус входят фразы идентичной звуковой структуры с анализируемым словом *Стас*, занимающим различные фразовые позиции и произнесенным с нейтральным и эмфатическим ударением. Сопоставление полученных данных выполнено с использованием двустороннего *t*-критерия Стьюдента. Описано расширение акустического пространства гласного в словах с эмфатическим ударением по сравнению со словами с нейтральным ударением с учетом фразовой позиции; отмечена значительная вариативность результатов, обусловленная интрадиалектными особенностями информантов. Полученные данные могут быть использованы в системах синтеза эмоционально окрашенной речи.

Ключевые слова: интонация, ударение, эмфатическое ударение, нейтральное ударение, собственная длительность гласных, синтез речи.

Цитирование. Баталин С. В. Вариативность гласных и ее зависимость от типа ударения и фразовой позиции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 29–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.3>

Введение

При традиционном подходе к анализу системы гласных звуков характеризуется их акустическое пространство, в котором взаимное расположение звуков описывается на основе значений формант F1 и F2. Совокупность акустических образов формирует образ фонемы. Этот процесс, по мнению Дж. Пьерхамберт, представляет собой интуитивное накопление «имплицитных знаний» («implicit knowledge») [Pierrehumbert, 2016], закодированных в инвентаре единиц каждой категории. Фонологические знания естественным образом включают в себя перцептивную фонетическую информацию в форме вероятностного распределения в перцептивном пространстве [Pierrehumbert, 2003].

Поскольку гласная фонема реализуется в речи набором аллофонов, то акустическое пространство, занимаемое аллофонами той или иной фонемы, может быть представлено в виде поля. В соответствии с общепринятой в настоящее время теорией дисперсии Б. Линдблома, границы акустического пространства, занимаемого звуками, определяются необходимостью уверенного различения этих звуков для реализации фонологических контрастов. В пользу эффективности данного подхода свидетельствуют результаты ряда экспериментальных исследований. Так, по наблюдениям Д. Реказенса, увеличение акустической вариативности гласного звука сопровождается сдвигом границ областей, занимаемых в акустическом пространстве соседними гласными [Recasens, 2021]. Можно с высокой степенью вероятности допустить, что акустичес-

кое пространство каждого гласного не только имеет внешние границы, но и четко структурировано внутри как совокупность микрополей отдельных аллофонов. Данный тезис поддерживается тем фактом, что слушающие демонстрируют высокую точность в дифференциации гласных не только разных категорий, но и внутри одной категории [Cheng et al., 2021]. Вероятно, основным принципом организации акустического поля внутри гласного является, как и в случае с соседними гласными, перекрытие областей отдельных аллофонов, в частности аллофонов русских гласных после твердых и мягких согласных, на что обратил внимание Б.М. Лобанов (подробно см.: [Lobanov, 1971]).

К настоящему времени, в силу отсутствия полномасштабных исследований соответствия воспринимаемых и акустических характеристик звуков речи, остается открытым вопрос о количестве аллофонов, которые необходимо различать для описания той или иной гласной фонемы. В этой связи является показательным количество аллофонов, используемых для конкатенативного синтеза русской речи группой лингвистов Московского государственного университета: для гласного [a], например, в системе синтеза речи для варианта 1992 г. максимальное количество аллофонов составляло 50 единиц, а для варианта 1996 г. – 91 единицу, при этом учитывался только непосредственный фонетический контекст [Захаров, 2000]. Вероятной причиной такой вариативности, по мнению В.Б. Кузнецова, является тот факт, что различительные возможности традиционной спектральной статистической

классификации гласных оказываются недостаточными для полной дифференциации даже небольшого фрагмента системы ударных аллофонов русских гласных [Кузнецов, 2004]. В результате, по замечанию Л.М. Захарова, количественный и качественный состав групп аллофонов приходится определять с опорой как на результаты акустических наблюдений, так и на опыт создания и тестирования автоматического синтеза русской речи [Захаров, 2000].

Одним из важнейших факторов, определяющих качество гласного и, следовательно, возможность формирования аллофонов, является степень перцептивной выделенности. На сегодня особенности изменения значений формант редуцированных гласных по сравнению с ударными достаточно широко освещены в литературе: у безударных гласных соотношение значений формантных частот F1 и F2 уменьшается, а сами гласные смещаются к центру акустического пространства, в то время как в случае с ударными гласными соотношение F1 и F2 увеличивается. Данное явление описано на материале русского языка [Деркач и др., 1983, с. 73; Галунов, 2008]. По наблюдениям Л.В. Бондарко, безударные гласные, в отличие от ударных, характеризуются в основном изменениями форманты F2, значения которой могут как возрастать, так и уменьшаться [Бондарко, 1977, с. 148]. С.В. Князев и Е.В. Грамматчикова отмечают уменьшение значений первой форманты и увеличение значений второй форманты в безударных слогах по сравнению с ударными [Князев, Грамматчикова, 2014]. Аналогичные явления обнаружены и в других языках, в частности в английском [Wedel, Nelson, Sharp, 2018]. Динамика формант может определяться и типом гласного, и степенью его редукиции. Так, Л.М. Захаров отмечает, что в случае с безударным гласным [a] в русском произношении при 1-й степени редукиции происходит движение языка (весьма незначительное) вперед и вверх. В терминах акустической фонетики этот процесс описан как (незначительное) смещение F2 вверх. При 2-й степени редукиции гласные в большей степени смещаются в центр и некоторые из них ([a], [o], [ы]) перестают различаться и совпадают в одном звуке [ъ]. Для других гласных имеются «ограничители»,

препятствующие дальнейшему продвижению к центру [Захаров, 2000]. С.В. Князев и Е.В. Грамматчикова также отмечают различия в динамике F1 и F2 в зависимости от степени редукиции безударных гласных [Князев, Грамматчикова, 2014]. Влияние типа гласного на динамику формант в зависимости от силы ударения было выявлено и в других языках, в частности в английском. По наблюдениям Б. Линдблома, при ударении ядро гласного характеризуется повышением F2 у гласных переднего ряда и понижением у гласных заднего ряда [Lindblom et al., 2007]. Исследователи констатируют отсутствие различий в характере расширения акустического пространства у напряженных и ненапряженных гласных при полном и разговорном стилях произношения [Leung, Jongman, Sereno, 2016; Roesler, Song, 2018].

Позиция гласного во фразе также может рассматриваться в качестве фактора, обуславливающего вариативность значений формант. По результатам, полученным И.И. Валуйцевой и Г.Т. Хутуни на материале русского языка, изменение значений формант наблюдается у гласных в конечной фразовой позиции по сравнению с остальными позициями во фразе [Валуйцева, Хутуни, 2016]. Л. Рослер и Дж. Сонг выявили влияние фразовой позиции на размеры акустического пространства, занимаемого ненапряженными гласными в американском варианте английского языка. Эффект наблюдается в срединной фразовой позиции относительно конечной фразовой позиции и достигается за счет уменьшения значения F1 [Roesler, Song, 2018].

Таким образом, из вышесказанного вытекает вывод о том, что позиция гласного в акустическом пространстве относительно соседних гласных, а также размеры акустического пространства, занимаемого тем или иным гласным, могут определяться степенью ударности и фразовой позицией гласного. Целью данного исследования является оценка влияния различных типов ударения (нейтральное и эмфатическое), а также фразовой позиции (начальная – срединная – конечная) на позицию гласных звуков в акустическом пространстве. Выполненный выше обзор исследований по данному вопросу позволяет сделать следующие предположения:

– поскольку эмфатическое ударение характеризуется большей, по сравнению с нейтральным ударением, перцептивной выделенностью, гласные, произнесенные с эмфатическим ударением, займут большее акустическое пространство, что выразится в смещении этих гласных от центра акустического пространства, то есть в его расширении;

– позиционный фактор может оказывать влияние на позицию аллофона гласного в акустическом поле.

Материал и методы

Экспериментальное исследование выполнено на материале базового гласного [а], включенного в идентичный фонетический контекст, в котором варьируется в составе фразы позиция слова с анализируемым гласным: *Стас не был тихоней – Не был Стас тихоней – Не был тихоней Стас*. В качестве информантов были привлечены четверо носителей русского языка с нормативным литературным произношением в возрасте от 25 до 45 лет, двое мужчин и две женщины. Перед чтением дикторам предъявлялись образцы звучания фраз с нейтральным и эмфатическим ударением на анализируемом слове во всех позициях в составе фразы следующего микродиалога:

- *Стас не был тихоней* (ИК-1).
- *Кто? Снас?*
- *Нет, Стас не был тихоней.*

Фразы были сгруппированы в 6 серий (для каждого типа ударения и каждой фразовой позиции) по 10 фраз; каждая серия озвучивалась 2 раза, между сериями информанту предоставлялся короткий отдых. Запись производилась с использованием микрофона МД 282, аналоговый сигнал был оцифрован с частотой 44 100 Гц. Акустический анализ был выполнен с использованием программы *Praat*. Сегментация аллофонов [а] проводилась на основе спектрограммы и осциллограммы; на сегментированных участках регистрировались средние значения формант F1 и F2, автоматически рассчитываемые программой. Было проанализировано 480 реализаций аллофона [а], для статистической оценки использовался *t*-критерий Стьюдента.

Результаты и обсуждение

На рисунках 1–4 на двухформантной координатной плоскости изображены графики расположения в акустическом пространстве вариантов гласного [а], произнесенного с нейтральным и эмфатическим ударением и занимающего разные позиции в составе фразы – начальную, срединную и конечную; значения F2 и F1 на осях инвертированы для соотнесения значений первой и второй формант с положением языка в полости рта. В таблице представлены средние значения и стандартные отклонения этих величин у привлеченных к эксперименту информантов. В произнесении диктора БС (см. рис. 1) средние значения формантных частот гласного [а] по выборкам для нейтрального и эмфатического ударения значительно различаются в случае F1: значения для нейтрального и эмфатического ударения составили 504 и 543 Гц соответственно ($p < 0,05$). Для F2 статистически достоверных различий между выборками с нейтральным и эмфатическим ударением не обнаружено. Таким образом, при произнесении гласного с эмфатическим ударением наблюдается расширение акустического пространства гласного за счет увеличения значения F1. При произнесении слова с нейтральным ударением средние значения F1 для начальной, срединной и конечной фразовых позиций составили соответственно 502 Гц, 482 Гц и 530 Гц; для F2 – 1410 Гц, 1360 Гц и 1436 Гц, при этом установленные различия были статистически достоверными для смежных фразовых позиций. В артикуляционном плане полученные результаты показывают, что при перемещении слова с нейтральным ударением от начала к середине фразы язык сдвигается назад и несколько вверх, а при произнесении слова в конечном положении язык, по сравнению со срединной фразовой позицией, перемещается вниз и вперед. При произнесении анализируемого гласного с эмфатическим ударением не было выявлено статистически достоверных различий между фразовыми позициями как для значений F1, так и для F2. В этом случае язык находился в нижнем положении в полости рта и практически не перемещался при изменении позиции анализируемого гласного во фразе.

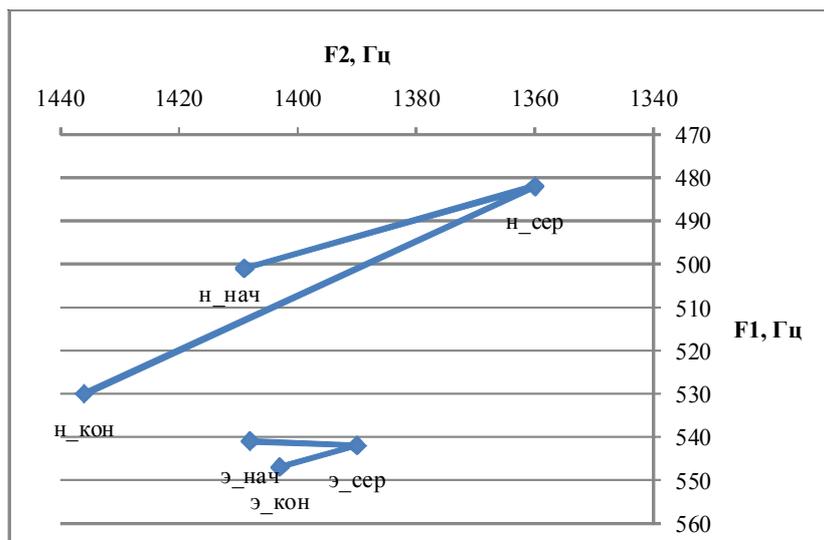

Рис. 1. Положение гласного [а] в акустическом пространстве; диктор БС:

н, э – нейтральное / эмфатическое ударение;

нач, сер, кон – начальная, срединная, конечная фразовые позиции

Fig. 1. Position of the vowel [a] in the acoustic space; speaker BS:

н, э – neutral / emphatic stress; нач, сер, кон – phrase initial, medial, final positions

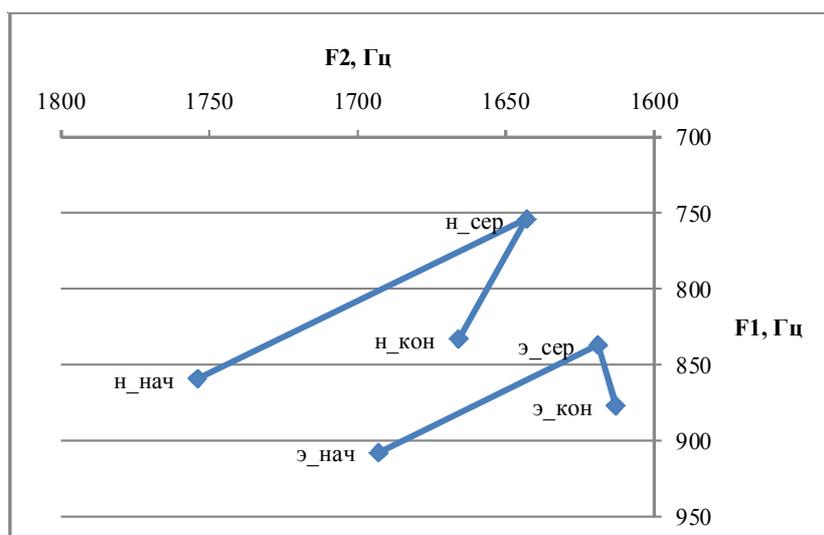

Рис. 2. Положение гласного [а] в акустическом пространстве; диктор ХТ:

н, э – нейтральное / эмфатическое ударение;

нач, сер, кон – начальная, срединная, конечная фразовые позиции

Fig. 2. Position of the vowel [a] in the acoustic space; speaker KhT:

н, э – neutral / emphatic stress; нач, сер, кон – phrase initial, medial, final positions

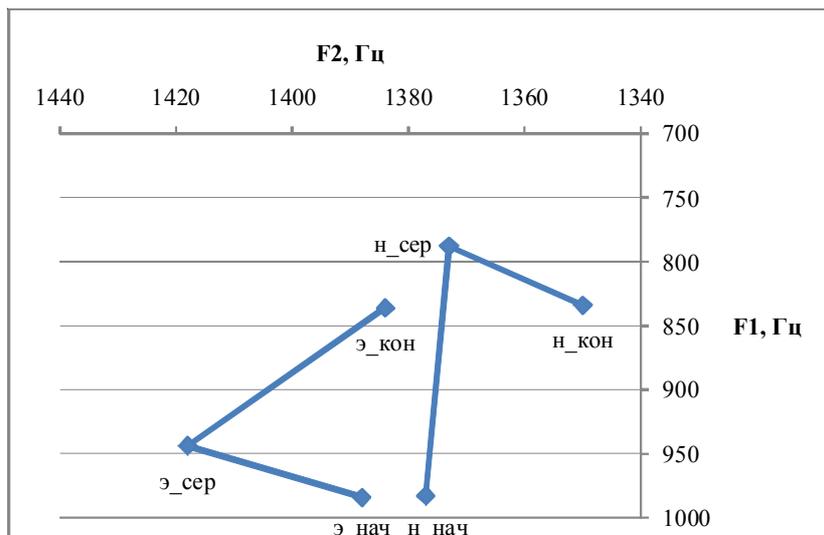

Рис. 3. Положение гласного [а] в акустическом пространстве; диктор ПА:

н, э – нейтральное / эмфатическое ударение;

нач, сер, кон – начальная, срединная, конечная фразовые позиции

Fig. 3. Position of the vowel [a] in the acoustic space; speaker PA:

н, э – neutral / emphatic stress; *нач, сер, кон* – phrase initial, medial, final positions

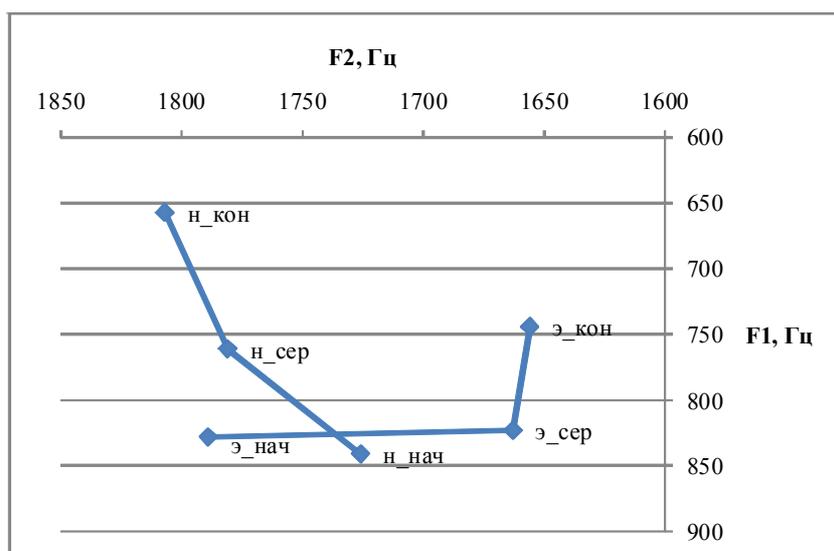

Рис. 4. Положение гласного [а] в акустическом пространстве; диктор КН:

н, э – нейтральное / эмфатическое ударение;

нач, сер, кон – начальная, срединная, конечная фразовые позиции

Fig. 4. Position of the vowel [a] in the acoustic space; speaker KN:

н, э – neutral / emphatic stress; *нач, сер, кон* – phrase initial, medial, final positions

Средние значения M и стандартные отклонения (SD) формант F1 и F2

Mean values M and standard deviations (SD) of the F1 and F2 formants

Дикторы	Форманта	Нейтральное ударение			Эмфатическое ударение		
		Фразовая позиция			Фразовая позиция		
		начальная	серединная	конечная	начальная	серединная	конечная
БС	F1, Гц	501,50	481,90	529,50	547,10	541,60	541,30
	M (SD)	(19,91)	(16,86)	(22,67)	(39,55)	(19,29)	(42,89)
	F2, Гц	1 409,50	1 360,10	1 436,30	1 403,40	1 390,30	1 408,20
	M (SD)	(13,26)	(26,26)	(32,64)	(24,83)	(45,10)	(40,55)
ХТ	F1, Гц	858,70	753,90	833,30	907,90	837,20	877,00
	M (SD)	(47,11)	(44,70)	(64,06)	(36,09)	(56,60)	(32,15)
	F2, Гц	1 754,40	142,50	1 666,00	1 692,90	1 618,60	1 613,70
	M (SD)	(41,53)	(40,88)	(21,27)	(22,49)	(35,08)	(27,85)
ПА	F1, Гц	983,20	787,60	833,90	984,40	943,70	835,90
	M (SD)	(41,42)	(46,30)	(60,83)	(25,12)	(73,08)	(48,77)
	F2, Гц	1 377,00	1 373,20	1 350,20	1 388,30	1 418,40	1 384,20
	M (SD)	(37,47)	(34,79)	(20,84)	(22,98)	(59,68)	(26,91)
КН	F1, Гц	841,00	761,00	656,80	828,20	823,10	743,60
	M (SD)	(27,48)	(22,15)	(45,63)	(28,33)	(29,64)	(27,81)
	F2, Гц	175,50	1 780,90	1 807,30	1 788,60	1 662,70	1 656,00
	M (SD)	(64,31)	(13,54)	(30,35)	(20,74)	(41,33)	(64,47)

В произнесении диктора ХТ (см. рис. 2) значения F1 и F2 по выборке гласных с нейтральным ударением статистически достоверно ($p < 0,05$) отличались от соответствующих значений выборки гласных, произнесенных с эмфатическим ударением: средние значения F1 и F2 для нейтрального ударения составили 815 Гц и 1689 Гц, для эмфатического – 874 и 1641 Гц соответственно. Таким образом, при произнесении гласного с эмфатическим ударением наблюдается смещение гласных от центра акустического пространства за счет движения языка вниз и несколько назад. Из представленных на рисунке 2 графиков видно, что положение языка также меняется в зависимости от места ударного гласного в составе фразы. В случае F1 статистически достоверные различия были выявлены только при сопоставлении значений анализируемого гласного в срединной позиции, с одной стороны, и начальной и конечной фразовых позициях – с другой ($p < 0,05$). Значения F2 гласного в начальной фразовой позиции статистически достоверно отличались от гласных в середине и конце фразы. Аналогичное соотношение формантных частот наблюдалось и в случае произнесения анализируемого гласного с эмфатическим ударением. В артикуляционном плане это означает, что при произнесении гласных диктор ХТ реализует сходные схемы положения языка в зависимости от

фразовой позиции гласного: при расположении гласного в середине и конце фразы язык оттянут назад и несколько приподнят по сравнению с артикуляцией гласного в начале фразы, независимо от типа ударения.

В произношении диктора ПА (см. рис. 3) наблюдались статистически достоверные различия ($p < 0,05$) в значениях частот F1 и F2 между выборками гласных с нейтральным и эмфатическим ударением; средние значения составили для нейтрального ударения 868 Гц и 1367 Гц, для эмфатического – 921 Гц и 1397 Гц соответственно. Таким образом, гласные с нейтральным ударением расположены дальше от центра акустического пространства в горизонтальной плоскости по сравнению с гласными, произнесенными с эмфатическим ударением. Более высокое среднее значение F1 в выборке гласных с эмфатическим ударением свидетельствует о большем смещении языка вниз по сравнению с гласными с нейтральным ударением, однако данный результат, судя по графикам, достигается за счет значительного понижения значения F1 гласного с эмфатическим ударением в середине фразы. Таким образом, в речи диктора ПА расширение акустического пространства гласных с эмфатическим ударением не происходит. Фактор позиции оказывает статистически достоверное влияние на F1 гласного с нейтральным ударением в начальной позиции по

сравнению со срединной и конечной фразовыми позициями ($p < 0,05$). Это означает, что при произнесении ударного гласного в начале фразы язык находится ниже в полости рта по сравнению с артикуляцией гласных в середине и конце фразы. Статистически достоверных различий в значениях F2 для гласных с нейтральным ударением в различных фразовых позициях зафиксировано не было. Несколько иная картина наблюдается в случае произнесения гласных с эмфатическим ударением. Значения F1 гласного в конечной фразовой позиции статистически достоверно отличаются от соответствующих значений в начале и середине фразы, то есть произнесение гласного в конечной фразовой позиции сопровождается движением языка вверх. Что касается значений F2, то статистически достоверных различий в значениях форманты в зависимости от позиции в этом случае выявлено не было.

У диктора КН (см. рис. 4) средние значения F1 (753 Гц) и F2 (1771 Гц) в выборке с нейтральным ударением статистически достоверно отличаются от соответствующих значений (799 Гц и 1702 Гц) в выборке с эмфатическим ударением ($p < 0,05$). Таким образом, при произнесении гласного с эмфатическим ударением происходит расширение акустического пространства, которое достигается за счет движения языка вниз и назад по сравнению с положением языка при артикуляции гласных с нейтральным ударением. Позиция гласного в составе фразы статистически достоверно определяла степень подъема языка в случае нейтрального ударения: спинка языка поднималась по мере перемещения анализируемого гласного от начала к концу фразы, это отразилось в понижении значений F1 ($p < 0,05$). Что касается ряда гласного, то статистически достоверные отличия по степени продвинутости языка были выявлены между начальной позицией, с одной стороны, и срединной и конечной фразовыми позициями – с другой: при произнесении гласного в середине и конце фразы язык несколько продвигался вперед по сравнению с положением в начальной фразовой позиции. В случае с эмфатическим ударением статистически достоверные отличия были зарегистрированы только для конечной фразовой позиции, характеризующейся пони-

жением F1 и, следовательно, подъемом языка. Значение F2 в начальной фразовой позиции статистически достоверно отличалось от значений в середине и конце фразы ($p < 0,05$), что указывает на относительную продвинутость языка вперед в этом случае.

Полученные результаты свидетельствуют о существовании статистически достоверных расхождений в средних значениях первой и второй формант между выборкой гласных, произнесенных с нейтральным и эмфатическим ударением; исключение составили значения F2 в речи диктора БС. Хотя величина и направление смещения гласных в акустическом пространстве в значительной степени определяются интрадиалектными особенностями, тем не менее можно говорить о существовании определенной тенденции в соотношении значений формант. Так, у двух информантов гласные с эмфатическим ударением были смещены дальше от центра акустического пространства, чем гласные с нейтральным ударением, как по оси F1, так и по оси F2. У двух других дикторов смещение гласных с эмфатическим ударением от центра акустического пространства наблюдалось только по одной из осей. Результаты проведенного исследования хорошо коррелируют с имеющимися в литературе данными о расширении акустического пространства гласных, произнесенных с эмфатическим ударением, в частности, в английском языке [Lindblom et al., 2007]. Кроме того, выявленные тенденции согласуются с существующими представлениями о динамике изменения акустического пространства гласных в зависимости от степени их ударности / безударности как различных сторон единого процесса [Gahl, Baayen, 2019].

Результаты выполненного эксперимента также свидетельствуют об изменениях величин F1 и F2 в зависимости от фразовой позиции, однако четко описать характер изменений не представляется возможным, поскольку они разнонаправлены и различаются по степени выраженности. Определенные закономерности в этом случае могут быть прослежены при усреднении данных без учета направления и количественных характеристик изменений значений F1 и F2 в речи четырех дикторов (см. рис. 5). Как следует из представленных на рисунке данных, наибольшие

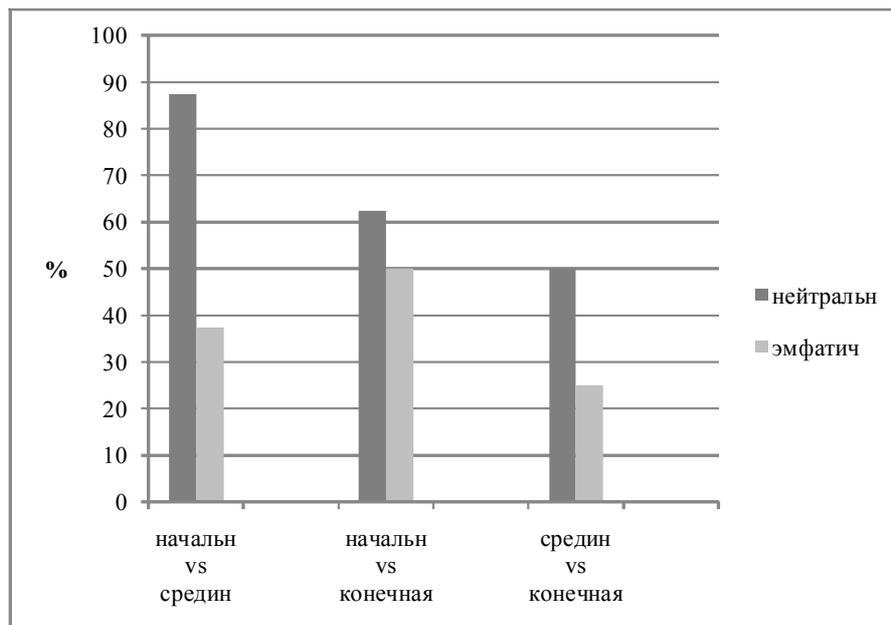

Рис. 5. Изменение значений F1 и F2, усредненных по четырем дикторам

Fig. 5. F1 and F2 value variations averaged across four speakers

различия наблюдаются при сопоставлении изменений значений F1 и F2 гласных с нейтральным ударением в начале и середине фразы. Изменения значений формант в остальных позициях во фразе нерегулярны как в случае гласных с нейтральным, так и в случае с эмфатическим ударением. Таким образом, экспериментальные данные не подтверждают выводы, сделанные на основе результатов, полученных для ненапряженных гласных английского [Roesler, Song, 2018] и русского языков [Валуйцева, Хутуни, 2016].

Выводы

1. Тип ударения – нейтральное или эмфатическое – оказывает статистически достоверное влияние на положение гласного в акустическом пространстве.

2. Произнесение гласного с эмфатическим ударением сопровождается расширением акустического пространства гласного по сравнению с гласными с нейтральным ударением.

3. Смещение гласных с эмфатическим ударением от центра акустического пространства может происходить в результате увеличения значения F1, уменьшения значения F2, а также одновременного изменения значений обеих формант.

4. Позиция гласного в составе фразы оказывает влияние на значения формант F1 и F2 в случае произнесения анализируемого гласного как с нейтральным, так и с эмфатическим ударением.

5. Взаимное расположение гласных на двухформантной координатной плоскости в значительной степени определяется междикторскими различиями.

6. Наибольшее количество расхождений в значениях F1 и F2 обнаруживают гласные с нейтральным ударением, занимающие начальную и срединную фразовые позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко Л. В., 1977. Звуковой строй современного русского языка. М. : Просвещение. 175 с.
- Валуйцева И. И., Хутуни Г. Т., 2016. Эмоции в звучащей речи: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. № 3 (29). С. 45–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-v-zvuchaschey-rechi-eksperimentalnoe-issledovanie/viewer>
- Галунов В. И., 2008. О возможности определения эмоционального состояния говорящего по речи // Речевые технологии. № 1. С. 60–66. URL: <http://speechtechnology.ru/zhurnals/2008/1-2008.html>
- Держак М. Ф., Гумецкий Р. Я., Гура Б. М., Чабан М. Е., 1983. Динамические спектры речевых сигналов.

- Львов : Вища школа. 167 с. URL: https://www.studmed.ru/derkach-m-f-red-dinamicheskie-spektry-rechevyh-signalov_1f0b7b4093f.html
- Захаров Л. М., 2000. Акустическая вариативность звуковых единиц в русской речи // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2000. Вып. 5. С. 46–79.
- Князев С. В., Грамматчикова Е. В., 2014. Русские заударные гласные в предупредной позиции внутри синтагмы // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 5. С. 122–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-zaudarnye-glasnye-v-predudarnoy-pozitsii-vnutri-sintagmy>
- Кузнецов В. Б., 2004. О принципах акустической классификации русских гласных // Язык и речь: проблемы и решения : сб. науч. тр. к юбилею проф. Л.В. Златоустовой / под ред. Г. Е. Кедровой, В. В. Потапова. М. : МАКС Пресс. С. 100–116.
- Cheng H.-Sh., Niziolek C., Buchwald A., McAllister T., 2021. Examining the Relationship Between Speech Perception, Production Distinctness, and Production Variability // *Frontiers in Human Neuroscience*. Vol. 15. P. 1–12. URL: <https://www.mendeley.com/catalogue/421ff9eb-dfd6-32f6-8299-613f9b6e54b5/>
- Gahl S., Baayen R., 2019. Twenty-Eight Years of Vowels: Tracking Phonetic Variation Through Young to Middle Age Adulthood // *Journal of Phonetics*. Vol. 74, pt. 1. P. 42–54. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Twenty-eight-years-of-vowels%3A-Tracking-phonetic-to-Gahl-Baayen/439f48e845231d265464ab93589106487bcf94ee>
- Leung K., Jongman A., Sereno J., 2016. Acoustic Characteristics of Clearly Spoken English Tense and Lax Vowels // *Journal of Acoustical Society of America*. Vol. 140, № 1. P. 45–58. URL: https://www.researchgate.net/publication/304916446_Acoustic_characteristics_of_clearly_spoken_English_tense_and_lax_vowels
- Lindblom B., Aguele A., Sussman H., Cortes E., 2007. The Effect of Emphatic Stress on Consonant Vowel Coarticulation // *Journal of Acoustical Society of America*. Vol. 121, № 6. P. 3802–3813. URL: https://www.researchgate.net/publication/6283435_The_effect_of_emphatic_stress_on_consonant_vowel_coarticulation
- Lobanov B., 1971. Classification of Russian Vowels Spoken by Different Speakers // *Journal of Acoustical Society of America*. Vol. 49, № 2, pt. 2. P. 606–608. URL: https://www.researchgate.net/publication/245664852_Classification_of_Russian_Vowels_Spoken_by_Different_Speakers
- Pierrehumbert J. B., 2003. *Probabilistic Linguistics // Probability Theory in Linguistics* / ed. by R. Bod, J. Hay, S. Jannedy. Cambridge ; L. : The MIT Press. P. 177–228.
- Pierrehumbert J. B., 2016. Phonological Representation: Beyond Abstract Versus Episodic // *Annual Review of Linguistics*. № 2, pt. 1. P. 33–52. URL: https://www.researchgate.net/publication/282417760_Phonological_Representation_Beyond_Abstract_Versus_Episodic
- Recasens D., 2021. Acoustic Characteristics and Placement Within Vowel Space of Full Schwa in the World's Languages: A Survey // *Journal of the International Phonetic Association*. № 3. P. 1–36. URL: https://www.researchgate.net/publication/349795161_Acoustic_characteristics_and_placement_within_vowel_space_of_full_schwa_in_the_world's_languages_A_survey
- Roesler L., Song J. Y., 2018. Acoustic Characteristics of Tense and Lax Vowels Across Sentence Position in Clear Speech // *Journal of Acoustical Society of America*. Vol. 144, № 6. P. EL535–EL540. URL: https://www.researchgate.net/publication/329977077_Acoustic_characteristics_of_tense_and_lax_vowels_across_sentence_position_in_clear_speech
- Wedel A., Nelson N., Sharp R., 2018. The Phonetic Specificity of Contrastive Hyperarticulation in Natural Speech // *Journal of Memory and Language*. № 100. P. 61–68. URL: https://www.researchgate.net/publication/325500870_The_phonetic_specificity_of_contrastive_hyperarticulation_in_natural_speech

REFERENCES

- Bondarko L.V., 1977. *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetic System of the Modern Russian Language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ. 175 p.
- Valuytseva I.I., Hutuni G.T., 2016. Emotsii v zvuchashchey rechi: eksperimentalnoye issledovaniye [Emotions in Spoken Speech: An Experimental Study]. *Voprosy psicholingvistiki* [Issues in Psycholinguistics], no. 3 (29), pp. 45–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-v-zvuchaschey-rechi-eksperimentalnoe-issledovanie/viewer>
- Galunov V.I., 2008. O vozmozhnosti opredeleniya emotsionalnogo sostoyaniya govoryashchego po rechi [On the Possibility of the Identification of the Speaker's Emotion by his Speech]. *Rechevyye tehnologii* [Speech Technologies],

- no. 1, pp. 60-66. URL: <http://spechtechnology.ru/zhurnals/2008/1-2008.html>
- Derkach M.F., Gumtskiy R.Ya., Gura B.M., Chaban M.E., 1983. *Dinamicheskiye spektry rechevyh signalov* [Speech Signal Dynamic Spectra]. Lviv, Vyscha Shkola. 168 p. URL: https://www.studmed.ru/derkach-m-f-red-dinamicheskiye-spektry-rechevyh-signalov_1f0b7b4093f.html
- Zakharov L.M., 2000. Akusticheskaya variativnost zvukovyh edinit v russkoy rechi [Acoustic Variability of Phonetic Units in Russian Speech] *Trudy Kazanskoy shkoly po kompyuternoy i kognitivnoy lingvistike TEL-2000* [Col. of Works of the Kazan School of Computer and Cognitive Linguistics TEL-2000], iss. 5, pp. 46-79.
- Kniazev S.V., Grammatichikova Ye.V., 2014. Russkiye zaudarnye glasnyie v predudarnoy pozitsii vnutri syntagmy [Russian Post-Tonic Vowels in the Pretonic Position Within a Sense Group]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya* [Moscow University Herald. Series 9. Philology], no. 5, pp. 122-134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-zaudarnye-glasnye-v-predudarnoy-pozitsii-vnutri-sintagmy>
- Kuznetsov V.B., 2004. O principah akusticheskoy klassifikatsii russkih glasnyh [Of the Principles of the Acoustical Classification of Russian Vowels]. Kedrova G.E., Potapov V.V., eds. *Yazyk i rech: problemy i resheniya: sb. nauch. tr. k yubileyu prof. L.V. Zlatoustovoy* [Language and Speech: Problems and Solutions. Col. of Works to Honour Prof. L.V. Zlatoustova]. Moscow, MAKSPress Publ, pp. 100-116.
- Cheng H.-Sh., Niziolek C., Buchwald A., McAllister T., 2021. Examining the Relationship Between Speech Perception, Production Distinctness, and Production Variability. *Frontiers in Human Neuroscience*, vol. 15, pp. 1-12. URL: <https://www.mendeley.com/catalogue/421ff9eb-dfd6-32f6-8299-613f9b6e54b5/>
- Gahl S., Baayen R., 2019. Twenty-Eight Years of Vowels: Tracking Phonetic Variation Through Young to Middle Age Adulthood. *Journal of Phonetics*, vol. 74, pt. 1, pp. 42-54. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Twenty-eight-years-of-vowels%3A-Tracking-phonetic-to-Gahl-Baayen/439f48e845231d265464ab93589106487bcf94ee>
- Leung K., Jongman A., J. Sereno, Wang Y., 2016. Acoustic Characteristics of Clearly Spoken English Tense and Lax Vowels. *Journal of Acoustical Society of America*, vol. 140, no. 1, pp. 45-58. URL: https://www.researchgate.net/publication/304916446_Acoustic_characteristics_of_clearly_spoken_English_tense_and_lax_vowels
- Lindblom B., Agwuele A., Sussman H. M., Cortes E., 2007. The Effect of Emphatic Stress on Consonant Vowel Coarticulation. *Journal of Acoustical Society of America*, vol. 121, no. 6, pp. 3802-3813. URL: https://www.researchgate.net/publication/6283435_The_effect_of_emphatic_stress_on_consonant_vowel_coarticulation
- Lobanov B., 1971. Classification of Russian Vowels Spoken by Different Speakers. *Journal of Acoustical Society of America*, vol. 49, no. 2, pt. 2, pp. 606-608. URL: https://www.researchgate.net/publication/245664852_Classification_of_Russian_Vowels_Spoken_by_Different_Speakers
- Pierrehumbert J.B., 2003. Probabilistic Linguistics. Bod R., Hay J., Jannedy S., eds. *Probability Theory in Linguistics*. Cambridge, London, The MIT Press, pp. 177-228.
- Pierrehumbert J. B., 2016. Phonological Representation: Beyond Abstract Versus Episodic. *Annual Review of Linguistics*, no. 2, pt. 1, pp. 33-52. URL: https://www.researchgate.net/publication/282417760_Phonological_Representation_Beyond_Abstract_Versus_Episodic
- Recasens D., 2021. Acoustic Characteristics and Placement Within Vowel Space of Full Schwa in the World's Languages: A Survey. *Journal of the International Phonetic Association*, no. 3, pp. 1-36. URL: https://www.researchgate.net/publication/349795161_Acoustic_characteristics_and_placement_within_vowel_space_of_full_schwa_in_the_world's_languages_A_survey
- Roesler L., 2018. Acoustic Characteristics of Tense and Lax Vowels Across Sentence Position in Clear Speech. *Journal of Acoustical Society of America*, 2018, vol. 144, no. 6, P. EL535-EL540. URL: https://www.researchgate.net/publication/329977077_Acoustic_characteristics_of_tense_and_lax_vowels_across_sentence_position_in_clear_speech
- Wedel A., Nelson N., Sharp R., 2018. The Phonetic Specificity of Contrastive Hyperarticulation in Natural Speech. *Journal of Memory and Language*, no. 100, pp. 61-68. URL: https://www.researchgate.net/publication/325500870_The_phonetic_specificity_of_contrastive_hyperarticulation_in_natural_speech

Information About the Author

Sergey V. Batalin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, sbat_2009@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3435-9797>

Информация об авторе

Сергей Васильевич Баталин, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. В.И. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, sbat_2009@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3435-9797>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.4>

UDC 811.161.1'36
LBC 81.411.2-22

Submitted: 24.10.2021
Accepted: 16.05.2022

WHAT MAY STATISTICS TELL US ABOUT NULL SUBJECTS IN RUSSIAN? ¹

Polina M. Eismont

St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article highlights the linguistic phenomenon of abandoning the expletively presented syntactic subject (the Null Subject Phenomenon) in different languages and focuses on its exemplification by the Russian language. It is shown that despite the existing number of studies on this issue, there is lack of precisely formulated criteria that determine the choice of linguistic means to represent a syntactic subject in the languages, which allow both options (partial null subject languages). Based on the discussion of literature on the topic and on the statistical analysis of 16,718 sentence samples from the spoken language, print journalism, and fiction subcorpora of the Russian National Corpus, the article argues that the choice between null and overt subjects in Russian sentences depends on factors such as tense, person, and style, but that this dependency is rather weak, owing to the fact that the Russian language system is now in the process of change. Null-subjectness is not an exclusive syntactic parameter and should be studied along with other aspects like semantics and pragmatics. The statistical data from this study support previously discussed diachronic and acquisition data, and confirm that languages do not nicely distribute themselves into distinct groups, but inhabit a constantly changing continuum.

Key words: pro-drop languages, null subject, corpus study, syntax, continuum, syntactic subject, Russian.

Citation. Eismont P.M. What May Statistics Tell Us About Null Subjects in Russian? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 41-49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.4>

УДК 811.161.1'36
ББК 81.411.2-22

Дата поступления статьи: 24.10.2021
Дата принятия статьи: 16.05.2022

ЧТО СТАТИСТИКА МОЖЕТ РАССКАЗАТЬ О НУЛЕВОМ СУБЪЕКТЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ? ¹

Полина Михайловна Эйсмонт

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме возможности или невозможности опущения эксплицитно выраженного синтаксического субъекта (null subject phenomenon) в различных языках мира; данное явление рассмотрено на примере русского языка. Показано, что, несмотря на большое количество исследований по этой проблеме, точные критерии, определяющие выбор способа выражения синтаксического субъекта в языках, допускающих оба возможных варианта (partial null subject languages), не сформулированы. В результате статистического анализа 16 718 финитных глагольных клауз из трех стилистических подкорпусов Национального корпуса русского языка (публицистика, устная речь и художественная литература) выявлено, что эксплицитная реализация синтаксического субъекта или его опущение в русском языке связаны не только с традиционно выделяемыми в лингвистике факторами (время и лицо глагольной формы), но и с фактором стиля текста, однако показано, что эта связь проявляется слабо. С учетом имеющихся в литературе диахронических данных и современных данных, полученных при изучении процесса развития речи, делается вывод, что в настоящее время в русском языке происходит изменение норм опущения синтаксического субъекта. Установлено также, что языки не распределяются по данному критерию на несколько закрытых групп, а образуют постоянно изменяющийся континуум.

Ключевые слова: языки pro-drop, нулевой субъект, корпусная лингвистика, синтаксис, континуум, синтаксический субъект, русский язык.

Цитирование. Эйсмонт П. М. Что статистика может рассказать о нулевом субъекте в русском языке? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 41–49. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.4>

Introduction

Null Subject Phenomenon (also known as “Null Subject Parameter,” or “Pro-Drop Parameter”) has been a consistent interest in linguistic studies since its first appearance in early 1980s. The parameter originally divided languages into two groups: those that require explicit syntactic subjects in any syntactic structures (“non-pro-drop languages,” or “non-null subject languages”) and those that allow subject omission (“pro-drop languages,” or “null subject languages”)². Overt, or non-null, subjects in non-null subject languages are licensed by syntactic structure and do not add any specific pragmatic nuances, while in null subject languages overt subjects are not structural and therefore the scope of supplied pragmatic shades is very large. Consequently, scholars have suggested that null subject languages be further subdivided. Huang [1984] has suggested the existence of the so-called “radical null subject languages,” and Holmberg [2005] has more recently introduced the group of “partial null subject languages”. Nevertheless, these groups do not have rigid boundaries, settled by some precise absolute criteria, which has led Duguine [2014] to note the “chaotic character” of null-subject phenomenon.

Where the Russian language falls has been a matter of debate for decades. Some linguists argue that Russian should be considered a null subject language [Růžička, 1986; Perlmutter, Moore, 2002], while others suggest it is a non-null subject language [Franks, 1995; Gordishevsky, Avrutin, 2003]. A third group of scholars claim that Russian is a typical partial null subject language [McShane, 2009; Madariaga, 2018]. Section Two discusses the merits of each position. In Section Three I present a new statistical study of null subjects in Russian based on data from the Russian National Corpus (henceforth RNC)³. The data shows that the choice between null and overt subjects in Russian depends on such factors as tense, person, and style, but that this dependency is weak, and Russian is in the process of change. The data can also help us understand some tendencies in modern Russian syntax and pragmatics that can aid in the development of

computational dialogue systems, text processing, and machine translation software.

The problem of null subjects

A number of groups or a continuum?

Null Subject Parameter was first formulated in the 1980s as a set of criteria for separating null subject languages (NSL) from non-null subject languages (non-NSL) [Rizzi, 1982]. These criteria initially included the possibility of silent referential subjects, free subject inversion, and other properties of formal syntactic structure. Further studies showed that the typology of languages in relation to this parameter is much more complicated and NSLs are not homogeneous. Lindseth [1998] proposed three absolute properties of a true NSL: 1) only null pronominal subjects are stylistically unmarked; 2) only null pronouns can function as bound variables; 3) only null third plural pronominal subjects can have arbitrary reference.

Following Lindseth, Barbosa [2011] distinguished three typological patterns of NSLs: 1) languages with rich subject agreement which allows subjects to be freely dropped (the so-called consistent NSLs [Holmberg, 2005]); 2) languages that have agreement and referential null subjects in restricted contexts (partial NSLs⁴); 3) languages that lack agreement but allow both null subjects and null objects (radical NSLs, or discourse NSLs)⁵. In 2018, Barbosa added one more group of the so-called “semi pro-drop languages” that only have impersonal and quasi-argumental null subjects [Barbosa, 2019]. Lastly, Cognola and Casalicchio compare expletives in non-NSLs and in Romance dialects that are classified as NSLs and conclude that they follow different rules and should not be regarded as homogeneous [Cognola, Casalicchio, 2018]. They restrict the use of null subjects in partial NSLs with such factors as person (not every person allows null subjects), asymmetry between main and embedded clauses (null subjects tend to embedded clauses) and interpretation of generics (only 3rd person may have arbitrary generic interpretation).

Thus, the original division NSLs and non-NSLs developed into a more nuanced separation of five different types, but this seems to have largely

complicated things. The most decisive distributing factors are the existence and the role expletive pronouns play and the dependence of null and overt subjects from text form and discourse structure. Chinese scholars differentiate discourse-oriented and sentence-oriented languages according to the place of null referential subject antecedents: if an antecedent can be found somewhere in the discourse, but not necessarily within the same sentence, then we are dealing with a discourse-oriented NSL (later they were renamed as a “radical NSL”); if not, we are dealing with one of the other groups [Huang, 1984]. Interestingly however, and as I consider more below, Huang’s test does not work for Russian which is considered to be a partial NSL, but allows antecedents in both discourse and extra linguistic reality (cf. [Tseytlin, 1976] for a discussion of situational versus contextual ellipsis).

In contrast, Wrátil [2011] argues that there is a continuum of partial NSLs. While Camacho focuses on the distinction between thematic and expletive subjects, and suggests four possible combinations: 1) null thematic subjects + null expletive subjects; 2) overt thematic subjects + null expletive subjects; 3) null thematic subjects + overt expletive subjects; 4) overt thematic subjects + overt expletive subjects [Camacho, 2013]. The study of diachronic changes [Madariaga, 2018; Kinn, Rusten, Walkden, 2016; Simonenko, Crabbé, Prévost, 2018], of dialects of NSLs [Camacho, 2013; Cognola, Casalicchio, 2018], of first language acquisition [Wrátil, 2011; Pinto, 2006] and of heritage languages [Nagy et al., 2011; Bidese, Tomaselli, 2018] testify that as languages pass from one group to another, pronouns and syntactic structures will often change their properties and behave differently both in history and in language usage. Taken as a whole, these findings prove that the distribution of null subjects is too diverse and we should consider NSLs as a continuum with no rigid boundaries between classes.

Is Russian a partial NSL?

The position of Russian is still vague. At first, it was described as a NSL because it lacks expletive empty pronouns. Subsequently, it was considered to be a non-NSL because its complete syntactic structure requires an explicit subject position. Today however, you often find Russian on the list of languages illustrating partial NSLs.

At the same time, many studies show that Russian often behaves as a discourse or consistent NSL, and it differs too much from typical partial NSLs such as Finnish or Brazilian Portuguese [Madariaga, 2018; Cognola, Casalicchio, 2018]. On the one hand Gordishevsky and Avrutin [2003] among others point out that the null subject is merely an optional strategy in Russian, which differs it from the majority of other Slavic languages that are canonical NSLs [Lindseth, 1998]. On the other hand, Bizarri argues that Russian exhibits properties that are closer to consistent NSLs than to the partial ones [Bizarri, 2015]. And yet others argue that the distribution of null subjects differs significantly in spoken and written Russian with null subjects more frequent in spoken language [McShane, 2009]. This relies on the idea that null subjects in Russian are not structural but are licensed by context and text form, as well as the idea that Russian is a discourse-oriented language [Bizarri, 2015] which makes it closer to radical NSLs than to the partial NSLs (cf. [Barbosa, 2019] for their similarity).

This disagreement raises the question about the nature of this process: is it syntactic or pragmatic? McShane [2009] provides four criteria for answering this question for Russian: 1) syntactic configuration (is it a coordinate or subordinate clause); 2) avoidance of redundancy (including repetitions, series of co-referential actions, elaboration, etc.); 3) avoidance of long-winded formulations; 4) stylistic nuances with only the first one being syntactic. However, the conditions and parameters that were used as the focus in most past studies have not considered the usage of null subjects because such a complex phenomenon requires large statistical and psycholinguistic research to understand its functioning in real speech data (cf.: [McShane, 2009; Bizarri, 2015]). For typical NSLs, null subjects are stylistically unmarked while overt subjects emphasize the referent or signal the change of referents, but this is not true in Russian. In Russian, both null and overt subjects may be stylistically neutral or indicate some idea depending on the context of communication. Interaction between topicality, morphology, and null subjects is significant for any NSL [Cognola, Casalicchio, 2018], and Russian is not an exception.

Material and methods

In this section I present some statistics of null and overt subjects in modern Russian. The RNC has become a fruitful source of information about

any aspect of modern Russian and its diachronic changes. The size of the RNC is more than 600 million of tokens. The RNC includes twelve subcorpora: the main subcorpus, dialectal subcorpus, poetry subcorpus, subcorpus of spoken Russian, etc. Rich metadata and detailed linguistic annotation allows one to compare various parameters in texts from different times, styles, and genres. This is a very important advantage for studying the Null Subject Phenomenon, since the use of null or overt subjects is determined not only by the syntactic characteristics of the language, but also by other pragmatic factors discussed in Section Two.

I focus on the influence of three main factors that are considered decisive for choosing between null and overt subject: 1) *tense*, 2) *person*, 3) *style*. Tense shows the role of agreement, since person is expressed morphologically in present forms, but in past tense this information is hidden. Person corresponds to a) the difference between first and second person behavior on the one hand, and third person behavior on the other hand; b) the arbitrary interpretation of generic null subjects which was repeatedly indicated as one of the most important factors for considering Russian as a partial NSL [Holmberg, Nayudu, Sheehan, 2009]. Style shows the difference between spoken language, print journalism, and fiction which reflects the distinct topic-focus structure of these text forms and can show the role of the discourse structure in the choice of subjects⁶.

The process of data collection was the following. First, I limited the search within three subcorpora: 1) the spoken subcorpus, which contains domestic conversations, public lectures, transcripts of TV talk-shows, etc.; 2) the print journalism subcorpus, which

contains Russian newspapers and magazines published after 2000; 3) the fiction subcorpus, which contains novels, short stories, and other fiction writing originally in Russian and published after 1980. I created a series of specific search queries focusing on verbs of all possible forms – i.e., three tenses (present, past, and future), three persons (first, second, and third), and two numbers (singular and plural). I repeated this series of search queries for each subcorpus and received a sample of more than 25,000 sentences. I then looked through the search results and eliminated all sentences with the verb “быть” (“to be”) because it lacks finite forms in the present and is widely used in compound verb forms which may skew my statistics. Then I manually tagged each sentence with either null subject, overt pronominal subject, or overt nominal subject (only in third person verb forms). In complex sentences I tagged only the initial clause to avoid any asymmetry between main and embedded clauses ([Cognola, Casalicchio, 2018] for an overview).

I further tagged as null subjects only null referential subjects, and eliminated all generic ones. In Russian there are three types of null generic sentences: impersonal where the verb is in the third person form either in present or past; second person generalized human construction; indefinite personal construction (third plural both in present and past); in all these structures the use of syntactic subjects is forbidden, if the position is fulfilled we get another sentence with different meaning (compare examples 1 and 2). Referential null subjects may be fulfilled: if we use an overt subject in place of a null one, we get neither another sentence with different meaning nor an ungrammatical sentence (compare examples 3 and 4). The resulting clause

Examples:

(1) Iz trubny kapalo.
from pipe[GEN.SG] drip [PST.3SG.N]
Something was dripping from the pipe.

(2) Iz trubny kapalo vino.
from pipe[GEN.SG] drip [PST.3SG.N] wine [ACC.SG]
Wine was dripping from the pipe.

(3) Khochesh chaj? – Khochu, spasibo!
want [PRS.2SG] tea [ACC.SG] want [PRS.1SG] thank you
Do you want some tea? – Yes, I do, thank you!

(4) Ty khochesh chaj? – Khochu, spasibo!
2SG want [PRS.2SG] tea [ACC.SG] want [PRS.1SG] thank you
Do you want some tea? – Yes, I do, thank you!

will be grammatically correct, but may need some editing because of its position in the discourse.

Thus, in Russian in the case of a generic null subject, the very fact of its absence is syntactically and semantically meaningful, while in the case of a referential null subject its absence is pragmatically neutral in many contexts. Kasevich [2004] refers to the former as “subject reduction” and to the latter as “subject ellipsis,” since referential null subjects always correspond to some verb argument, while subject reduction⁷ (as well as expletives in non-NSLs) do not fulfill any arguments and are only structural⁸.

This initial analysis revealed that the data needed to be slightly modified. The complexity of Russian tenses and its aspectual system result in a deficient verb paradigm for perfective verbs which have lost the present forms, and so Russian has only five tense-aspect forms [Bondarko, 1971]. Consequently, in this analysis the forms of perfective future were combined with the forms of imperfective present, which have the same set

of inflexions⁹, and these figures were labeled as “no-past.” The plural and singular forms were also combined as there was little reason to expect this factor to be determinant. In addition, search results provided by the RNC comprise quite short context and it is sometimes impossible to distinguish the form of second person plural from the second person polite form which are homonyms. The final set of analyzed sentences is presented in Table 1.

Results and discussion

All three factors proved to be statistically significant for the choice between null and overt subjects (Table 2).

These results show that Russian null subjects are linked with morphology (i.e., agreement), reference (i.e., person), and discourse features (i.e., topic distribution in different text forms). Moreover, the data – which shows a significant number of null subjects in the initial clauses – refutes Holmberg’s statement [2016] that in partial

Table 1. The final set of analyzed sentences

			S(N)	S(Pron)	NULL	Total		
Spoken	no-past	1 person	–	1254	709	1963	5480	6647
		2 person	–	939	1067	2006		
		3 person	587	623	301	1511		
	past	all	261	619	287	1167	1167	
News	no-past	1 person	–	690	655	1345	3861	4871
		2 person	–	423	552	975		
		3 person	1213	204	124	1541		
	past	all	423	456	131	1010	1010	
Fiction	no-past	1 person	–	1110	743	1853	4417	5200
		2 person	–	666	849	1515		
		3 person	645	250	154	1049		
	past	all	421	253	109	783	783	
<i>Total</i>			3550	7487	5681	–	–	16718

Table 2. Chi-squared tests of the statistical significance of tense, persons, and styles

Factor	χ^2	df	p
Tense	715.886	2	< 0,001
Person	286.195	2	< 0,001
Style	756.146	4	< 0,001
Spoken			
Tense	150.838	2	< 0,001
Person	163.815	2	< 0,001
Print journalism			
Tense	176.227	2	< 0,001
Person	37.418	2	< 0,001
Fiction			
Tense	647.808	2	< 0,001
Person	97.356	2	< 0,001

NSLs null subjects can only be in embedded clauses (or we should admit that Russian is not a partial NSL).

To ascertain the statistical significance of these factors I compared the tense and person in total and within each style (Table 3, the most interesting and unexpected results are italics).

These comparisons verified the role of tense and person for the choice between null and overt subjects, but showed that although correlated, their association is weak in most cases and should be considered only as predisposition and not as some strict rule. At the same time, the data falsified the conventional statement that spoken Russian favors null subjects in contrast to written Russian. Rather, the difference was marked most obviously by the text form (e.g., newspaper versus fiction), which confirms the previous findings of the role

of text form (cf.: [Simonenko, Crabbé, Prévost, 2018], for French). Furthermore, the comparison of first and third persons challenged the previously suggested significance of the person distinction for Russian [Holmberg, Nayudu, Sheehan, 2009], and it supports the idea that referential and generic third person subjects should be considered separately in future studies since they follow different syntactic and pragmatic rules (cf.: [Kinn, Rusten, Walkden, 2016; Rosenkvist, 2018], for Germanic languages).

The only factor that showed a tighter correlation with the choice between null and overt subjects is tense, and it is significant for each style (Table 3). This finding proves that rich agreement – despite being disputed in many works recently [D’Alessandro, 2015] – is meaningful for Russian in each analyzed subcorpus. Russian speakers are

Table 3. Paired comparisons of the choice between null and overt subjects in all tenses, persons, and styles

Compared parameters	Yates continuity correction Chi-square test		Cramer’s V	
	χ^2	p-value	V	association
Total, tense, S(N) / S(Pron)	250.447	< 0,001	0.151	weak
Total, tense, S(Pron) / Null	1138.994	< 0,001	0.329	<i>middle</i>
Total, tense, S(N) / Null	642.025	< 0,001	0.263	<i>middle</i>
Total, 1 st vs 2 nd persons, S(Pron) / Null	190.171	< 0,001	0.141	weak
Total, 2 nd vs 3 rd persons, S(Pron) / Null	191.495	< 0,001	0.177	weak
Total, 1 st vs 3 rd persons, S(Pron) / Null	17.797	< 0,001	0.051	no association
Total, spoken / Print journalism, S(N) / S(Pron)	688.673	< 0,001	0.299	<i>middle</i>
Total, spoken / fiction, S(N) / S(Pron)	144.916	< 0,001	0.138	weak
Total, Print journalism / fiction, S(N) / S(Pron)	182.171	< 0,001	0.165	weak
Total, spoken / Print journalism, S(N) / S(Null)	460.720	< 0,001	0.270	<i>middle</i>
Total, spoken / fiction, S(N) / S(Null)	72.594	< 0,001	0.109	weak
Total, Print journalism / fiction, S(N) / S(Null)	161.083	< 0,001	0.164	weak
Total, spoken / Print journalism, S(Pron) / S(Null)	16.492	< 0,001	0.043	no association
Total, spoken / fiction, S(Pron) / S(Null)	16.487	< 0,001	0.041	no association
Total, Print journalism / fiction, S(Pron) / S(Null)	0.063	<i>0.802</i>	0.003	no association
Spoken, tense, S(N) / S(Pron)	67.030	< 0,001	0.126	weak
Spoken, tense, S(Pron) / Null	36.281	< 0,001	0.080	no association
Spoken, tense, S(N) / Null	151.899	< 0,001	0.218	<i>middle</i>
Spoken, 1 st vs 2 nd persons, S(Pron) / Null	116.269	< 0,001	0.172	weak
Spoken, 2 nd vs 3 rd persons, S(Pron) / Null	107.181	< 0,001	0.192	weak
Spoken, 1 st vs 3 rd persons, S(Pron) / Null	3.312	<i>0.069</i>	0.035	no association
Print journalism, tense, S(N) / S(Pron)	0.003	<i>0.959</i>	0.002	no association
Print journalism, tense, S(Pron) / Null	150.390	< 0,001	0.216	<i>middle</i>
Print journalism, tense, S(N) / Null	148.932	< 0,001	0.220	<i>middle</i>
Print journalism, 1 st vs 2 nd persons, S(Pron) / Null	13.878	< 0,001	0.078	no association
Print journalism, 2 nd vs 3 rd persons, S(Pron) / Null	34.037	< 0,001	0.163	weak
Print journalism, 1 st vs 3 rd persons, S(Pron) / Null	12.143	< 0,001	0.087	weak
Fiction, tense, S(N) / S(Pron)	362.117	< 0,001	0.330	<i>middle</i>
Fiction, tense, S(Pron) / Null	34.296	< 0,001	0.092	no association
Fiction, tense, S(N) / Null	512.856	< 0,001	0.420	<i>quite strong</i>
Fiction, 1 st vs 2 nd persons, S(Pron) / Null	84.355	< 0,001	0.159	weak
Fiction, 2 nd vs 3 rd persons, S(Pron) / Null	40.342	< 0,001	0.146	weak
Fiction, 1 st vs 3 rd persons, S(Pron) / Null	0.463	<i>0.497</i>	0.015	no association

likely to experience some difficulties to co-reference agents of past actions, but they may rely on inflectional gender information although this factor seems to be skipped in the majority of studies. The strongest association between tense and the choice of nominal overt subject versus null subject was found in fiction. This finding needs further research as fiction follows specific rules of reference, permits sentences much longer than both spoken and journalistic language, favors the serial sequences of actions, etc. All these properties may influence the choice of subject [McShane, 2009].

Conclusion

The statistical analysis of Russian data shows that Russian deviates from expectations that fit NSLs, non-NSLs, or partial NSLs. It allows null subjects in all persons, all analyzed styles, and both main and embedded clauses, as well as possessing a rich agreement system (this matches consistent NSLs). Furthermore, Russian is co-referential to antecedents but they may be extrasentential, and it allows null objects (this matches discourse NSLs). And lastly, although rich in its subject agreement system, Russian is still deficient here and it includes arbitrary generic pronouns including the third person (this matches partial NSLs), while at the same time null subjects are not restricted to any finite verb forms or styles and third person referential null subjects may be found in clauses of any type (in contrast to partial NSLs).

All in all, Russian presents a very complicated example of the Null Subject Phenomenon which consequently needs to be studied by means of corpus and psycholinguistic methods. Together with the data from the history of Russian and from Russian acquisition, these findings show that Russian is likely to be currently undergoing a process of change, but the direction, reasons, and modes of this change are still unclear.

NOTES

¹ The work is supported by the research grant number 20-012-00290 ‘Oral and written narrative as a secondary text: peculiarities of production by various categories of Russian speakers’ from the Russian Foundation for Basic Research.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (про-

ект № 20-012-00290 «Устный и письменный нарратив как вторичный текст: особенности порождения разными категориями носителей русского языка»).

² As I do not discuss the problem of *pro* in this paper, I from now on use only the term “null subject”.

³ RNC is available at www.ruscorpora.ru.

⁴ They are also called “non-full pro-drop languages” [Cardinaletti, 2012].

⁵ Holmberg argues that radical NSLs is a false term because it suggests some radical rules of argument eliding [Holmberg, 2016].

⁶ A detailed analysis of topic prominence and topic chains must stay outside the scope of the present study, although recent studies have shown it to be a significant factor for the choice between null and overt subjects [Frascarelli, Casentini 2019].

⁷ Kasevich [2004] suggested this term in its phonological meaning.

⁸ Cf. [Haider, 2019] for a discussion of semantically void arguments and expletives subjects.

⁹ The forms of imperfective future were eliminated at the previous stage.

REFERENCES

- Barbosa P.M., 2011. Pro-Drop and Theories of Pro in the Minimalist Program. Part 2. Pronoun Deletion Analyses of Null Subjects and Partial, Discourse and Semi Pro-Drop. *Language and Linguistics Compass*, vol. 5, iss. 8, pp. 571-587.
- Barbosa P.M., 2019. Pro as a Minimal nP: Toward a Unified Approach to Pro-Drop. *Linguistic Inquiry*, vol. 50, iss. 3, pp. 487-526.
- Bidese E., Tomaselli A., 2018. Developing Pro-Drop: The Case of Cimbrian. Cognola F., Casalicchio J., eds. *Null Subjects in Generative Grammar: A Synchronic and Diachronic Perspective*. Oxford, Oxford University Press, Oxford Scholarship Online. DOI: 10.1093/oso/9780198815853.003.0003
- Bizarri C., 2015. Russian as a Partial Pro-Drop Language: Data and Analysis from a New Study. *Annali di Ca'Foscari. Serie occidentale*, no. 49, pp. 335-362.
- Bondarko A.V., 1971. *Vid i vremya russlogo glagola* [Tense and Aspect of Russian Verb]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 239 p.
- Camacho J.A., 2013. *Null Subjects*. Cambridge, Cambridge University Press. 253 p.
- Cardinaletti A., 2012. Afterword: On Clitic Omission and the Acquisition of Subject Clitic Pronouns. Larranaga P., Guijarro-Fuentes P., eds. *Pronouns and Clitics in Early Language*. Berlin, De Gruyter Mouton, pp. 283-303.
- Cognola F., Casalicchio J., 2018. On the Null-Subject Phenomenon. Cognola F., Casalicchio J., eds.

- Null Subjects in Generative Grammar: A Synchronic and Diachronic Perspective.* Oxford, Oxford University Press, Oxford Scholarship Online. DOI: 10.1093/oso/9780198815853.003.0001
- D'Alessandro R., 2015. Null Subject. Fábregas A., Mateu J., Putnam M., eds. *Contemporary Linguistic Parameters.* London, Bloomsbury Press, pp. 201-226.
- Duguine M., 2014. Argument Ellipsis: A Unitary Approach to Pro-Drop. *The Linguistic Review*, vol. 31, iss. 3-4, pp. 515-549.
- Franks S., 1995. *Parameters of Slavic Morphosyntax.* New York, Oxford, Oxford University Press. 432 p.
- Frascarelli M., Casentini M., 2019. The Interpretation of Null Subjects in a Radical Pro-Drop Language: Topic Chains and Discourse-Semantic Requirements in Chinese. *Studies in Chinese Linguistics*, vol. 40, iss. 1, pp. 1-45.
- Gordishevsky G., Avrutin S., 2003. Subject and Object Omissions in Child Russian. *Proceedings of IATL 19 (Ben-Gurion University of the Negev, 16-17 June 2003)*. URL: <http://linguistics.huji.ac.il/IATL/19/GordishevskyAvrutin.pdf>
- Haider H., 2019. On Absent, Expletive, and Non-Referential Subjects. Herbeck P., Bernhard Pöll B., Wolfgruber A.C., eds. *Semantic and Syntactic Aspects of Impersonality.* Hamburg, Helmut Buske Verlag, pp. 11-46.
- Holmberg A., 2005. Is There a Little Pro? Evidence from Finnish. *Linguistic Inquiry*, vol. 36, pp. 533-564.
- Holmberg A., 2016. Null Subjects in Finnish and the Typology of Pro-Drop. Tamm A., Vainikka A., eds. *Uralic Syntax*. URL: <https://andersholmberg92428242.files.wordpress.com/2020/04/holmberg-to-appear.-null-subjects-in-finnish-and-the-typology-of-pro-drop.pdf>
- Holmberg A., Nayudu A., Sheehan M., 2009. Three Partial Nullsubject Languages: A Comparison of Brazilian Portuguese, Finnish and Marathi. *Studia Linguistica*, vol. 63, pp. 59-97.
- Huang C.-T.J., 1984. On the Distribution and Reference of Empty Pronouns. *Linguistic Inquiry*, vol. 15, pp. 531-574.
- Kasevich V.B., 2004. Nuli, Ellipsis, etc. [Nulls, Ellipsis, etc.]. Verbitskaya L.A., ed. *Teoreticheskie problemy lingvistiki: k 140-letiyu kafedry obshchego yazykoznaniya Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Theoretical Problems of Linguistics: To the 140th Anniversary of the Department of General Linguistics at St Petersburg University]. Saint Petersburg, St. Petersburg University Press, pp. 196-208.
- Kinn K., Rusten K.A., Walkden G., 2016. Null Subjects in Early Icelandic. *Journal of Germanic Linguistics*, vol. 28, iss. 1, pp. 31-78.
- Lindseth M., 1998. *Null-Subject Properties of Slavic Languages: With Special Reference to Russian, Czech, and Sorbian.* Munchen, Otto Sagner. 215 p.
- Madariaga N., 2018. Diachronic Change and the Nature of Pronominal Null Subjects: The Case of Russian. Cognola F., Casalicchio J., eds. *Null Subjects in Generative Grammar: A Synchronic and Diachronic Perspective.* Oxford, Oxford University Press, Oxford Scholarship Online. DOI: 10.1093/oso/9780198815853.003.0007
- McShane M., 2009. Subject Ellipsis in Russian and Polish. *Studia Linguistica*, vol. 63, pp. 98-132.
- Nagy N.G., Aghdasi N., Denis D., Motut A., 2011. Null Subjects in Heritage Languages: Contact Effects in a Cross-Linguistic Context. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, vol. 17, iss. 2, art. 16.
- Perlmutter D.M., Moore J., 2002. Language-Internal Explanation: The Distribution of Russian Impersonals. *Language*, vol. 78, pp. 619-650.
- Pinto M., 2006. Subject Pronouns in Bilinguals: Interference or Maturation? Torrens V., Escobar L., eds. *The Acquisition of Syntax in Romance Languages*, Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, pp. 331-352.
- Rizzi L., 1982. *Issues in Italian Syntax.* Dordrecht, Foris. 188 p.
- Rosenkvist H., 2018. Null Subjects and Distinct Agreement in Modern Germanic. Cognola F., Casalicchio J., eds. *Null Subjects in Generative Grammar: A Synchronic and Diachronic Perspective.* Oxford, Oxford University Press, Oxford Scholarship Online. DOI: 10.1093/oso/9780198815853.003.0012
- Růžička R., 1986. Funkcionirovanie i klassifikatsia pustyxh kategoriy v russkom literaturnom yazyke [Functions and Classification of Empty Categories in Russian Standard Language]. *Zeitschrift für Slavistik*, vol. 31, pp. 388-392.
- Simonenko A., Crabbé B., Prévost S., 2018. Text Form and Grammatical Changes in Medieval French: A Treebank-Based Diachronic Study. *DIACHRONICA*, vol. 35, iss. 3, pp. 393-428.
- Tseytlin S.N., 1976. Stroenie predlozheniya i rechevaya situatsia (k probleme elliptichnosti predlozheniya) [The Structure of Sentence and the Situation of Communication (To the Problem of Elliptic Sentences)]. *Funksionalny analiz grammaticheskikh kategoriy i edinit* [Functional Analysis of Grammatical Categories and Elements]. Leningrad, Herzen Institute Publishing House, pp. 37-46
- Wratil M., 2011. Uncovered Pro – On the Development and Identification of Null Subjects. Wratil M., Gallmann P., eds. *Null Pronouns.* Berlin, Walter de Gruyter, pp. 99-140.

Information About the Author

Polina M. Eismont, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Ludmila Verbitskaya Department of General Linguistics, St. Petersburg University, Universitetskaya Emb., 7-9-11, 199034 Saint Petersburg, Russia, p.eysmont@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0595-1847>

Информация об авторе

Полина Михайловна Эйсмонт, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания им. Л.А. Вербицкой, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9-11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, p.eysmont@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0595-1847>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.5>

UDC 81'25
LBC 81.18

Submitted: 04.06.2022
Accepted: 20.06.2022

OVERCOMING STRANGENESS IN TRANSLATION: INTERNATIONAL PRESENTATION DISCOURSE OF HIGH SCHOOL

Vera A. Mityagina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Marina Yu. Fadeeva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. This study examines the approaches to defining the notion of strangeness from the standpoints of philosophy, intercultural communication, and translation studies. Depending on intensity of axiological characteristics by such criteria as space, affiliation, trust, and compliance with linguistic norms, strangeness is verbalized by expanding the “own : other – foreign” opposition. On the textual level, “otherness” and “foreignness” are characterized by borderline, subjective perception of the recipient; meanwhile, it is noted that the translation decision on overcoming strangeness is made directly by the translator as the initial recipient. Interactions with representatives of other countries and cultures are an active part of the academic discourse, defined by the authors as communication in the high school space and its educational, research, and sociocultural areas. This paper focuses on the international presentational discourse of high school, which implements its phatic tasks in the informative texts posted on an educational institutions website in the original and translated versions. As participants of the presentational discourse are inclined to have a dialog, strangeness tends to be perceived as a form of otherness. Its explication in translated texts is performed by full and functionally adequate translation of the units, such as realia, forms of address, neologisms, proper nouns, which communicate unique information and reflect linguacultural peculiarities.

Key words: strangeness, “foreignness”, “otherness”, translation, translation practice, academic discourse, international presentation discourse, dialogicity.

Citation. Mityagina V.A., Fadeeva M.Yu. Overcoming Strangeness in Translation: International Presentation Discourse of High School. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 50-61. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.5>

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИНАКОВОСТИ В ПЕРЕВОДЕ: ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЙ ДИСКУРС ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Вера Александровна Митягина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Марина Юрьевна Фадеева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В работе рассмотрены подходы к определению категории инаковости в русле философии, межкультурной коммуникации и переводоведения. Показано, что в зависимости от степени интенсивности проявления аксиологического признака по критериям пространства, принадлежности, доверия, соответствия норме вербализация инаковости реализуется за счет расширения оппозиции «свой : : другой – чужой». На текстовом уровне «другость» и «чуждость» характеризуются двойственностью и субъективностью восприятия адресатом, поэтому утверждается, что в переводе решение о способе преодоления инаковости принимается непосредственно переводчиком как первичным реципиентом текста. Выбор эмпирического материала обусловлен тем, что взаимодействие с представителями других стран и культур активно осуществляется в пространстве академического дискурса, понимаемого авторами как коммуникация в пространстве высшей школы в образовательной, научно-исследовательской, социокультурной областях. В фокусе исследования находится интернациональный презентационный дискурс высшей школы, который решает фатические задачи учебного заведения в текстах информативных жанров сайта вуза в его оригинальной и переводной версиях. Выявлено, что диалогическая установка участников презентационного дискурса свидетельствует в пользу восприятия инаковости в форме «другости», экспликация которой в тексте перевода осуществляется посредством максимально полного и адекватного перевода единиц, передающих уникальную информацию, выражающих лингвокультурную специфику (реалии, формы обращений, неологизмы, имена собственные).

Ключевые слова: инаковость, «чуждость», «другость», перевод, переводческая деятельность, академический дискурс, интернациональный презентационный дискурс, диалогичность.

Цитирование. Митягина В. А., Фадеева М. Ю. Преодоление инаковости в переводе: интернациональный презентационный дискурс высшей школы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 50–61. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.5>

Введение

Перевод как сфера межъязыковой и межкультурной коммуникации традиционно описывается через призму оппозиции «свой – чужой». Посредством текста перевода чужая получателю культура становится доступной, а сравнение «чужого» и «своего» расширяет границы познания. Противопоставление своего и чужого миров находит отражение в языке и вызывает научный интерес лингвистов. Начиная с Античности, как полагает Р. Штихве, переводческая деятельность и сам переводчик нередко соотносились с образом чужеземца, который говорил на многих языках и тем самым имел возмож-

ность чувствовать себя своим в других культурах [Stichweh, 2010, S. 59].

Приписываемые переводчику характеристики во многом нашли свое отражение в метафорах о нем: А.В. Шлегель назвал переводчика посланцем одной нации к другой нации, Я. Гримм – паромщиком, направляющим корабль «со словесным грузом» от берегов одного языка и культуры к берегам другого языка и культуры. Река знаменует собой физическую, естественную границу между своим и чужим. Если бы не существовало реки, разделяющей две культуры, в паромщиках не было бы нужды (см.: [Siever, 2019]). Немецкий переводовед Х. Хёниг определил деятельность переводчика как работу строителя мо-

стов [Hönig, 1995, S. 18]. Паромщик и строитель моста – это пограничные фигуры, которые всегда остаются на одном из берегов реки. В современном мире переводчик, по мнению Ш. Бахадир, свободно лавирует между двумя языками (культурами), но не хочет и не может полностью отказаться от своего происхождения, и в то же время он не полностью интегрирован в новое сообщество [Bahadir, 1998].

Осмысление роли переводчика как трансцендентного кочевника предлагает Х. Зивер: двигаясь навстречу чужому в языке и культуре в своем мышлении и действиях, переводчик погружается в трансцендентность. «Трансцендировать» в данном случае означает преодолевать или выходить за пределы: переводчик находится не в одном языке и культуре, а в нескольких языках и культурах и для своей работы пересекает границы между различными языками и культурами [Siever, 2019].

Таким образом, метафорическую основу всех изречений о переводчиках составляет принцип «пограничности». Переводчик балансирует на границе инаковости и идентичности. Осознанно идентифицируя себя с автором исходного текста, с одной стороны, и получателем перевода, с другой стороны, переводчик нивелирует языковые, культурные, технические и прочие различия и создает функционально эквивалентный текст перевода.

Идентичность для переводчика выражается в принятии инаковости, частными формами реализации которой в процессе рефлексии столкновения с «иным» выступают категории «чуждость» и «дружость». В зависимости от стратегий текстопорождения некоторые фрагменты текста могут вызывать у читателя ощущение недоверия или, наоборот, интерес ввиду своего отличия от привычного и традиционного. В переводе степень субъективности восприятия возрастает, поскольку у текста появляются как минимум два читателя: переводчик и адресат, происходит так называемое «удвоение инстанции читателя» (Verdopplung der Leserinstanz [Arend, 2004, S. 214]). Переводчик как первый реципиент сталкивается с маркерами инаковости и в этой связи принимает решение о необходимости адаптации единиц языка оригинала к возмож-

ностям языка перевода. Данное обстоятельство находит свое выражение в тех принципах перевода, согласно которым переводчик относится к двум полярным величинам «своего» и «чужого» с одинаковой долей уважения и эмпатии, демонстрируя осознанный подход к передаче инаковости в отдельных коммуникативных ситуациях.

По справедливому мнению А. Бермана, перевод нельзя рассматривать как простое посредничество, так как он представляет собой процесс взаимодействия с «иным», «другим» или «чужим», его менталитетом, эстетикой, культурой, что связано не только с языковой или литературной перспективой, но и с антропологией и герменевтикой [Берман, 2011, с. 100].

Цель настоящего исследования – выявить способы передачи маркеров инаковости при переводе текстов интернационального презентационного дискурса как важной составляющей академического метадискурса.

Материал и методы

Эмпирическим материалом исследования послужили текстовый контент сайтов российских и немецких университетов и их переводные версии на английском языке (всего 45 сайтов). В качестве иллюстративного материала в статье приводятся текстовые фрагменты сайта Университета Виадрина (Europa Universität Viadrina).

В рамках данной статьи применялись общенаучные методы исследования: теоретический анализ с использованием индуктивного и дедуктивного методов для обобщения собранных теоретических данных, для выделения маркеров инаковости в тексте использовался метод лингвистического наблюдения и описания. Сравнение исходного текста и текста перевода осуществлялось при помощи интент- и контент-анализа.

Результаты и обсуждение

Инаковость с позиции философии и коммуникативной лингвистики

Границы между «своим» и «чужим» всегда были и остаются крайне подвижными. По мнению Ю.М. Лотмана, всякая культура на-

чинается с разбиения мира на внутреннее («свое») и внешнее («их») пространство, которые предстают как космос и хаос [Лотман, 2000, с. 175]. В аспекте пространственных кодов культуры «свое» и «чужое» мыслятся как совокупность концентрических кругов: в самом центре находится человек и его ближайшее родственное окружение, по мере удаления от центра, от мира «своих» возрастает степень «чужести» пространства. Как отмечалось в наших предыдущих работах, подвижность границ внутри общества, а также разнообразие коммуникативных ситуаций закладывают основание для логико-психологического градуирования, которое семантически вербализуется в форме квадриады «свой : : иной – другой – чужой». Градация обоснована различной степенью интенсивности аксиологического признака в категориях принадлежности, пространства, вида, образа действия (см., например: [Фадеева, 2016]).

Обратимся к словарному анализу составных элементов вышеназванной квадриады.

С позиции классической философии «чужость» обозначает онтологическую фиксацию неизведанного, выходящего за пределы личного опыта. Чужое кажется недоступным, сложным для понимания и плохо поддающимся упорядочиванию, что может повлечь за собой двойную реакцию – от ужаса до восхищения. Столкновение с чужим Я. Фрейдинг определяет как «непредсказуемое» чувство потери контроля над обстоятельствами, которое может иметь место в любой из сфер жизни [Freuding, 2022, S. 112]. Эта точка зрения созвучна позиции Б. Йостес, согласно которой ощущение «чужести» отличается субъективизмом и в то же время высокой степенью изменчивости: однажды возникнув, «чужость» может быть нивелирована в зависимости от ситуации, позиции субъекта и его ожиданий, основанных на бытующем социальном миропорядке [Jostes, 2004].

К.У. Хелльман выделяет пять модусов «чужести»:

- 1) «чужость» проявляется в коммуникации на уровне непонимания, приводит к спорному осмыслению ситуации и потере ориентиров;
- 2) «чужость» рассматривается как повод для недоверия: противоречия, лежащие за горизонтом ожидания, могут приводить к кон-

фликтам или, наоборот, расширять познавательные возможности и приводить к смене парадигмы восприятия;

3) любое разочарование, несоответствие ожиданий позволяет трактовать «чужость» как проблему;

4) «чужость» рассматривается как кризис: социальная проблема недоверия по отношению к Чужому приводит к кризису как точке, заключенной между рутинной и катастрофой в жизни индивида;

5) «чужость» характеризуется амбивалентностью: опыт взаимодействия с Чужим всегда неоднозначен; любопытство подталкивает к постижению инаковости, в то время как страх блокирует любые пути сближения [Hellmann, 1998].

«Чужость» является, таким образом, лингвокультурной категорией, поскольку она конструируется исключительно в дискурсивных практиках партнеров по коммуникации. Принцип искусственного формирования «чужести» по отношению к отдельным персонам, вещам, странам Г.Ч. Спивак назвала проявлением феномена «конструирования Чужого» / «Othering Constructing» [Spivak, 2009].

Категория «другости» широко используется в концепции диалогизма (Ф. Розенцвейг, М. Бубер, М.М. Бахтин и др.). Единственность Я и единственность Другого равнозначны. Е.С. Тейтельбаум отмечает, что Другой – это более широкое понятие, чем Чужой, ибо Чужой всегда есть Другой, в то время как Другой не всегда является Чужим. Восприятие Другого становится иным прежде всего на основании реального общения с этим Другим [Тейтельбаум, 2011, с. 150].

Х. Турк рассматривает Чужого через призму противопоставления своему, собственному, а Другого определяет через отношение вариативности: не Я, не Чужой, а отличающийся – Другой [Turk, 1990, S. 19].

Таким образом, «другость» обозначает различие, поддающееся сравнению в контексте одного миропорядка, а «чужость» представляет собой несхожесть, которая при сравнении с другими субъектами, личностными группами, предметами выходит за пределы понятного мироустройства. Ключевым отличием выступает граница между сферой своего и чужого, где «другость» занимает промежуточное положение.

Инаковость в переводе

В транслатологии категории «чужести» (Fremdheit) и «другости» (Andersheit) впервые упоминаются в трудах св. Иеронима («Паммахию. О наилучшем способе переводить»), И.В. фон Гете, А.В. Шлегеля, В. фон Гумбольдта, Ф. Шлейермахера [Nicklaus, 2020, S. 127]. В исследованиях Б. Вальденфельса межкультурная коммуникация между людьми характеризуется через призму чужого и чужестранного [Waldenfels, 1990]. В литературоведении Г. Штайнер для номинации «другости» использует термин «Alterität» [Steiner, 1981]. «Чужесть» становится предметом исследования немецких переводоведов К. Райс, Г.Й. Вермеера, К. Норд, В. Виллса [Yang, 2010]. Польский теоретик перевода Р. Левицкий описывает «чужесть» как «obcość», его коллеги К. Хейвовски, К. Липински, Й. Жмудцкий применяют понятие инаковости (Andersartigkeit) [Zmudzki, 2012].

В основе вышеназванных терминов лежит релятивность, проявляющаяся в постижении субъектом мира через призму жизненного опыта. «Чужесть» в тексте оригинала всегда является результатом сравнения и проекции, а в случае перевода – специфической оценки исходного текста. Параметром субъективизма выступает адресат, который воспринимает оригинал как чуждый по внешней форме текста, его семантико-тематическим, коммуникативно-прагматическим характеристикам, содержанию и отсылкам к культуре оригинала.

Отметим обоснованность выделения И.И. Баклановой образов «своего» (осведомленного адресата) и «чужого» (неосведомленного адресата) на основании постулатов речевого общения Г.П. Грайса. «Свой» адресат осведомлен о содержании упоминаемых в тексте ситуаций, разделяет мнение автора по поводу истинности сообщаемой информации, легко воспринимает авторскую логику и знаком с использованными словами и выражениями. «Чужой» исходной культуре адресат нуждается в более подробной и сопровождаемой разъяснениями информации [Бакланова, 2016, с. 28].

Как изменить степень «осведомленности»? Осмысливая чужое как иноязычные вкрапления в тексте оригинала, И.В. фон Гете

формулирует два принципа перевода: «переселение» иностранного автора к читателям так, чтобы они могли увидеть в нем соотечественника, или «отправление» читателей перевода к чужеземцу, с тем чтобы они освоились с его условиями жизни, складом его языка, его особенностями [Шелестюк, Гриценко, 2016]. Ф. Шлейермахер настаивал на необходимости «отчуждения» при переводе, которое могло бы указать на чужое в тексте перевода [Schleiermacher, 1878].

Автором более развернутой трактовки лингвокультурных стратегий перевода, оперирующего феноменом Чужого, является современный американский переводовед Л. Венути, в исследованиях которого весьма успешно применяются актуализированные понятия «переселения» и «отчуждения» – стратегии «доместикации» и «форенизации». Доместикация представляет собой этноцентрический подход, при котором текст оригинала зачастую сокращается, акцент делается на культурных ценностях языка перевода, а «автор приближается к читателю». Форенизация является обратным подходом, при котором акцент делается на сохранении иностранных языковых и культурных ценностей, а «читатель приближается к автору» [Venuti, 2001, p. 78]. Стратегии «сглаживающего перевода» (доместикации), при котором переводчику отводится роль «невидимки», ввиду опущения понятий и явлений, требующих дополнительного объяснения или же замены их сходными явлениями культуры языка перевода, Л. Венути противопоставляет стратегию перевода-сопротивления – форенизации. Следуя второй стратегии, переводчик добавляет пояснения и комментирует трудные для восприятия особенности иноязычного текста и культуры оригинала.

Детализацию понятия «чужести» принимают В. Хунтемман и Л. Рюлинг, предлагая дифференцировать экстринсивную и интринсивную «чужесть» в переводе. Экстринсивность, в отличие от интринсивности, обусловлена внешними условиями и обстоятельствами. Здесь имеются в виду культурно-специфические сведения (реалии), которые могут быть неизвестны как адресату, так и переводчику. К интринсивным формам проявления «чужести» относятся нарушения языко-

вой и литературной нормы в тексте перевода [Huntemann, Rühling, 1997].

Этой идее объяснения явлений инаковости созвучны выводы Й. Жмудцкого о влиянии следующих факторов на восприятие «чужести» или «другости» в тексте перевода:

а) языковое своеобразие текста, наличие коллокаций, клишированных оборотов в оригинале, которые не понятны адресату;

б) культурная нетождественность описываемых в тексте событий, ситуаций предшествующему опыту адресата;

в) различие в мировосприятии, вызванное определенными ценностными установками адресата [Zmudzki, 2012, p. 205].

Каковы пути преодоления возможных коммуникативных сбоев, связанных с интерпретацией «иногo» – «другогo» – «чужогo» в тексте перевода? Для ответа на данный вопрос рассмотрим логику перевода в интернациональном презентационном дискурсе высшей школы.

Интернациональный презентационный дискурс высшей школы

Сфера науки и образования в контексте межкультурного диалога представляет собой широкое поле для исследований, поскольку эффективность академического сотрудничества определяет развитие социальных институтов взаимодействующих стран. Установление соответствий между коммуникативными ценностями культур, находящихся в контакте в условиях межкультурной коммуникации, лежит в основе инициации и поддержания долгосрочных отношений.

Коммуникативное пространство, которое формируется в процессе взаимодействия университетов, стало объектом лингвистических исследований, описывающих педагогический, образовательный, университетский и академический дискурсы [Богданова, 2018; Карасик, 2004; Парулина, 2016; Сулейманова, 2016; Хутыз, 2015]. Как правило, данные номинации дискурсов находятся в родо-видовых отношениях, отличаясь по объему функционально-семантического поля концепта, лежащего в их основе. В фокусе настоящего исследования находится интернациональный академический дискурс в его презентационном ракурсе. Это

сфера коммуникации между равными по статусу представителями академического сообщества из разных стран, которая обеспечивает преемственность научной и образовательной сфер деятельности. Фатическая функция анализируемого дискурса, наиболее активно реализующаяся в последние десятилетия в программах академической мобильности, программах двух дипломов, позволяет выделить презентационный дискурс высшей школы, который направлен на демонстрацию имеющегося научно-исследовательского и образовательного потенциала университета. К дискурсивным характеристикам интернационального презентационного дискурса относятся:

- актуализация языка науки;
- креативный характер коммуникации;
- стремление к сокращению асимметрии знаний;
- конструирование авторитетности;
- преимущественная ориентация на письменные формы общения.

Базовыми жанрами презентационного дискурса вуза выступают имиджевые рубрики веб-сайта университета, информационные буклеты и рекламные флаеры, презентационные видеоролики, презентации.

Университет Виадрина (Europa Universität Viadrina) – один из старейших университетов Европы. Он основан в 1506 г. и находится в Германии во Франкфурте-на-Одере, что подчеркивается в его латинском названии Viadrina, то есть «на Одере». В университете работают представители немецкой и польской культур, студенты приезжают из многих стран, прежде всего из стран Балтии. Отличительными чертами университета являются междисциплинарность и интернационализм. Веб-сайт вуза представлен на трех языках: немецком, английском и польском. Самопрезентация университета традиционно связана с обязательным знакомством потенциального абитуриента, его родителей, академических партнеров, инвесторов с историей университета. Сравним оригинальную немецкую версию и ее перевод на английский язык:

Frankfurt (Oder) war 300 Jahre lang, von 1506 bis 1811, die **Stadt der ersten brandenburgischen Landesuniversität**. Unter **Kurfürst Joachim I.** waren die treibenden Kräfte der Universitätsgründung **der**

kurfürstliche Rat Eitelwolf vom Stein und der Lebuser Bischof Dietrich von Bülow. Die Universitas Francofurtensis galt als bedeutende Bildungsstätte für **den brandenburgisch-preußischen Beamtenstaat**, fanden sich doch die Namen vieler Professoren und Absolventen in den höchsten Ämtern Preußens wieder. Juristen waren als Diplomaten in Staatsgeschäften tätig, Theologen der Viadrina gehörten **zu den obersten Kirchenherren der Mark Brandenburg** und Frankfurter Medizinprofessoren waren **Leibärzte des Kurfürsten**.

For more than three hundred years, from 1506 to 1811, Frankfurt (Oder) was the home of **the first public university of the principality of Brandenburg**. Key figures in the creation of this first university were **Prince Elector Joachim I** as well as his **councillor Eitelwolf vom Stein** and the **Bishop of Lebus Dietrich von Bülow**. **The Universitas Francofurtensis** enjoyed great repute as an institution of learning for **persons who later played an important part in shaping and staffing the civil service** of this principality as well as the Prussian state. Jurists served as diplomats in affairs of state, theologians of Viadrina were among those who held positions in the **upper echelons of the church in the region of Mark Brandenburg**, and Frankfurt professors of medicine acted as **personal physicians to the Elector Princes**.

Категория инаковости эксплицирована в тексте перевода эквивалентами единиц прецизионной лексики – имен собственных, современных и исторических реалий. Адаптируя текст в ориентации на адресата, для которого английский язык может быть как родным, так и языком глобальной коммуникации, переводчик использует приемы транслитерации, описательного и комментированного перевода, стремясь перекалфицировать «чуждость» в «дружость». Реалия *Kirchenherren der Mark Brandenburg* адаптирована как *upper echelons of the church in the region of Mark Brandenburg*. Данный прием использован и в случае перевода реалии *Leibarzt des Kurfürsten* как *personal physicians to the Elector Princes*.

Для преодоления инаковости достаточно часто переводчик прибегает к приему генерализации:

In 25 Disziplinen trug **die Oder-Universität** zum Fortschritt der Wissenschaften bei. Forschung zur Ausrichtung **der alten Oder-Universität** machte als Grundzug den Charakter einer ost-westlichen

Begegnungsstätte deutlich. Frankfurt (Oder) war für junge Leute aus dem **märkischen, pommerschen, Lausitzer, schlesischen und großpolnischen Umland** und **aus dem entfernteren Osten**, aufgrund seiner geographischen Lage im ostelbischen Europa, eine erste Station, an der sie ihre Studien begannen und dann weiterreisten.

This first Viadrina made significant contributions to the progress of science and scholarship in a total of 25 disciplines. A close look at the direction and focus of **the old Viadrina on the Oder** reveals that, as a result of its geographical location, the university became a meeting ground of East and West for scholars and students from both sides of the Oder. At any given time, large numbers of students from **Lithuania, Poland** as well as **other central and eastern European countries** were enrolled at the university in Frankfurt (Oder), which, for many aspiring young scholars from these countries in the east, often became a first academic base for their exploration of European scholarship.

Так, в приведенном контексте для устойчивости ассоциаций реципиента переводчик отказывается от предложенного в оригинале *Oder-Universität* в пользу *the first Viadrina*, что представляется оправданным решением ввиду устоявшейся современной номинации. Отмечен также вариант *the old Viadrina on the Oder*, который можно рассматривать как лексическую избыточность, поскольку семантика лексемы *Viadrina* уже содержит в себе значение «на реке Одер».

Обратим внимание на то, что перечисление регионов, из которых приезжают учиться студенты, обобщается до *Lithuania, Poland as well as other central and eastern European countries*, что лишает текст перевода исторической маркированности топонимов.

Апеллируя к авторитетности университета и его богатой истории, создатели текста оригинала перечисляют первых выпускников университета, известных личностей в истории Германии:

Zu den berühmtesten Namen in den Matrikelbüchern der alten Oderuniversität zählen die Gebrüder von Humboldt, Ulrich von Hutten, Carl Philipp Emanuel Bach, Thomas Müntzer und Heinrich von Kleist.

The matriculation rolls of the old Viadrina include the well-known names of **the knight and scholar** Ulrich

von Hutten, **the composer** Carl Philipp Emanuel Bach, **the theologian** Thomas Müntzer, **the poet and dramatist** Heinrich von Kleist, a native son of Frankfurt (Oder), and the brothers Alexander and Wilhelm von Humboldt.

Принимая во внимание фоновые знания адресата, переводчик посредством приема добавления указывает профессиональную принадлежность упомянутых выпускников, что позволяет судить о широком спектре образовательных направлений и высоком уровне подготовки студентов в Виадрине уже в XVI–XVII веках.

Реалии и историзмы, выступающие языковыми маркерами инаковости, часто не могут быть адекватно переданы в языке перевода.

Frankfurt (Oder) ist eine Brückenstadt mit rund 64 500 Einwohnern. «**Vrankenforde**» – wie es einst hieß -wurde von fränkischen Kaufleuten gegründet. Durch die Lage an der Oder war Frankfurt von 1368 bis 1516 Mitglied der Hanse, war bekannt als Handels- und Messestadt.

Frankfurt (Oder) lies in the heart of Europe on the river Oder and directly on the border with Poland, about 1 hour away of the German capital Berlin. Frankfurt (Oder) has approximately 64,500 residents.

Первоначальное упоминание о городе Франкфурт-на-Одере на верхнефранконском диалекте представляется нерелевантным для реципиента текста перевода и опускается.

В навигационном меню сайта Университета Виадрина встречается большое количество инициальных аббревиатур буквенного типа, состоящих из названий факультетов и других структурных подразделений вуза на немецком языке. Сохранение немецкоязычной аббревиатуры в англоязычной версии сайта выступает для реципиента сайта маркером инаковости, однако эквивалентный перевод развернутого исходного словосочетания позволяет сохранить доступность интерфейса для англоязычного пользователя:

JURA (Juristische Fakultät); **KUWI** (Kulturwissenschaftliche Fakultät); **WIWI** (Wirtschaftswissenschaftliche Fakultät).

JURA. Faculty of Law; **KUWI.** Social and Cultural Sciences; **WIWI.** Business Administration and Economics.

Интернациональность Виадрины служит визитной карточкой вуза и находит отражение в международных студенческих научно-образовательных проектах и культурных инициативах. Познакомить студентов с кухней других народов, представителей студенческого и преподавательского сообщества Виадрины призван раздел «International Cookbook», в котором представлены рецепты любимых блюд иностранных студентов. Как правило, рецепту предшествует личная семейная история студента. Стремление подчеркнуть «дружность» проявляется в добавлении иноязычных вкраплений – как графем, так и лексических словосочетаний (тур. *Ayfiyet Olsun!* – рус. *Приятного аппетита!*).

Ashak sind afghanische **traditionell zubereitete Maultaschen** mit einer Lammhack-Porree-Füllung. **Ashak** wird mit einer **Knoblauch-Minze** oder einer **Knoblauch-Joghurt-Sauce** serviert.

Ashak is a typical Afghan dish and **resembles the German “Maultaschen”**. The preparation is a lot of fun and by no means difficult. With different sauces you can personalize the dish wonderfully. **Ashak** tastes best with **Gandana**, an **Afghan flatbread**.

Названия иностранных блюд передаются с помощью приема транслитерации и комментированного перевода.

Заключение

Сложный и тяжелый труд переводчика связан с непрерывным моделированием собственной «системы координат» вследствие работы с различными исходными текстами, новыми текстопорождающими стратегиями, а также множественных проявлений инаковости получателя перевода [Sandrini, 2010]. Переводчик осуществляет передачу смысла, учитывая идентичность как получателя, так и отправителя текста. Идентичность переводчика складывается из таких элементов, как языковая и социальная принадлежность, самореференция в профессиональной деятельности, требования отдельного переводческого заказа.

Для участников интернационального презентационного дискурса высшей школы характерно стремление к кооперации, нахождению

точек взаимного интереса в научно-образовательной и исследовательской сферах, что позволяет классифицировать чужое в языке оригинала как другое в переводе. Успешность коммуникации определяется умением переводчика вовлечь адресата в дискурсивное пространство адресанта.

Языковыми маркерами инаковости в тексте перевода выступают имена собственные, обращения, реалии, неологизмы, буквализмы, аббревиатуры, грамматическая и синтаксическая интерференция, топонимы, графические элементы исходного текста. Преодоление инаковости в переводе возможно посредством полной и функционально адекватной реноминации прецизионной лексики, приемов транслитерации и генерализации, описательного и комментированного перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакланова И. И., 2016. Речевые проявления образа «своего» и «чужого» адресата в публицистическом тексте // Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое – чужое в языке и речи / отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту : Изд-во Тартус. ун-та. С. 26–37.
- Берман А., 2011. Культура и перевод в романтической Германии // Логос. № 5/6 (84). С. 92–113.
- Богданова Л. И., 2018. Академический дискурс: проблемы теории и практики // Cuadernos de Rusística Espanola. № 14. P. 81–92. DOI: 10.30827/cre.v14i0.7204
- Карасик В. И., 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : ГНОЗИС. 389 с.
- Лотман Ю. М., 2000. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ. С. 163–177.
- Парулина И. Ю., 2016. Университетский дискурс: сбор корпуса (на материале романа Д. Тартт «Тайная история») // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitetskiy-diskurs-sbor-korpusa-na-materiale-romana-d-tartt-taynaya-istoriya>
- Судейманова О. А., 2016. Диалог с Другим в академическом дискурсе // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик : материалы Первой Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апр. 2016 г.). М. : Яз. народов мира. С. 539–547.
- Фадеева М. Ю., 2016. Градуальная оппозиция «свой – иной, другой, чужой» в русском и немецком языках // Научный диалог. № 6 (54). С. 94–105.
- Хутыз И. П., 2015. Академический дискурс: культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний. М. : Флинта. 176 с.
- Шелестюк Е. В., Гриценко Э. Д., 2016. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. № 4 (386). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-forenizatsii-i-domestikatsii-v-perevode-i-vozmozhnostyah-ih-lingvisticheskoy-otsenki>
- Тейтельбаум Е. С., 2011. Дихотомия «свое / чужое» в феноменологии Б. Вальденфельса: проблема определения, восприятия и осмысления «инаковости» // Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. Т. 6, № 3. С. 148–156.
- Arend E., 2004. Übersetzung als Gegenstand der neueren Literatur- und Kulturwissenschaft: Rezeptionsforschung und Komparatistik // Übersetzung / Translation / Traduction. Teilbd. 1. (Handbücher zur Sprachund Kommunikationswissenschaft 26.1.) / hrsg. von H. Kittel [et al.]. Berlin ; New York : de Gruyter. S. 211–218.
- Bahadır Ş., 1998. Der Translator als Migrant – der Migrant als Translator? // TEXTconTEXT. Vol. 12. S. 263–275.
- Freuding J., 2022. Fremdheitserfahrungen und Othering: Ordnungen des Eigenen und Fremden in interreligiöser Bildung. Erzbistum Bamberg ; Bielefeld : Transcript Verl. 410 S.
- Hellmann K., 1998. Fremdheit als soziale Konstruktion. Eine Studie zur Systemtheorie des Fremden // Die Herausforderung durch das Fremde: Interdisziplinäre Arbeitsgruppe / hrsg. von H. Münkler, K. Meßlinger, B. Ladwig. Berlin : Akad. Verl. S. 401–460.
- Hönig H., 1995. Konstruktives Übersetzen. Tübingen : Stauffenburg. 195 S.
- Huntemann W., Rühling L., 1997. Einleitung. Fremdheit als Problem und Programm // Die literarische Übersetzung zwischen Tradition und Moderne. Berlin : Schmidt. S. 1–25.
- Jostes B., 2004. Fremdheit. Historisch-anthropologische Erkundungen einer linguistischen Kategorie. Paderborn : Ferdinand Schöningh Verl. 243 S.
- Nicklaus M., 2020. Wann klingt (übersetzte) Sprache fremd? // Trans-kom. Zeitschrift für Translationswissenschaft und Fachkommunikation. № 13 (2). S. 125–144.

- Sandrini P., 2010. Identität, Alterität und Hybridität in nicht-fiktionalen Webtexten: Die Sisyphosarbeit des Übersetzers // Identitätskonstruktionen in fiktionalen und nicht-fiktionalen Texten: Übersetzung und Rezeption / hrsg. von B. Sommerfeld, K. Kęsicka. Frankfurt a. M. : Peter Lang. S. 259–270.
- Siever H., 2019. Metaphern für die Figur des Translators // Translation und Interkulturelle Kommunikation / Translation and Intercultural Communication: Beiträge zur Theorie, Empirie und Praxis kultureller Austauschprozesse / hrsg. von L. Heller, T. Rozmyslowicz. Berlin : Frank & Timme. 178 S.
- Schleiermacher F., 1838. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens // Friedrich Schleiermachers sämtliche Werke, Dritte Abtheilung: Zur Philosophie. Bd. 2. Berlin : [s. n.]. S. 207–245.
- Spivak G. Ch., 2009. Rethinking Comparativism // New Literary History. Vol. 40, № 3. P. 606–629.
- Steiner G., 1981. Nach Babel. Aspekte der Sprache und Übersetzung. Frankfurt : Suhrkamp Verl. 487 S.
- Stichweh, R., 2010. Der Fremde. Studien zur Soziologie und Sozialgeschichte. Frankfurt : Suhrkamp. 213 S.
- Turk H., 1990. Alienität und Alterität als Schlüsselbegriffe einer Kultursemantik // Jahrbuch für Internationale Germanistik. № 22 (1). S. 8–31.
- Venuti L., 2001. Strategies of Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. by M. Baker. L. : Taylor and Francis Books Ltd. P. 240–244.
- Waldenfels B. 1990. Der Stachel des Fremden. Frankfurt a. M. : Suhrkamp. 278 S.
- Yang W., 2010. Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation // Journal of Language Teaching and Research. Vol. 1, № 1. P. 77–80.
- Zmudzki J., 2012. Das Problem der Bewältigung von Fremdheit in der Translation – Positionen und Perspektiven in der Translationswissenschaft // Lingwistyka Stosowana. № 5. S. 201–214.
- sticheskom tekste [Speech Manifestations of the Image of “One’s Own” and “Alien” Addressee in a Journalistic Text]. Kyulmoya I.P., ed. *Acta Slavica Estonica VIII. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Lingvistika XVII. Svoe – chuzhoe v yazyke i rechi* [Acta Slavica Estonica VIII. Works on Russian and Slavic Philology. Linguistics XVII. Own – Foreign in Language and Speech]. Tartu, Izd-vo Tartus. un-ta, pp. 26-37.
- Berman A., 2011. Kultura i perevod v romanticheskoy Germanii [Culture and Translation in Romantic Germany]. *Logos*, no. 5/6 (84), pp. 92-113.
- Bogdanova L.I., 2018. Akademicheskii diskurs: problemy teorii i praktiki [Academic Discourse: Problems of Theory and Practice]. *Cuadernos de Rusistica Espanola*, no. 14, pp. 81-92. DOI: 10.30827/cre.v14i0.7204
- Karasik V.I., 2004. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow, GNOSIS Publ. 389 p.
- Lotman Yu.M., 2000. Avtokommunikatsiya: «Ya» i «Drugoy» kak adresaty (O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury) [Autocommunication: “I” and “Other” as Addressees (On Two Models of Communication in the System of Culture)]. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., pp. 163-177.
- Parulina I.Yu., 2016. Universitetskiy diskurs: sbor korpusa (na materiale romana D. Tartt «Taynaya istoriya») [University Discourse: Collection of the Corpus (Based on the Novel by D. Tartt “The Secret History”)]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics], no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitetskiy-diskurs-sbor-korpusa-na-materiale-romana-d-tartt-taynaya-istoriya>
- Suleymanova O.A., 2016. Dialog s Drugim v akademicheskoy diskurse [Dialogue with the Other in Academic Discourse]. *Dialog kultur. Kultura dialoga: v poiskakh peredovykh sotsiogumanitarnykh praktik: materialy Pervoy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 apr. 2016 g.)* [Dialogue Culture: In Search of Advanced Socio-Humanitarian Practices. Proceedings of the First Intern. Scientific-Practical. Conf. (Moscow, April 14–16, 2016)]. Moscow, Yaz. narodov mira, pp. 539-547.
- Fadeeva M.Yu., 2016. Gradualnaya oppozitsiya «svoy – inoy, drugoy, chuzhoy» v russkom i nemetskom yazykakh [Gradual Opposition “Own – Different, Another, Alien” in Russian and German]. *Nauchnyy dialog*, no. 6 (54), pp. 94-105.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Duden. Online Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/>
- Europa Universität Viadrina Frankfurt (Oder). URL: <https://www.europa-uni.de/en/index.html>

REFERENCES

- Baklanova I.I., 2016. Rechevye proyavleniya obraza «svoeo» i «chuzhogo» adresata v publitsi-

- Khutyz I.P., 2015. *Akademicheskij diskurs: kulturno-spetsificheskaya sistema konstruirovaniya i translyatsii znaniy* [Academic Discourse: A Culture-Specific System for Constructing and Translating Knowledge]. Moscow, Flinta Publ. 176 p.
- Shelestyuk E.V., Gritsenko E.D., 2016. O forenizatsii i domestikatsii v perevode i vozmozhnomyakh ikh lingvisticheskoy otsenki [On Foreignization and Domestication in Translation and the Possibilities of Its Linguistic Evaluation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 4 (386). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-forenizatsii-i-domestikatsii-v-perevode-i-vozmozhnomyakh-ih-lingvisticheskoy-otsenki>
- Teitelbaum E.S., 2011. Dikhotomiya «svoe / chuzhoe» v fenomenologii B. Waldenfelsa: problema opredeleniya, vospriyatiya i osmysleniya «inakovosti» [The Dichotomy “Own / Other” in the Phenomenology of B. Waldenfels: The Problem of Defining, Perceiving and Comprehending “Otherness”]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 3. Social Sciences], vol. 6, no. 3, pp. 148-156.
- Arend E., 2004. Übersetzung als Gegenstand der neueren Literatur- und Kulturwissenschaft: Rezeptionsforschung und Komparatistik. Kittel H., Frank A.P., Greiner N., Hermans Th., Koller W., Lambert J., House Ju., Schultze B., Hrsg. *Übersetzung / Translation / Traduction. Teilbd. 1. (Handbücher zur Sprach und Kommunikationswissenschaft 26.1.)*. Berlin, New York, de Gruyter, pp. 211-218.
- Bahadir Ş., 1998. Der Translator als Migrant – der Migrant als Translator? *TEXTconTEXT*, vol. 12, S. 263-275.
- Freuding J., 2022. *Fremdheitserfahrungen und Otherring: Ordnungen des Eigenen und Fremden in interreligiöser Bildung*. Erzbistum Bamberg, Bielefeld, Transcript Verlag. 410 S.
- Hellmann K., 1998. Fremdheit als soziale Konstruktion. Eine Studie zur Systemtheorie des Fremden. Münkler H., Meßlinger K., Ladwig B., Hrsg. *Die Herausforderung durch das Fremde: Interdisziplinäre Arbeitsgruppe*. Berlin, Akad. Verl., S. 401-460.
- Hönig H., 1995. *Konstruktives Übersetzen*. Tübingen, Stauffenburg. 195 S.
- Huntemann W., Rühling L., 1997. Einleitung. Fremdheit als Problem und Programm. *Die literarische Übersetzung zwischen Tradition und Moderne*. Berlin, Schmidt, S. 1-25.
- Jostes B., 2004. *Fremdheit. Historisch-anthropologische Erkundungen einer linguistischen Kategorie*. Paderborn, Ferdinand Schönigh Verlag. 243 S.
- Nicklaus M., 2020. Wann klingt (übersetzte) Sprache fremd? *Trans-kom Zeitschrift für Translationswissenschaft und Fachkommunikation*, no. 13 (2), S. 125-144.
- Sandrini P., 2010. Identität, Alterität und Hybridität in nicht-fiktionalen Webtexten: Die Sisyphosarbeit des Übersetzers. Sommerfeld B., Keşicka K., Hrsg. *Identitätskonstruktionen in fiktionalen und nicht-fiktionalen Texten: Übersetzung und Rezeption*. Frankfurt a. M., Peter Lang, S. 259-270.
- Siever, H., 2019. Metaphern für die Figur des Translators. Heller L., Rozmyslowicz T., Hrsg. *Translation und Interkulturelle Kommunikation / Translation and Intercultural Communication: Beiträge zur Theorie, Empirie und Praxis kultureller Austauschprozesse*. Berlin, Frank & Timme. 178 S.
- Schleiermacher F., 1838. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens. *Friedrich Schleiermachers sämtliche Werke, Dritte Abtheilung: Zur Philosophie*. Bd. 2. Berlin, s. n., S. 207-245.
- Spivak G.Ch., 2009. Rethinking Comparativism. *New Literary History*, vol. 40, no. 3, S. 606-629.
- Steiner G., 1981. *Nach Babel. Aspekte der Sprache und Übersetzung*. Frankfurt, Suhrkamp Verlag. 487 S.
- Stichweh, R., 2010. *Der Fremde. Studien zur Soziologie und Sozialgeschichte*. Frankfurt, Suhrkamp. 213 S.
- Turk H., 1990. Alienität und Alterität als Schlüsselbegriffe einer Kultursemantik. *Jahrbuch für Internationale Germanistik*, no. 22 (1), pp. 8-31.
- Venuti L., 2001. *Strategies of Translation*. Baker M., ed. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London, Taylor and Francis Books Ltd., pp. 240-244.
- Waldenfels B., 1990. *Der Stachel des Fremden*. Frankfurt a. M., Suhrkamp. 278 S.
- Yang W., 2010. Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation. *Journal of Language Teaching and Research*, vol. 1, no. 1, pp. 77-80.
- Zmudzki J., 2012. Das Problem der Bewältigung von Fremdheit in der Translation – Positionen und Perspektiven in der Translationswissenschaft. *Lingwistyka Stosowana*, no. 5, S. 201-214.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Duden. *Online Wörterbuch*. URL: <https://www.duden.de/>
- Europa Universität Viadrina Frankfurt (Oder). URL: <https://www.europa-uni.de/en/index.html>

Information About the Authors

Vera A. Mityagina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Translation Theory and Practice and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Marina Yu. Fadeeva, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, svinkina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>

Информация об авторах

Вера Александровна Митягина, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Марина Юрьевна Фадеева, кандидат филологических наук, директор института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, svinkina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.6>

UDC 81.18

LBC 81'25:82-1

Submitted: 14.10.2021

Accepted: 16.05.2022

PERCEPTUAL AND GRADUAL-EVALUATIVE PARADIGMS OF THE TRANSLATED POETIC TEXT

Bakhyt N. Zhanturina

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia

Svetlana M. Kolesnikova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with semantic variation in textual, perceptual and gradual-evaluative paradigms in translation of English poetic texts into Russian. The research material is comprised of the poem *A sepal – petal – and a thorn* written by an American poet Emily E. Dickinson, and three variants of its translation into Russian carried out by T. Stamova, L. Vagurina, A. Pustogarov. The perceptual narrative plan and sense generation in the source text and its translated target textual variants have been studied considering such relevant criteria as cognitive subject, forms of perception, reference and autoreference, and modal gradual-evaluative frame. The integrative power of a text as a unit of upper layer of the language is noted to be manifested in the complex of compositional, content, and formal linguistic factors of text-building within the rhetoric frame of the poem. The key method of linguistic reconstruction of poetic text cognitive element has been applied to describe the cognitive agent as the subject of perception and subject of speech. Its position is determined within perceptual and gradual-evaluative paradigms. The formation of textual paradigms has also been shown to vary crucially in inter-language communication, to deviate in the target textual variants, and cause multiple interpretations of the source-text meaning.

Key words: perceptual paradigm, gradual-evaluative paradigm, perceptual narrative plan, cognitive subject, autoreference, referential conflict, modal frame.

Citation. Zhanturina B.N., Kolesnikova S.M. Perceptual and Gradual-Evaluative Paradigms of the Translated Poetic Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 62-72. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.6>

УДК 81.18

ББК 81'25:82-1

Дата поступления статьи: 14.10.2021

Дата принятия статьи: 16.05.2022

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ И ГРАДУАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ ПЕРЕВОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Бахыт Нурмухановна Жантурина

Военный университет Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

Светлана Михайловна Колесникова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена смысловому варьированию в текстовых, перцептивных и градуально-оценочных парадигмах при переводе английского художественного произведения на русский язык. Материалом для исследования послужило стихотворение «*A sepal – petal – and a thorn*» американской поэтессы Эмили Э. Дикинсон и варианты его перевода на русский язык, выполненные Т. Стамовой, Л. Вагуриной, А. Пустогаровым. С опорой на такие критерии, как когнитивный субъект, форма перцепции, референтность

и автореферентность, модальная градуально-оценочная рамка, нами рассмотрены перцептивный повествовательный план и генерация смысла в исходном и переводном текстах. Показано, что интегративная сила текста как единицы высшего уровня языка проявляется в комплексе композиционных, содержательных и формально-языковых факторов текстообразования в риторических границах стиха. С применением метода лингвистической реконструкции когнитивной составляющей художественного текста описан когнитивный субъект как субъект восприятия и субъект речи, позиция которого определяется в текстовых перцептивных и градуально-оценочных парадигмах. Установлено, что формирование текстовых парадигм протекает по-разному при межъязыковом функционировании поэтического текста, вызывает девиации в переводных текстах и влияет на множественность интерпретаций исходного текста.

Ключевые слова: перцептивная парадигма, градуально-оценочная парадигма, перцептивный повествовательный план, когнитивный субъект, автореферентность, референциальный конфликт, модальная рамка.

Цитирование. Жантурина Б. Н., Колесникова С. М. Перцептивные и градуально-оценочные парадигмы переводного поэтического текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 62–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.6>

Введение

В современных лингвистических исследованиях активно изучаются сегментные языковые единицы, интегрированные в супraseгментную единицу – текст. В настоящее время в текстолингвистике на материале русского языка оформилось направление, которое успешно сочетает текстоцентрический и антропоцентрический подходы во внутриязыковых исследованиях [Колесникова, Бурская, 2021; Мельник, 2014], представляя смысловые характеристики отдельных текстовых компонентов и описывая «языковые и психолингвистические способы выражения авторской репрезентации... образов, “идеальных объектов”, их свойств, типов отношений и характера действий, поступков персонажей» [Колесникова и др., 2021, с. 49].

В межъязыковых исследованиях и теории перевода традиционно считается, что переводной текст является вторичным относительно исходного текста – оригинала и не связан с процессами текстопорождения. При этом высказывается мнение, что исходный текст ограничивает возможности создания текста на другом языке, влияет на порождение смысла и выбор соответствующих репрезентации оригинала языковых единиц [Тюленев, 2004]. Такой теоретический взгляд вполне оправдан с дидактических позиций, поскольку концентрируется на линейном развертывании смысла в тексте, но полностью игнорирует нелинейное парадигматическое движение смысла, сопровождающееся интегрированием языковых единиц в текст. Переводные поэтические

тексты при сопоставлении с текстом-источником, как правило, характеризуются определенной свободой интерпретации, содержательным и формальным варьированием.

Целью нашего исследования стало описание варьирования смысла и его организации по разным основаниям в текстовые парадигмы при межъязыковом функционировании текста. Статья посвящена изучению генерации нового смысла в переводном поэтическом тексте как динамической системе, открытой для разных интерпретаций на другом языке. Множественность интерпретаций с позиции читателя и выработка нового смысла соотносятся с нелинейными связями означающих.

Материал и методы

Материалом для исследования послужило стихотворение № 19 Эмили Э. Дикинсон «*A sepal – petal – and a thorn*», рассмотренное нами в качестве исходного текста для трех переводов на русский язык, выполненных Т. Стамовой, Л. Вагуриной, А. Пустогаровым.

Природа поэтического текста позволяет рассматривать композицию в двух деятельностных модусах – в модусе видения (*seeing*) и модусе говорения (*saying*) [Genette, 1972]. В каждом из них разные субъекты, точка зрения каждого субъекта в наррации и его функция. Наблюдатель / *Observer*, «наблюдая» посредством органов чувств и перцептивных систем, обладает видением или иным другим чувственным модусом, а субъект речи обладает «голосом» и вербализирует когнитивный

опыт наблюдателя. В. Шмид справедливо полагает, что перцептивный план повествования является одним из композиционных слоев художественного текста и равноправно существует наряду с пространственным, идеологическим, временным и языковым планами, уточняя, что именно перцептивный план соотносится с познавательной (когнитивной) деятельностью человека (см.: [Шмид, 2008; Жантурина, 2021]).

Под термином «перцепция» в русле современного когнитивного подхода к гуманитарному знанию понимается восприятие и интерпретация человеком информации об окружающей среде при использовании органов чувств и перцептивных систем. Перцептивный (психический и физиологический) субстрат в организации текста, как мы полагаем, можно считать также и его когнитивной составляющей, важной характеристикой когнитивной структуры, связанной с конкретными языковыми воплощениями. А.А. Кибрик отмечает, что за разнообразием языковых структур «скрывается достаточно жесткая семиотическая логика, ограничивающая варьирование наблюдаемой языковой формы и устанавливающая истинные связи между языковыми формами и когнитивными структурами» [Кибрик, 2015, с. 33].

При исследовании семантико-смысловых отношений в тексте мы ориентировались как на линейное синтагматическое развертывание смысла [Чернейко, 2017], так и на его парадигматическую вертикальную организацию. В перцептивный повествовательный план мы включали как собственно перцептивные, так и градуально-оценочные текстовые парадигмы.

При этом мы исходили из того, что текст как «единство высшего ранга, как структурно-семантическое единство, отличное от простой последовательности предложений, способен оказывать определенное воздействие на входящие в его состав элементы» [Тураева, 2009, с. 23]. Текст как интегративная уровневая единица языка создается при взаимодействии сегментных языковых уровней, реализуя определенные функции на базе разных единиц языка. Семантический анализ слова и словосочетания по методике компонентного анализа и анализа словарных дефиниций по-

зволяет выявить функциональную нагруженность единиц лексического уровня, анализ предложения по семантико-синтаксической методике проясняет семантико-смысловые функции актантов, а метод лингвистической реконструкции, предложенный А.А. Кибриком, позволяет представить семантическое пространство текста в отношениях значения и смысла.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим перцептивный план повествования исходного поэтического текста, в котором участвует когнитивный субъект высказывания.

A Sepal – Petal – and a Thorn
Upon a Common Summer's Morn –
A Flask of Dew – A Bee or two –
A Breeze – a caper in the trees –
And I'm a Rose (Дикинсон, 2017, с. 56).

Короткий поэтический текст из 5 строк с мужской рифмой в строках 1 и 2: *thorn – morn*, с внутренней рифмой в строке 4: *breeze – trees*, с аллитерацией на звуки [p], [l]: *sepal – petal*, со слоговой схемой 8-8-8-8-4 представит в значимых для понимания звукокомплексах. По сути, текст состоит из одной строфы, выраженной распространенным предложением, и включает перечисление именных структур, которые предшествуют предикативному ядру предложения *I'm a Rose*.

Объективное содержание заключается в конкретно-наглядном описании речевой ситуации с главными компонентами агента-субъекта *I* и испытываемого им состояния *am a rose*. С одной стороны, субъект восприятия (перцептор) регистрирует свои впечатления и мысленно отображает ситуацию в составе некоего когнитивного содержания (перцептов). С другой стороны, субъект речи (повествователь) словесно организует опыт перцептора, вербализуя его впечатления в перцептивах восприятия. Совмещение перцептора и субъекта речи назовем когнитивным субъектом стиха, формирующим свой мир восприятия и речи.

Позиция говорящего субъекта, выраженного в стихе посредством личного местоимения *I* (я), обозначена как внешняя точка зре-

ния перцептора и совпадает с точкой зрения говорящего, с внутренней точкой зрения персонажа, которым является все то же лицо *I* (я). Позиция когнитивного субъекта излагается с двух точек зрения: познающего и говорящего субъектов. Вместе с тем агент-субъект восприятия участвует в реализации метафорического «двойного» смысла в речи говорящего: лицо отождествляет себя с розой, уравнивая антропологические и «растительные» смыслы через персонифицирующую силу уподобления природных объектов живому существу. Метафорическое тождество в предикативном ядре сопровождается процедурой, растворяющей отличительные признаки и унифицирующей общее в двух разных объектах. Формула «жизнь есть познание» применена к растению, «знание жизни» которого, в отличие от человека, в норме непроизносимо и имплицитно.

Экзистенциальные смыслы существования представлены ощущениями субъекта восприятия по субъектно-объектной модели чувственного восприятия: субъект перцепции, перцептор, находится под воздействием объектов восприятия, перцептивов или содержания восприятия; информация от перцептивных систем человека оказывается субстратом для формирования когнитивного знака [Жантурина, Колесникова, 2020].

Субъект речи в стихе, он же субъект вербального воспроизведения перцептивного состояния, совпадает с перцептором, образуя голос повествователя в наррации; личное местоимение в *I'm a rose* (Я (есть) роза, цветок) на момент речи становится центром текстового семантического пространства, варьирующегося в зависимости от точки зрения говорящего, открытого разным интерпретациям благодаря метафоре отождествления и образующего текстовую парадигму по основанию «когнитивный субъект».

Вполне очевидно, что референтная ситуация стиха сконструирована перцептором, организующим мир своего активного опыта восприятия через набор денотатов в референтах перцептивов. Характер референции художественного текста определяется самим текстом, так как «референт... находится внутри текста, а не за его пределами» [Чернейко, 2017, с. 12]. «Парадокс поэтической референции», по мнению О.Г. Ревзиной, состоит в том,

что «не имея первичной референциальной соотнесенности, стихотворный текст наделяется способностью к потенциально неограниченным множественным неязыковым соотношениям» (цит. по: [Чернейко, 2017, с. 13]). Поэтическое восприятие организовано самим текстом по логическим основаниям познания реального мира, а также распределению человеком перцептивной и градуально-оценочной информации.

Помимо когнитивного субъекта, перцептивная парадигма доступна осмыслению через широкозначный глагол *be*, который устанавливает тождество субъекта *I* (я) и именной части *a rose* (цветок, роза): все, что приписано розе, характеризует и говорящего, и перцептора, и объекты восприятия (перцептивы). Ядром перцептивной парадигмы оказывается семантическая организация нелинейных связей в подлежащно-сказуемостной группе по основанию «когнитивный субъект». В силу автореферентности поэтического текста совмещение субъекта восприятия и субъекта речи может происходить по «законам реальности», когда свойства восприятия и речь приписаны человеку, или же по «законам мифологизированной реальности», в которой человеческие свойства перцепции и речи приписаны цветку с помощью персонифицирующего отождествления.

Форма перцепции устанавливается в релевантном денотативном пространстве и той части текстовой парадигмы, которая прослеживается в именных дескрипциях внутренних и внешних телесных ощущений субъекта. Перцептивный компонент – указание на перцептивы зрения при номинации в субстантивах *petal*, *sepal*, *thorn* – открывает «оптическое окно», указание на перцептив слуха в *bee* – «акустическое окно», а указание на перцептивы тактильного ощущения *dew*, *breeze*, *caper* соответствует перцептам ощущения температуры воды, силы ветра и вибрации при движении во внешнем мире. Этот семантический компонент, несомненно, содержится в значениях сенсорных имен существительных и вычленяется в семантической структуре слова при референтальном подходе к значению.

Широчайший глагольный смысл «быть» в именной части составного именного сказуемого конкретизирован через референцию и

автореференцию к «соматизмам», частям внутренней структуры референта-цветка: *sepal, petal, thorn*. Общим основанием становится представление об их внутренней структуре, своего рода «анатомии». Остается неопределенной референция субъекта: все перечисляемые перцептивы относятся к зрительной, слуховой и гаптической системам восприятия человека, но в конструкции синтаксического перечисления неясно, кто или что вербализует свои ощущения: соотносится ли *I* (я) с голосом внешнего наблюдателя (человека) или же с внутренним голосом цветка, персонифицированного тождеством когнитивного субъекта и перцептива восприятия *я – цветок*. Неоднозначность субъектной референции не снимается и имплицитными глубинными структурами **I have a petal, sepal, thorn; I (can) feel a flask of dew, a bee or two, breeze and caper in the trees*.

Предикат существования *be* дополнен, таким образом, скрытыми предикатами обладания *have* и тактильного ощущения *feel*. Перцептивы восприятия автореферентны, соотносятся с зоной гаптической системы человека, но в силу отождествления могут принадлежать и цветку, как бы составляя сходную перцептивную систему неживого растительного объекта. Перцепция тактильности в этом тексте следующая: ощущения внешней температуры росы у цветка (*dew*), вибрации от легкого движения внешнего объекта-ветерка на цветке (*bee*) при воздействии природной стихии на цветок (*breeze*) и пространственные перемещения, доступные в форме вибраций, рядом с цветком (*caper in the trees*) в локативе и характеристике среды обитания цветка. Типичный для человека порядок восприятия через перцепты можно приписать содержанию восприятия человека, зрительным перцептивам внешнего наблюдателя, но реализуемым в иной перцептивной мифологизированной реальности, в функциональном круге восприятия цветка.

Границы восприятия цветка обозначены и референциальным выбором говорящего при номинации в денотативном пространстве стиха. В целом такой выбор направлен на идентификацию объектов-референтов (перцептивов), активных и актуальных на момент речи в восприятии перцептора и воспроизводимых

автореферентно внутренним субъектом речи в данном тексте.

Исключение составляет референциальный конфликт (о нем см.: [Федорова, 2015]), неразрешаемый здесь в риторических границах английского стиха. На базе именной дескрипции *caper in the trees* с непосредственно составляющими *N caper + Prep Phrase in the trees* [*Prep + N Phrase (Det + N)*] референциально не уточнено движение в кронах деревьев. Двусмысленность возникает благодаря существительному *caper* («a playful leap or hop» (Webster's, 2020); прыжок, шалость, проказа), в значении которого в норме присутствует указание на агента – производителя действия. Неопределенность выбора субъекта действия при «пустой» валентности агенса в номинативной конструкции перечисления создает конструкцию двойного синтаксиса и препятствует однозначной идентификации референта: непонятно, кто прыгает на деревьях (птицы?) или что вызывает движение листьев и деревьев (ветер?). Экспликация каузальной причинно-следственной связи не позволяет понять, то ли листья деревьев шалют на ветру, то ли птицы прыгают и проказничают в ветвях. Идентификация референта в локативе затруднена, референциальный выбор субъекта действия не уточнен (ветер в листьях или птицы) и не снимается в референциальной рамке поэтического текста, совпадающей с его риторическими границами.

Коммуникативная модальная рамка высказывания определяется повествовательным типом предложения, в котором реализованы скрытые прагматические смыслы уверенности субъекта речи в том, что он утверждает: «несомненно, я цветок». Оценочная модальность привязана к временному плану повествования *a common summer's morn*: признаковая семантика прилагательного *common* («occurring frequently or habitually, usual» (Webster's, 2020)) содержит нейтральную оценку – заурядное событие. В исходном для перевода английском тексте не заложен потенциальный модальный градуально-оценочный смысл.

Многокомпонентность градуального суждения (об этом подробно см.: [Колесникова, 2016; 2019]) связана с функционированием различных структур градуальных высказываний, их ролью в организации поэтического тек-

ста. Семантика компонентов градуирования формирует модальную рамку, которая устанавливает объекты высказывания с точки зрения нормы, стандарта. Градуальная модальная рамка представляет собой мерительное отношение говорящего субъекта, а логика градуирования определяется целостным содержанием высказывания (модальной рамкой). Формула градуирования: $S \rightarrow A > B - B < A$, где S – субъект градуирования; A, B – объект(-ы) градуирования; $>, <$ – мерительное отношение высокой или низкой степени проявления признака по отношению к норме. Ср. в стихе смыслы прилагательного *common*: ‘обычный’, ‘нормальный’, ‘стандартный’. Норма соответствует логико-психологической категории основания градуирования, логико-лингвистическому понятию шкалы градаций, стереотипу, стандарту градуирования. Нейтральную точку выражают слова, соответствующие норме. См.: *common summer's morn* (обычный, привычный рассвет) = «такой, как всегда» в хронотопе события английского текста.

Градуальные характеристики охватывают качественно-количественные смыслы (признаки, субстанции и действия). В поэтической речи градуальные смыслы задаются и мерительным отношением во внеязыковой действительности. Мерительное отношение выступает в качестве промежуточного звена, связывающего комплекс градуальных языковых средств и их системно-структурную организацию с мыслительным содержанием градуального суждения. Разноуровневые языковые средства (прилагательные, глаголы, наречия, слова категории состояния, оценочные существительные и др.) используются Я-говорящим для выражения качественно характеризующих значений, их разновидностей и вариантов, содержащихся в едином семантическом комплексе поэтического текста.

Парадигматические и синтагматические связи взаимодействуют в поэтическом тексте и в процессах формирования и выражения модальных градуально-оценочных отношений. Например, градуальные значения как семантическая парадигма представлены значениями слов *большой / маленький, больше / меньше*. Синтагматические связи компонентов

градуированного высказывания формируют коннотативные компоненты значения у исконо неизменяемых слов.

Система высказываний в поэтическом тексте представляет семантико-грамматическую парадигму с градуальной доминантой, дающей возможность выражать различные качественно характеризующие смыслы путем акцентирования значения лингвистическими и экстралингвистическими средствами. Такая парадигма объединяет стилистически разобщенные единицы, градуальная семантика связана с субъективной оценкой [Колесникова, 2019]. Градуальный предикат находит свое место в семантической модели «градуирующий субъект – градуальный предикат – градуируемый объект».

Покажем текстовые парадигмы в русских переводных поэтических вариантах, опираясь на перцептивные и градуально-оценочные парадигмы и принимая во внимание факторы когнитивного субъекта, автореферентности, форм перцепции, референциального конфликта и градуальной модальной рамки.

Русский переводной текст выполнен Т. Стамовой (далее – ПТ1):

Шип, чашелистик, лепесток,
Обычайший рассвет.
Пчела иль две, росы глоток,
Бриз, шорох в листьях, птичий свист
И я – цветок! (Дикинсон, 2010, с. 57).

Переводной текст остается пятистишием с рифмой в нечетных строках 1, 3, 5: *лепесток – глоток – цветок*. Переводчиком также сохранено функциональное фонетическое выделение в составе аллитерации, которое в русском тексте опирается на звуки [ш] (*шип – чашелистик – обычайший – шорох*) и [ч] (*чашелистик – обычайший – пчела – птичий*). Градационные ряды при этом организованы по принципу нисходящей и восходящей градации и используются для актуализации градуально-оценочного смысла. Аналогично исходному тексту (далее – ИТ), познавательная деятельность перцептора в ПТ1 представлена в модусах чувственного восприятия человека, вербализованных в синтаксических структурах перечисления, в идентифицирующей метафоре олицетворения и релевантном денотативном пространстве, образованном по

принципу регистрации перцептов при восприятии. Общность ПТ1 с исходным английским текстом обнаруживается в том, что гаптические ощущения перцептора и субъекта речи воплощены в «соматизмах» цветка *шип*, *чашелистик*, *лепесток*, в хронотопе события *обычайший рассвет*, в локативах внешнего пространственного воздействия и модальности тактильно-чувственного восприятия *пчела*, *росы глоток*, *бриз*.

Акустическое окно, открытое когнитивному субъекту в ИТ, в ПТ1 расширено рядом тактильных денотатов и дополнено слуховыми перцептами *шорох*, *птичий свист*, отсутствующими в ИТ, появление которых можно объяснить смысловым развитием предметной ситуации, расширением релевантного денотативного пространства и введением новых денотативных признаков предметной ситуации, мотивированных каузальной причинно-следственной связью денотатов: если есть ветер, то слышен шорох; если это – утро, то, возможно, слышен птичий свист.

В синтаксической организации ПТ1 также наблюдаются изменения: высказывание организовано двумя строфами вместо одной строфы в ИТ, что графически представлено знаками препинания – точкой в строке 2 и восклицательным знаком в строке 5. Повествовательное предложение *Шип, чашелистик, лепесток, / Обычайший рассвет*, содержащее утверждение о факте в хронотопе описываемого события, сопровождается восклицательным предложением *Пчела иль две, росы глоток, / Бриз, шорох в листьях, птичий свист / И я – цветок!* Несомненно, при этом происходит изменение коммуникативной модальности высказывания, исходное повествовательное эмоционально-нейтральное предложение ИТ заменено восклицательным предложением, которое, как известно, не входит в коммуникативные типы предложений, но выражает чувства, эмоции и оценки говорящего. ПТ1 насыщен эмоциями, в нем выражена положительная оценка, сопровождающая субъективно-модальное отношение когнитивного субъекта.

Изменения претерпевает и референциальная соотнесенность когнитивного субъекта, так как Т. Стамова делает однозначный выбор в пользу перцептора-цветка, тем са-

мым снимая двойственность когнитивного субъекта ИТ. Гаптические ощущения, переданные ИТ, в переводе сопровождаются новыми слуховыми перцептами, усилен эмоциональный фон текста с помощью восклицательного предложения. Антропологическая метафора *росы глоток* акцентирует меру количества в семантическом компоненте на основе соматизма человека *глотка – глоток*, но при неодушевленном перцепторе. Перцептивная парадигма, аналогично ИТ, сформирована имплицитными предикатными смыслами: *быть* (*be*), *иметь* (*have*), *ощущать гаптически* (*feel*), но расширена предикатом слышать *hear*. Переводной русский текст в этом варианте построен на изменении доли перцептора в когнитивном субъекте и сопутствующих добавлениях форм перцепции.

Преобразование перцептивного плана наблюдается и в переводе, выполненном Л. Вагуриной (далее – ПТ2).

Лишь пестик, листик, лепесток,
Чуть слышный легкий ветерок
Флакон росы и две пчелы,
Шипы, луч солнца – у меня
И роза – я (Дикинсон, 2017, с. 2).

В ПТ2 перцептивный субстрат повествования при разрешении референциального конфликта непосредственно связан с определением точки зрения когнитивного субъекта.

Русское пятистишие сохраняет метрику и рифму английского поэтического текста в строках 1, 2: *лепесток – ветерок*, но содержит новый рифмованный повтор в строках 4, 5: *меня – я*. Аллитерационный ряд имеет более разнообразный характер, чем в ИТ, и опирается на звуки [ш], [л].

Наречие *чуть*, занимающее сильную позицию в строке 1, семантически тождественно наречиям *немного*, *несколько*, *малость*, имеющим общий компонент в значении «в некоторой степени; чуть-чуть, слегка». Оно выражает негативную оценку, связанную с чувством сожаления, и вносит изменения в градуально-оценочную парадигму текста, преобразуя нейтральный оценочный фон ИТ в яркую доминанту новой парадигмы русского переводного текста.

Сходно с ПТ1, ПТ2 предлагает расширенный ряд гаптических перцептивов *флакон*

росы, две пчелы, добавленных аудиоперцептивов *чуть слышный легкий ветерок* и нового визуального перцептива *луч солнца*. В денотативное пространство включены практически все перцептивные системы человека, который в качестве внешнего наблюдателя смотрит на цветок, освещенный солнцем, и слышит ветерок. В основе текстовой парадигмы лежит широкий ряд форм перцепции на основе глагола *быть* (*be*) и имплицитных смыслов в **иметь* (*have*), *ощущать гаптически* (*feel*), *слышать* (*hear*), *видеть* (*see*). Добавление еще одной формы перцепции (слуховой) усиливает позицию когнитивного субъекта-человека и снимает двойственность референциального выбора, представленную в ИТ. Референциальный конфликт, заложенный в ИТ (*caper in the trees*), разрешен путем добавления нового денотата – *луч солнца*.

Коммуникативная модальность высказывания ИТ и ПТ2 в повествовательном предложении реализуется в линейных границах одной поэтической строфы и, на первый взгляд, совпадает в обоих текстах. Однако регистрация фактов в перечислении перцептов ИТ нарушена в первой строке ПТ2: интродуктивная модально-оценочная частица *лишь*, в силу своей ограничительной семантики, содержит скрытый смысл ‘недостаточное количество, неполнота структуры’, отсутствующий в ИТ.

Перевод ИТ, предложенный А. Пустоговым (далее – ПТ3), выполнен в соответствии с общей стратегией «одомашнивания» (*domestication*): риторические границы поэтического текста заданы иными константами ландшафта.

Шип, чашечка и лепесток...
 Рассветный летний ветерок
 Березу дергает за косы, сдувает росы,
 Вокруг бормочут пчелы, осы
 Я – эта роза! (Дикинсон, 2012, с. 10).

Переводчик в ПТ3 находит привычный для русской поэзии денотат *береза*, сопровождая ее описание не менее привычной русской метафорой *косы – (волосы) – ветви березы* (Иванова Н.Н., Иванова О.Е., 2015, с. 59–60). Одновременно синтаксическая конструкция перечисления с именными дескрипциями из ИТ преобразована в полные высказывания с

подлежащим и глаголом-сказуемым на базе семантики целенаправленного (*ветерок дергает, сдувает*) и речевого действия (*пчелы, осы бормочут*).

Несомненно, в данном варианте перевода оба глагольных действия при таких подлежащих – субъектах очеловеченных действий отмечены олицетворяющей силой человеческого восприятия. Когнитивный субъект поэтому не совпадает с двойственным когнитивным субъектом из ИТ: позиция внешнего наблюдателя-человека исключает автореференцию цветка. Подобное выделение оказывается достаточным для разрешения референциального конфликта ИТ на английском языке – локатив в ПТ3 опущен.

Заключение

В результате применения метода лингвистической реконструкции когнитивной составляющей текста исследована генерация смысла в поэтическом произведении Э. Дикинсон и обнаружено, что интегративная сила текста состоит в комплексе композиционных, содержательных и формальных факторов текстообразования. Перцептивный повествовательный план, наряду с другими композиционными приемами, составляет архитектуру текста и актуализирует антропологическую доминанту когнитивного субъекта. Когнитивный субъект (субъект восприятия – наблюдатель / перцептор и субъект речи – повествователь), на наш взгляд, проявляет себя в деятельностных модусах текста – видения и говорения, в модусах проявления перцептивных систем человека (зрительная, слуховая, ольфакторическая, гаптическая перцептивные системы) и автореферентности художественного текста. Позиция когнитивного субъекта устанавливается в текстовых парадигмах, то есть в текстовом семантическом пространстве, организованном риторическими границами стиха и варьированием нелинейных смыслов в разных речевых воплощениях. Перцептивная парадигма организована по основаниям «когнитивный субъект», «форма перцепции», «референтность» и «автореферентность». Градуально-оценочная парадигма организована по основаниям

«когнитивный субъект» и «градуальный / мерительный признак» в градуально-оценочной модальной рамке.

Сопоставив первичный английский текст и три переводных русских текста, мы установили, что текстовые девиации в переводах, прослеживаемые по линии изменения лексико-грамматических форм, происходят на базе преобразования исходных текстовых парадигм английского поэтического текста. Двойственный когнитивный субъект ИТ при переводе может сохраняться и создавать двойственный перцептивный план наррации (ПТ1, ПТ2) или трансформироваться в единичного когнитивного агента при процедурах расширения перцептивного поля наблюдения (ПТ3). Нейтральная градуально-оценочная парадигма исходного текста преобразована в яркие градуально-оценочные парадигмы переводного русского текста во всех случаях.

Таким образом, когнитивные факторы проявляются в организации перцептивного и градуально-оценочного субстратов повествования и устанавливаются в текстовых парадигмах при внутриязыковом и межъязыковом функционировании поэтического текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жантурина Б. Н., 2021. Перцептивный повествовательный план в рассказе М. Спарк «Темные очки» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 1. С. 41–49. DOI: 10.37482/2687-1505-V073
- Жантурина Б. Н., Колесникова С. М., 2020. Знаки когниции и перцепции русского переводного поэтического текста Эмили Дикинсон «Tell All the Truth but Tell it Slant» // Вестник МГУ. Серия 22, Теория перевода. № 1. С. 63–76.
- Кибрик А. А., 2015. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев ; ред.: А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. М. : Яз. слав. культуры, 2015. С. 29–59.
- Колесникова С. М., 2016. Заметки по семантике и грамматике современного русского языка : Избранные труды. М. : Флинта. 318 с.
- Колесникова С. М., 2019. Субъективная градуальная оценка действия и теория «степеней совершаемостей» русского глагола // Вестник Московского государственного областного

университета. Серия: Русская филология. № 4. С. 49–58.

- Колесникова С. М., Бурская Е. А., 2021. Поэтический текст В. Маяковского: влияние аффиксов на фоносемантическую градуальную картину производного слова // Верхневолжский филологический вестник. № 1 (24). С. 81–86.
- Колесникова С. М., Бурская Е. А., Леденёва В. В., Шаталова О. В., 2021. Средства репрезентации идиоглосс «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 1. С. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.4>
- Мельник Н. В., 2014. Деривация русского текста : Лингвистические и персонологические аспекты. М. : ЛЕНАНД. 279 с.
- Тураева З. Я., 2009. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. Изд. 2-е, доп. М. : ЛИБРОКОМ. 128 с.
- Тюленев С. В., 2004. Теория перевода. М. : Гардарики. 334 с.
- Федорова О. В., 2015. Типология референциальных конфликтов (экспериментальные исследования) // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев ; ред.: А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. М. : Яз. слав. культуры. С. 635–674.
- Чернейко Л. О., 2017. Как рождается смысл : Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М. : Гнозис. 208 с.
- Шмид В., 2008. Нарратология. М. : Яз. слав. культуры. 312 с.
- Genette G., 1972. Figures III. P. : Seuil. 265 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Дикинсон Э. Два Заката. М. : Водолей, 2010. 62 с. (Серия: Пространство перевода).
- Дикинсон Э. Избранница в белом / пер. с англ. Л. Вагуриной, В. Авсияна. М. : Звонница-МГ, 2017. 254 с.
- Дикинсон Э. Мне доказать тебе так просто : Избранная лирика / пер. с англ. А. Пустогарова. М. : ЭРА, 2012. 162 с.
- Иванова Н. Н., Иванова О. Е., 2015. Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века : Ок. 5000 образных средств и выражений. М. : Азбуковник. 1058 с.
- Webster's, 2020 – Meriam-Webster's Unabridged Dictionary. Springfield : Merriam-Webster Inc., 2020. 1514 p.

REFERENCES

- Zhanturina B.N., 2021. Pertseptivnyy povestvovatel'nyy plan v rasskaze M. Spark «Temnye ochki» [Perceptual Narrative Plane in M. Spark's Short Story "The Dark Glasses"]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences], no. 1, pp. 41-49. DOI: 10.37482/2687-1505-V073
- Zhanturina B.N., Kolesnikova S.M., 2020. Znaki kognitsii i pertseptsii russkogo perevodnogo poeticheskogo teksta Emili Dikinson «Tell All the Truth but Tell it Slant» [Signs of Cognition and Perception in a Russian Poetic Translated Text by Emily Dickinson "Tell All the Truth but Tell it Slant"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Vestnik of Moscow State University. Series 22. Theory of Translation], no. 1, pp. 63-76.
- Kibrik A.A., 2015. Kognitivnyy podkhod k yazyku [Cognitive Approach to Language]. Kibrik A.A., Koshelev A.D. et al., eds. *Yazyk i mysl: Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and Thought Contemporary Cognitive Linguistics]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., pp. 29-59.
- Kolesnikova S.M., 2016. *Zametki po semantike i grammatike sovremennogo russkogo yazyka: Izbranniye trudy* [Notes on the Semantics and Grammar of Modern Russian Language. Selected Works]. Moscow, Flinta Publ. 318 p.
- Kolesnikova S.M., 2019. Subyektivnaya gradual'naya otsenka deystviya i teoriya «stepeny sovershaemostey» russkogo glagola [Subjective Gradual Evaluation of Action and Theory of the "Degrees of Completion" of a Russian Verb]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Vestnik of Moscow State Regional University. Series Russian Philology], no. 4, pp. 49-58.
- Kolesnikova S.M., Burskaya E.A., 2021. Poeticheskii tekst V. Mayakovskogo: vliyanie affiksov na fonosemanticheskuyu gradual'nuyu kartinu proizvodnogo slova [Vladimir Mayakovskiy's Poetic Text: The Influence of Affixes on the Phonosemantic Gradual Picture of the Derived Word]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*, no. 1 (24), pp. 81-86.
- Kolesnikova S.M., Burskaya E.A., Ledenyova V.V., Shatalova O.V., 2021. Sredstva reprezentatsii idiogloss "Deti", "Sem'ya", "Zhizn'" v romane F.M. Dostoevskogo "Bratya Karamazovy" [Means of Representation of Idioglosses "Children", "Life" in F.M. Dostoevskiy's Novel "The Karamazovs"]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics], vol. 20, no. 1, pp. 47-62 DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2021.1.4>
- Melnik N.V., 2014. *Derivatsiya russkogo teksta: Lingvisticheskie i personologicheskie aspekty* [Derivation of the Russian Text: Linguistic and Personological Aspects]. Moscow, LENAND Publ. 279 p.
- Turayeva Z.Ya. 2009. *Lingvistika teksta. Tekst: struktura i semantika* [Text Linguistics: Structure and Semantics]. Moscow, LIBROKOM Publ. 128 p.
- Tyulenev S.V., 2004. *Teoriya perevoda* [Theory of Translation]. Moscow, Gardariki Publ. 334 p.
- Fedorova O.V., 2015. Tipologiya referentsialnykh konfliktov (eksperimentalnye issledovaniya) [Typology of Referential Conflicts (Experimental Research)]. Kibrik A.A., Koshelev A.D. et al., eds. *Yazyk i mysl: Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and Thought: Contemporary Cognitive Linguistics]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., pp. 635-674.
- Cherneyko L.O., 2017. *Kak rozhdaetsya smysl: Smyсловaya struktura khudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie printsipy ee modelirovaniya* [How Sense is Born: Structure of Sense in Fiction and Linguistic Principles of its Simulation]. Moscow, Gnosis Publ. 208 p.
- Shmid V., 2008. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 312 p.
- Genette G., 1972. *Figures III*. Paris, Seuil. 265 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Dickinson E. *Dva Zakata* [Two Sunsets]. Moscow, Vodoley Publ., 2010. 62 p.
- Dickinson E.; Vagurina L., Avsiyan V., transl. *Izbrannitsa v belom* [A Chosen One in White]. Moscow, Zvonitsa-MG Publ., 2017. 254 p.
- Dickinson E.; Pustogarov A., transl. *Mne dokazat tebe tak pristo: Izbrannaya lirika* [To Prove is Such a Simple Thing: Selected Poems]. Moscow, E.RA Publ., 2012. 162 p.
- Ivanova N.N., Ivanova O.E., 2015. *Slovar yazyka poezii. Vyrzitelnye sredstva russkoy liriki kontsa XVIII – pervoy treti XX veka: Ok. 5000 obraznykh sredstv i vyrazheniy* [Dictionary of Poetic Language. Expressive Means of Russian Poetry, End of 18th – First Quarter of 19th Centuries: About 5000 Expressive Means and Expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ. 1058 p.
- Meriam-Webster's Unabridged Dictionary*. Springfield, Merriam-Webster Inc, 2020. 1514 p.

Information About the Authors

Bakhyt N. Zhanturina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Language, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Bolshaya Sadovaya St, 14, 125047 Moscow, Russia, uvaursi@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1259-403X>

Svetlana M. Kolesnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovaya St, 1, Bld. 1, 119991 Moscow, Russia, asya28@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8640-0974>

Информация об авторах

Бахыт Нурмухановна Жантурина, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Военный университет Министерства обороны РФ, ул. Большая Садовая, 14, 125047 г. Москва, Россия, uvaursi@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1259-403X>

Светлана Михайловна Колесникова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, 119991 г. Москва, Россия, asya28@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8640-0974>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.7>

UDC 811.161.1+811.113.6
LBC 81.411.2+81.43.32

Submitted: 22.01.2022
Accepted: 16.05.2022

VERBALIZING THE CONCEPTUAL OPPOSITION OF “US VS THEM” IN PROVERBS: COMPARATIVE PAREMIAS IN SWEDISH AND RUSSIAN

Elena I. Zinovieva

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Alexej S. Alyoshin

The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The paper highlights correlation of mental structures and their linguistic content in the comparative proverbs in Swedish and Russian that verbalize the opposition of “us vs them”. The study was carried out using a cognitive-and-comparative approach as part of linguistic study of the relationship between language and culture, authoritative dictionaries of Swedish and Russian proverbs provided material for the analysis. A cognitive modeling of the units was carried out, which implied stating the structural-and-semantic models of Swedish and Russian proverbs, their identification and comparison. The study found that both Swedish and Russian proverbs, which express the opposition of “us vs them”, have a common basic concept with a frame pattern associated with it. However, differences in the conceptual foundations of comparative proverbs in the Swedish and Russian languages derive from the discrepancy between conceptual constituency of their domains that are reflected in the proverbs. Thus, Swedish proverbs verbalize the concept of “House” with the domain “Space”, whereas Russian units convey the concept “Person” by the domain “Interpersonal relations”. The Swedish proverbs are noted to be more categorical and didactic than the Russian proverbs. The study findings can be used in the analysis of similarities and differences in the traditional mentality of Swedes and Russians, as reflected in proverbs related to various fragments of the world.

Key words: opposition of “us vs them”, proverb, frame, concept, structural-and-semantic model, Swedish, Russian.

Citation. Zinovieva E.I., Alyoshin A.S. Verbalizing the Conceptual Opposition of “Us vs Them” in Proverbs: Comparative Paremiias in Swedish and Russian. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 73-82. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.7>

УДК 811.161.1+811.113.6
ББК 81.411.2+81.43.32

Дата поступления статьи: 22.01.2022
Дата принятия статьи: 16.05.2022

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЕ – ЧУЖОЕ» В ПРОВЕРБИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМПАРАТИВНЫХ ПАРЕМИЙ ШВЕДСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Елена Иннокентьевна Зиновьева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Алексей Сергеевич Алёшин

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье с позиций когнитивной сопоставительной лингвокультурологии рассматривается соотношение ментальных структур и их языкового наполнения в пословицах компаративной структуры шведского и русского языков, вербализующих оппозицию «свое – чужое». Исследование выполнено на матери-

але данных авторитетных словарей шведских и русских паремий. В ходе анализа определены структурно-семантические модели пословиц в двух языках, проведено когнитивное моделирование семантики паремий. В результате сопоставительного анализа пословиц установлено, что в шведских и русских паремиях, выражающих оппозицию «свое – чужое», возможно выделение базового концепта и его фреймовой структуры. Различия в концептуальных основаниях компаративных пословиц шведского и русского языков обусловлены несовпадением организующих их доменов и концептов. Шведские пословицы вербализуют фрейм «Дом», доменом для которого является «Пространство», а русские – фрейм «Человек» с доменом «Межличностные отношения». Показано, что пословицы шведского языка более категоричны и дидактичны, нежели пословицы русского языка. Полученные в ходе проведенного анализа результаты могут быть использованы при анализе сходств и различий в традиционном менталитете шведов и русских, нашедшем отражение в разных фрагментах провербиального пространства.

Ключевые слова: оппозиция «свое – чужое», пословица, фрейм, концепт, структурно-семантическая модель, шведский язык, русский язык.

Цитирование. Зиновьева Е. И., Алёшин А. С. Вербализация концептуальной оппозиции «свое – чужое» в провербиальном пространстве (на материале компаративных паремий шведского и русского языков) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 73–82. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.7>

Введение

В настоящее время паремиология представляет собой самостоятельный раздел языкознания, внутри которого сложились различные направления исследований. Наибольший интерес ученых вызывают пословицы, что определяется спецификой этих единиц: их фразовостью, двуплановостью, моделируемостью, образностью, дидактичностью, отражением типовых ситуаций и др. Пословицы традиционно рассматриваются в жанровом аспекте, классифицируются и анализируются в соответствии с тематико-идеографическим принципом, в рамках историко-этимологического подхода, дискурсивного анализа, перевода. Сегодня пословицы изучаются с применением новых подходов и методов, в частности в экспериментальных исследованиях они используются как диагностический инструмент при описании тезауруса, психики индивида [Потапова, Щукина 2020], исследуются в русле новых направлений в паремиографии, например осуществляется аксиологически ориентированное сопоставительное лексикографическое описание пословичных единиц [Мокиенко, Никитина, 2021], определяется фактор ценности в семантической структуре паремий применительно к задаче когнитивно-прагматического моделирования семантики пословиц [Семененко, 2020]. В последнее время интерес ученых вызывает коммуникативный потенциал пословиц, возможности их применения говорящим в качестве

аргумента или контраргумента в конкретной ситуации [Джелалова, 2019]. Обзор основных векторов изучения паремий в лингвистике представлен в статье М.А. Бредиса, М.С. Димогло и О.В. Ломакиной «Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал». В ней исследователи выделяют в качестве интегративных сравнительно-сопоставительный и лингвокультурологический аспекты описания паремий [Бредис, Димогло, Ломакина, 2020, с. 270]. На наш взгляд, следует уточнить, что интегративным лингвокультурологический аспект становится в силу того, что реализуется посредством когнитивного анализа единиц, который лежит в основе любого лингвокультурологического исследования. Сравнительно-сопоставительный аспект изучения пословиц приобретает интегративный характер и за счет того, что реализуется «с опорой на аксиологическую теорию, теорию структурно-семантического моделирования, а также теорию культурно-языкового трансфера» [Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021, с. 234].

Как справедливо отмечают исследователи, разрабатывающие методики определения национальной специфичности пословичного фонда, «при дифференциации общих с другими языками и специфических единиц пословичного фонда языка наиболее объективным является синхронический анализ на основе структурно-семантического моделирования пословиц» [Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021, с. 1026].

В данной статье объектом изучения служат пословицы компаративной структуры шведского и русского языков, выражающие противопоставление «свое – чужое». Целью исследования стало определение соотношения ментальных структур и их языкового выражения в пословицах компаративной структуры шведского и русского языков, вербализующих оппозицию «свое – чужое», для определения сходств и различий в этом фрагменте провербиального пространства двух неблизкородственных языков.

Материал и методы

Термины, определяющие статус противопоставления «свое – чужое», в лингвистической литературе варьируются. В работах последних лет, посвященных паремиологии и, шире, фразеологии, используются термины «категория», «оппозиция», «парадигма», «концепт». Так, в монографии М.Л. Лаптевой категория «Свое / Чужое» рассматривается как когнитивно-дискурсивный механизм, автор устанавливает взаимодействие этнокультурных и инокультурных основ фразеологической семантики. Исследуются фраземы, включающие идиомы, междометные единицы, составные термины, перифразы, паремии и афоризмы [Лаптева, 2012]. И.В. Захаренко описывает фразеологизмы русского языка, выражающие архетипическую оппозицию «свой – чужой» в пространственном коде культуры [Захаренко, 2013]. Анализ парадигмы «свой – чужой» сквозь призму фразеологизмов и паремий с компонентом-этнонимом четырех славянских языков проведен в работе И.В. Калиты [2017]. Объектом исследования Г.И. Исиной и М.А. Сергеевой стало вербальное выражение концептов «свое – чужое жизненное пространство» в паремиологических единицах на материале русского и английского языков [Исина, Сергеева, 2016].

Представляется, что для данного исследования, проводимого в русле когнитивной сопоставительной лингвокультурологии, целесообразно использовать термин «концептуальная оппозиция».

Под компаративными пословицами, или пословицами компаративной структуры, понимаются единицы, эксплицитно или имплицит-

но содержащие сравнение. Компарация как когнитивная операция универсальна, но в силу особенностей менталитета народа – носителя языка она может быть выражена различными способами.

Материалом для исследования послужили компаративные пословицы шведского языка (19 единиц) и русского языка (35 единиц), выражающие оппозицию «свое – чужое», отобранные методом сплошной выборки из следующих словарей: «3530 ordspråk och talesätt» (Holm, 1984); «Svenska ordspråk» (Ström, 1929); «Пословицы русского народа» (Даль, 1984); «Большой словарь русских пословиц» (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010).

В ходе работы применялись общенаучные методы наблюдения, анализа и синтеза, типологизации, концептуализации. Кроме того, использовалась комбинация традиционного описательно-аналитического метода и метода когнитивного моделирования области паремиологической семантики, а также сопоставительный метод и метод лингвокультурологического анализа.

Методика исследования компаративных пословиц включает несколько этапов:

- определение структурно-семантических моделей отобранных пословиц в шведском и русском языках;
- когнитивное моделирование семантики пословиц с выявлением общего организующего концепта, реализующего его фрейма и слотов этого фрейма в шведском и русском языках;
- выделение общих и специфичных этнокультурных черт в анализируемом фрагменте провербиального пространства шведского и русского языков.

Прежде чем переходить к непосредственному анализу языковых единиц, уточним содержание используемых в работе терминов. Вслед за Е.Г. Беляевской мы полагаем, что термин «провербиальное пространство» очерчивает область, в которой будет проводиться исследование, «впоследствии может оказаться, что эта область может быть структурирована как фрейм или же она может иметь какую-либо другую концептуальную структуру» [Беляевская, 2015, с. 16]. Понятие концепта «отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опы-

та и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [Кубрякова и др., 1996, с. 90]. Вслед за Ч. Филмором под «фреймом» мы понимаем структуру знаний, «составляющую необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию связанных между собой слов» [Fillmore, 1985, p. 224]. Понятия «концепт» и «фрейм» тесно связаны, но между ними есть и существенные различия, заключающиеся во внутренней структуре этих двух ментальных конструктов: «концепт конструируется “от языка”, а фрейм конструируется “от конкретной действительности”» [Беляевская, 2015, с. 15–16]. Важным для нашего исследования термином является «домен». У. Крофт и А. Круз определяют его как «семантическую структуру, которая функционирует в качестве основы (фоновое знание, “поддерживающее” концепт и без которого концепт не может быть понят) для профилирования хотя бы одного концепта, обыкновенно нескольких» [Croft, Cruse, 2005, p.15].

Результаты и обсуждение

Пословицы шведского языка

Из общего корпуса пословиц, вербализующих оппозицию «свое – чужое», зафиксированных в словарях шведских паремий, было выделено 19 единиц компаративной структуры. Они реализуют 5 структурно-семантических моделей.

1. Компаративность выражена наречием или прилагательным в формах превосходной степени (9 единиц): *Öster och väster, hemma är bäst* (Восток или запад, дома лучше всего¹); *Hemma är vilan ljuvast* (Дома отдых приятнее всего); *Hemma är bäst att sova, om man så ligger i stallkammarn* (Спать лучше всего дома, даже если лежишь в конюшне); *Borta är bra, men hemma är bäst, om gumman är snäll* (Вне дома хорошо, но дома лучше всего, если жена добрая); *När allt är prövat, är hemmet bäst* (Когда все попробовал, дома лучше всего); *Egen eld kokar bäst* (Свой огонь варит лучше всего); *Bäst bo under sitt eget tak* (Лучше всего жить под своей крышей); *Egen ull värmer bäst* (Своя шерсть греет луч-

ше всего); *Bäst trampa egen tröskel* (Лучше всего топтать свой порог).

2. Компаративность выражена наречием *bra* в сравнительной степени или конструкцией *bättre... än...* (лучше... чем...). Данная модель лежит в основе 5 пословичных единиц: *Alltid bättre gräs på andra sidan stängslet* (Трава всегда лучше по другую сторону забора); *Bättre hemma med liten lön än borta med stor* (Лучше дома с маленькой зарплатой, чем вне дома с большой); *Bättre hemma med en mager höna än borta med en fet gås* (Лучше дома с худой курицей, чем вне дома с жирным гусем); *Vår rök är bättre än grannens eld* (Наш дым лучше соседского огня); *Bättre hemlängtan än hemleda* (Лучше стремиться домой, чем из дома).

3. Компаративность выражена прилагательным в сравнительной степени (3 единицы): *Hemma är korna större än oxarna* (Дома коровы больше быков); *Grannens ök är alltid starkare* (Соседский бык всегда сильнее); *Annans hustru är alltid vackrare* (Чужая жена всегда красивее).

4. Компаративность выражена сравнительным союзом (1 единица): *Hemma smakar sill som lax* (Дома селедка имеет вкус лосося).

5. Компаративность выражена имплицитно (1 единица): *Egen härd är guld värd* (Свой очаг золота стоит).

Основным концептом, организующим анализируемые шведские пословицы, является концепт «Дом». Его можно структурировать в виде фрейма, концептуальным доменом для которого является «Пространство».

В шведских паремиях эксплицируется противопоставление «своего» и «чужого» пространств. «Свое» пространство имеет лексический маркер *hemma* (дома), «чужое» – лексический маркер *borta* (вне дома).

Прототипический фрейм «Дом», отражающий традиционный шведский крестьянский быт, формируют следующие слоты:

– «части дома» (лексические маркеры – партитивы *ett tak* (крыша), *en tröskel* (порог)): *Bäst bo under sitt eget tak* (Лучше всего жить под своей крышей); *Bäst trampa egen tröskel* (Лучше всего топтать свой порог);

– «постройки на примыкающей к дому дворовой территории» (лексический маркер – *en stallkammare* (конюшня)): *Hemma är bäst*

att sova, om man så ligger i stallkammarn (Спать лучше всего дома, даже если лежишь в конюшне);

– «домашний очаг» (лексические маркеры – *en eld, en rök* (огонь, дым)): *Egen eld kokar bäst* (Свой огонь варит лучше всего); *Vår rök är bättre än grannens eld* (Наш дым лучше соседского огня); *Egen härd är guld värd* (Свой очаг золота стоит);

– «продукты питания» (лексические маркеры – *en sill* (селедка), *en lax* (лосось), *en höna* (курица), *en gås* (гусь)): *Bättre hemma med en mager höna än borta med en fet gås* (Лучше дома с худой курицей, чем вне дома с жирным гусем); *Hemma smakar sill som lax* (Дома селедка имеет вкус лосося);

– «осуществляемые действия, состояния» (лексические маркеры – *att vila, att sova* (отдыхать, спать)): *Hemma är vilan ljuvast* (Дома отдых приятнее всего); *Hemma är bäst att sova, om man så ligger i stallkammarn* (Спать лучше всего дома, даже если лежишь в конюшне);

– «совместно проживающие родственники» (лексический маркер – *en gumma* (дословно старушка в значении ‘жена’)): *Borta är bra, men hemma är bäst, om gumman är snäll* (Вне дома хорошо, но дома лучше всего, если жена добрая).

Ближайшее к своему (домашнему) пространству – пространство соседское, достаточно хорошо известное, повседневно наблюдаемое, а потому служащее объектом для сопоставления со своим. Шведские паремии, противопоставляющие свой дом и обиход и соседские, амбивалентны с точки зрения выражаемой оценки. С одной стороны, предпочтительнее свое: *Egen eld kokar bäst* (Свой огонь варит лучше всего); *Egen ull värmer bäst* (Своя шерсть греет лучше всего); *Vår rök är bättre än grannens eld* (Наш дым лучше соседского огня). С другой стороны, предпочтение отдается соседскому: *Grannens ök är alltid starkare* (Соседский бык всегда сильнее); *Alltid bättre gräs på andra sidan stängslet* (Трава всегда лучше по другую сторону забора); *Annans hustru är alltid vackrare* (Чужая жена всегда красивее).

Предпочтительность чужого в пословицах разных языков объясняется, по справедливому мнению Е.И. Тимошенко, завистью че-

ловека. Пресуппозиция же (фоновые знания), а также подтекст таких выражений заключаются «в понимании носителями языка чувства зависти как такого, которое объясняется твердым убеждением каждого (или, по крайней мере, большинства) в том, что свое должно быть самым хорошим, лучшим... В подобных выражениях как раз и проявляется беспокойство по поводу того, что у другого может быть лучше, чего, по определению, быть не должно» [Тимошенко, 2010, с. 191].

В исследуемом материале представлены компаративные пословицы, отражающие расширение пространства своего дома до восприятия его как включающего место работы: *Bättre hemma med liten lön än borta med stor* (Лучше дома с маленькой зарплатой, чем вне дома с большой).

Лексический маркер *Hemma* «дома» может также иметь самое широкое значение – своя страна, Родина. Об этом, например, свидетельствует заимствованная из английского языка пословица: *Öster och väster, hemma är bäst* (Восток или запад, дома лучше всего). Ср. также: *När allt är prövat, är hemmet bäst* (Когда все попробовал, дома лучше всего); *Bättre hemlängtan än hemleda* (Лучше стремиться домой, чем из дома); *Hemma är korna större än oxarna* (Дома коровы больше быков). Исследователь шведского фольклора Ф. Стрём называет последнюю пословицу ироничной и указывает на то, что шведы склонны чрезмерно хвастаться, превознося «свое», когда оказываются за рубежом (Ström, 1929, S. 44). Представляется, однако, что данная единица свидетельствует о переоценке ценностей, происходящей в сознании шведов, когда на объективную материальную иерархию ценностей (бык больше и сильнее коровы, дает больше мяса) накладывается оценка по шкале «свое – чужое» и полностью меняет ценностный вектор.

Пословицы русского языка

Из корпуса русских пословиц, вербализующих оппозицию «свое – чужое», зафиксированных в используемых словарях, было выделено 36 единиц компаративной структуры. Они построены по 6 структурно-семантическим моделям.

1. Компаративность выражена противопоставлением с использованием противительных союзов *а* или *да* (16 единиц): *Род да племя близки, а свой рот ближе; В друге стрела как во пне, а в себе как в сердце; Чужую печаль и с хлебом съешь, а своя и с калачом в горло не идет; Чужую беду не послаля уплету, а свою и посахарив не проглочу; Как чужую беду – я водой разведу, а на свою на беду – сижу да гляжу; Чужую беду руками (бобами, на бобах) разведу, а к своей и ума не приложу; Чужой дурак – веселье, а свой – бесчестье; Чужого стыдно, а своего жаль; Ешь чужие пироги, а свои (свой хлеб) вперед береги; Люблю тебя, да не как себя и др.*

2. Компаративность выражена противопоставлением без союза (3 единицы): *Чужим уродом коришь, над своим казнишься; Над людским дураком не нахаешься, над своим не накаешься; Своего коня – шлепком, чужого коня – кругляком.*

3. Компаративность выражена прилагательным в форме сравнительной степени (11 единиц): *Своя кожа рубахи дороже; Своя кожа чужой рожки дороже; Чужой и хлеб слаще калача; Всякому мужу своя жена милее; Всяк сам себе дороже; Всякому свое дороже; Свой хлеб сытнее; Мальй вертеп мой лучше Синайския горы; Всяк сам себе ближе; Собинка всего дороже; Свой уголок всего краше.*

4. Компаративность выражена наречием в сравнительной степени (1 единица): *Своя рубашка к телу ближе.*

5. Компаративность выражена предложением с местоименно-соотнесительной конструкцией (3 единицы): *Что у тебя болит, то у друга не свербит; Что к огню ближе, то жарче; Что к сердцу ближе, то больнее.*

6. Компаративность выражена комбинированным способом – с использованием противительного союза *а* и прилагательного в сравнительной степени (2 единицы): *Княгине княжна, кошке котя, а Катерине свое дитя (милее); Твое хоть дороже, а свое мне милее.*

Русские компаративные паремии, вербализующие оппозицию «свой – чужой», организуют концепт «Человек». В центре внимания носителей русской лингвокультуры находится

индивид, сопоставляющий себя с другими людьми, концептуальным доменом выступают «Межличностные отношения». Концепт «Человек» представляет собой фрейм, включающий следующие слоты:

– «сам индивид, от лица которого строится высказывание»: *Всяк сам себе дороже; Всяк сам себе ближе.* Лексическими маркерами говорящего индивида являются местоимения *всяк, всякий, сам себе*. Паремии утверждают, что каждому человеку ближе и дороже он сам. Индивид и другой человек, с которым он сравнивает себя, могут метонимически обозначаться соматизмами: *Своя кожа чужой рожки дороже;*

– «другие люди»: *Люблю тебя, да не как себя.* В ближайшем окружении индивида выделяется человек, номинируемый местоимением *ты*, ближайшим к «я» говорящего, но этот ближний все же не так дорог говорящему, как он сам. Подобным образом характеризуются и отношения с другом, чьи страдания и переживания не воспринимаются так остро, как собственные: *В друге стрела как во пне, а в себе как в сердце; Что у тебя болит, то у друга не свербит.* Индивид в русских пословицах противопоставляет, сравнивая, себя и родственников (*род да племя*), при этом индивид также метонимически обозначается соматизмом: *Род да племя близки, а свой рот ближе.* Однако когда речь идет о сравнении своих и чужих родных, то свои оказываются ближе: *Всякому мужу своя жена милее; Княгине княжна, кошке котя, а Катерине свое дитя (милее);*

– «чувства, эмоции индивида»: *Чужую печаль и с хлебом съешь, а своя и с калачом в горло не идет; Чужую беду не послаля уплету, а свою и посахарив не проглочу; Как чужую беду – я водой разведу, а на свою на беду – сижу да гляжу; Чужую беду руками (бобами, на бобах) разведу, а к своей и ума не приложу; Людской стыд (позор) – смех, а свой – смерть.* Свои чувства и эмоции также стоят на первом месте в сравнении с чувствами, переживаниями, эмоциями других людей. При этом печаль и беда метафорически уподобляются блюду, беда имеет определенную консистенцию, ее можно «развести». Стыд (позор) других вызывает смех, а свой по интенсивности воз-

действия на субъекта речи уподобляется смерти. Недостатки, источник негативных эмоций вызывают разные отношения внутри своего круга, сообщества, семьи и вне таковых: *Чужой дурак – веселье, а свой – бесчестье; Чужого стыдно, а своего жаль; Чужим уродом коришь, над своим казнишься; Над людским дураком не нахаешься, над своим не накаешься;*

– «имущество, собственность индивида»: *Собинка всего дороже. Свою собственность следует беречь, в то время как имущество другого такого отношения не заслуживает: Чужую курочку щипли, а свою за крылышко держи; Чужую курицу как хошь дери, а свою за хохол держи!; Ешь чужие пироги, а свои (свой хлеб) вперед береги; Своего коня – шлепком, чужого коня – кругляком. Собственность индивида, его имущество предпочтительнее перед имуществом других. Однако жизнь индивида дороже имущества: Своя кожа рубахи дороже.*

«Свое» пространство маркируется в незначительном количестве русских паремий, в отличие от шведских: *Свой уголок всего краше; Малый вертеп мой лучше Синайския горы.*

Анализируемым русским компаративным паремиям, в отличие от шведских единиц, свойственно также нерасчлененное сравнение-противопоставление своего и чужого. При этом русские паремии так же оценочно амбивалентны, как и шведские. С одной стороны, свое лучше (паремии с этой установкой преобладают в исследуемом материале, как и в шведском): *Всякому свое дороже; Твое хоть дороже, а свое мне милее; Чужое и хорошее постыло; а свое и худое, да мило; Чужое непрочно и большое, а свое малое, да правое; Свой хлеб сытнее.* С другой стороны, чужое представляется более привлекательным: *Чужой и хлеб слаще калача.*

В русских паремиях обнаруживается вербализация точки зрения «других» относительно того, что говорящий считает своим. Эмпатия говорящего при этом на стороне «своего». Объектом сравнения в данном случае является обобщенный индивид, имеющий имя собственное – *Семён*: *Людской Семён как лук зелён, а наш Семён из грязи свалён.* В качестве лексических маркеров «своего

Семена» и «чужого Семена» выступают лексемы *людской* и *наш*.

В русских, как и в шведских, паремиях отражается переоценка ценностей: то, что объективно оценивается как хорошее (красивое, сладкое, сытное и т. п.), подвергается оценке по шкале «свое – чужое», при этом «свое», хотя и проигрывает объективно (чужое больше по размеру, лучше, дороже), оказывается предпочтительнее.

Заключение

В результате проведенного анализа можно сделать некоторые выводы.

В исследованных пословицах компаративной структуры шведского языка преобладают единицы, в которых сравнение выражено наречием *bra* (хорошо) в формах превосходной или сравнительной степени: *bäst* (лучше всего) или *bättre* (лучше). Выделяется частотное употребление конструкции «*bättre... än...*» (лучше... чем...). Компаративные пословицы русского языка в подавляющем большинстве строятся на противопоставлении (с союзной и бессоюзной связью). Шведские паремии, в сравнении с русскими, более категоричны, отличаются большей дидактичностью и четкостью выражения оценочности за счет использования конструкции *bättre... än...* (лучше... чем...).

В компаративных пословицах шведского и русского языков при наличии общей концептуальной оппозиции «свое – чужое» обнаруживаются различия в организующих этот фрагмент провербиального пространства концептах и, соответственно, фреймах. Исследованные шведские компаративные паремии организованы фреймом «Дом», структура которого определяется пространственным противопоставлением «дом – вне дома». Русские паремии компаративной структуры представляют фрейм «Человек», его структура организуется связями, выстраивающими межличностные отношения, которые, в свою очередь, включают сравнение с другими людьми (родственниками, друзьями), имуществом других индивидов, сравнение собственных чувств и отношения к переживаниям и аналогичных эмоций других людей. В оппозиции «свое – чужое» положительно маркированным в про-

вербиальном пространстве обоих языков оканчивается «свое», при кажущейся иногда большей привлекательности чужого. В проанализированных шведских и русских паремиях выражена переоценка общепринятых ценностей в пользу «своего».

Различаются образы, вербализуемые паремиями шведского и русского языков. Несмотря на то что в пословицах обоих языков называются хозяйственно-бытовые реалии, в шведских паремиях употреблены такие культурно обусловленные слова-реалии, как *en sill* (селедка) и *en lax* (лосось), а в русских, соответственно, – *хлеб* и *калач*.

Полученные в ходе проведенного анализа результаты могут быть использованы в дальнейшем при формировании выводов о сходстве и различиях в традиционном менталитете шведов и русских, нашедшем отражение в разных фрагментах провербиального пространства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее перевод со шведского наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляевская Е. Г., 2015. Фрейм, концепт, концептуальная метафора – синонимы? (О соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник МГЛУ. Вып. 22 (733). С. 9–20.
- Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В., 2020. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11, № 2. С. 265–284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284
- Джелалова Л. А., 2019. Модель «Значение ↔ Применение» в изучении русских пословиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 2. С. 94–104. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.9>
- Захаренко И. В., 2013. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М. : МАКС Пресс. Вып. 46. С. 15–31.
- Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю., 2021. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Петрушевская Ю. А., 2021. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035
- Исина Г. И., Сергеева М. А., 2016. Вербальное выражение концептов «свое – чужое жизненное пространство» в паремиологических единицах (на примере русского и английского языков) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 11. С. 158–160.
- Калита И. В., 2017. «Свой» – «Чужой» в координатах фразеологических стереотипов // Международный журнал исследований культуры. № 2 (27). С. 85–97.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г., 1996. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Изд-во Моск. ун-та. 245 с.
- Лаптева М. Л., 2012. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики : монография. Астрахань : Астрах. ун-т. 213 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., 2021. Восточнославянские параллели и уникалии в трехязычном аксиологическом словаре пословиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 4. С. 126–136. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.10>
- Потапова Н. А., Щукина Д. А., 2020. Русские паремии и механизмы человеческого мышления (выражение обобщенного значения) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 4. С. 109–119. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.10>
- Семененко Н. Н., 2020. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11, № 2. С. 213–232. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232
- Тимошенко Е. И., 2010. Явление амбивалентной оценки в русских и белорусских пословицах о своем и чужом // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. № 2 (59). С. 189–193.

Croft W., Cruse A., 2005. *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 356 p.
 Fillmore Ch. J., 1985. *Frames and Semantics of Understanding // Quaderni di semantica*. Vol. 6, no. 2. P. 222–254.

СЛОВАРИ

Даль В. И. *Пословицы русского народа*. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1984. 399 с.
 Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц*. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
 Holm P. *3530 ordspråk och talesätt*. Stockholm: Bonnier fakta, 1984. 260 s.
 Ström F. *Svenska ordspråk*. Stockholm: Bokförlaget Prisma Stockholm, 1929. 396 s.

REFERENCES

- Belyaevskaya E.G., 2015. Freym, kontsept, kontseptualnaya metafora – sinonimy? (O sootnoshenii i vzaimodeystvii metodov kognitivnoy lingvistiki) [Are Frames, Concepts, Conceptual Metaphors Synonyms? A Study of the Correlation and Interaction of Methods of Cognitive Linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], iss. 22 (733), pp. 9-20.
- Bredis M.A., Dimoglo M.S., Lomakina O.V., 2020. Paremii v sovremennoy lingvistike: podkhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchiy i lingvokulturologicheskii potentsial [Paremiology in Modern Linguistics: Research Approaches and the Text-Forming and Cultural and Linguistic Potential]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 11, no. 2, pp. 265-284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284
- Dzhalalova L.A., 2019. Model «Znachenie ↔ Primenenie» v izuchenii russkikh posloviits [Model “Meaning ↔ Application” in Studying Russian Proverbs]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 2, pp. 94-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.9>
- Zakharenko I.V., 2013. Arkhetipicheskaya oppozitsiya «svoe – chuzho» v prostranstvennom kode kultury [The Archetypal Opposition ‘Own / Native – Alien’ in the Spatial Code of Russian Culture]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Consciousness Communication. Collection of Articles]. Moscow, MAKS Press Publ., iss. 46, pp. 15-31.
- Ivanov E.E., Lomakina O.V., Nelyubova N.Yu., 2021. Semanticheskiy analiz tuvinskikh posloviits: modeli, obrazy, ponyatiya (na evropeyskom paremiologicheskom fone) [A Semantic Analysis of Tuvan Proverbs: Models, Images, Concepts (Against the European Paremiological Background)]. *Novye issledovaniya Tuva* [The New Research of Tuva], no. 3, pp. 232-248. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- Ivanov E.E., Lomakina O.V., Petrushevskaya Yu.A., 2021. Natsionalnaya spetsifichnost posloviichnogo fonda: osnovnye ponyatiya i metodika vyyavleniya [The National Specificity of the Proverbial Corpus: Basic Concepts and Methods of Detection]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 12, no. 4, pp. 996-1035. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035
- Isina G.I., Sergeeva M.A., 2016. Verbalnoe vyrazhenie kontseptov «svoe – chuzhoe zhiznennoe prostranstvo» v paremiologicheskikh edinicakh (na primere russkogo i angliyskogo yazykov) [The Verbal Expression of the Concepts of ‘One’s Own vs Someone Else’s Living Space’ in Paremiological Units: A Comparative Study of Russian and English]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], no. 11, pp. 158-160.
- Kalita I.V., 2017. «Svoe» – «Chuzho» v koordinatakh frazeologicheskikh stereotipov [‘Us vs. Them’ in the Framework of Phraseological Stereotypes]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Research], no. 2 (27), pp. 85-97.
- Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G., 1996. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [A Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 245 p.
- Lapteva M.L., 2012. «Svoe» i «Chuzhoe» v kognitivno-diskursivnom prostranstve russkoy frazemiki: monografiya [‘Us vs. Them’ in the Cognitive-Discursive Space of Russian Phrasemes. Monograph]. Astrahan, Astrah. un-t. 213 p.
- Mokienko V.M., Nikitina T.G., 2021. Vostochnoslavyanskii paralleli i unikalii v trekhazychnom aksiologicheskom slovare posloviits [Eastern Slavic Parallels and Unique Features in a Trilingual Axiological Dictionary

- of Proverbs]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 126-136. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.10>
- Potapova N.A., Shchukina D.A., 2020. Russkie paremii i mekhanizmy chelovecheskogo myshleniya (vyrazhenie obobshchennogo znacheniya) [Russian Paremiias and the Mechanisms of Human Thinking (The Expression of Generalized Value)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 4, pp. 109-119. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.10>
- Semenenko N.N., 2020. Aksiologiya paremiy v fokuse problemy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniya semantiki russkikh poslovits [An Axiology of Proverbs in the Cognitive-Discursive Modeling of the Semantics of Russian Proverbs]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 11, no. 2, pp. 213-232. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232
- Timoshenko E.I., 2010. Yavlenie ambivalentnoy otsenki v russkikh i belorusskikh poslovitsakh o svoem i chuzhom [The Phenomenon of Ambivalent Evaluation in Russian and Belarusian Proverbs About Us vs. Them]. *Izvestiya Gomelskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* [Francisk Skorina Gomel State university Proceedings], no. 2 (59), pp. 189-193.
- Croft W., Cruse A., 2005. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press. 356 p.
- Fillmore Ch.J., 1985. Frames and Semantics of Understanding. *Quaderni di semantica*, vol. 6, no. 2, pp. 222-254.

DICTIONARIES

- Dal V.I. *Poslovitsy russkogo naroda. V 2 t. T. 2* [Proverbs of the Russian People. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1984. 399 p.
- Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. *Bolshoy slovar russkikh poslovits* [A Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2010. 1024 p.
- Holm P. *3530 ordspråk och talesätt*. Stockholm, Bonnier fakta, 1984. 260 s.
- Ström F. *Svenska ordspråk*. Stockholm, Bokförlaget Prisma Stockholm, 1929. 396 s.

Information About the Authors

Elena I. Zinovieva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, St. Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9-11, 199034 Saint Petersburg, Russia, e.i.zinovieva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6253-9739>

Alexej S. Alyoshin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department Foreign Languages, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, Prosp. Bolshevikov, 22, Bld. 1, 193232 Saint Petersburg, Russia, alexis001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6058-8844>

Информация об авторах

Елена Иннокентьевна Зиновьева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9-11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, e.i.zinovieva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6253-9739>

Алексей Сергеевич Алёшин, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, просп. Большевиков, 22, корп. 1, 193232 г. Санкт-Петербург, Россия, alexis001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6058-8844>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.8>

UDC 811.133.1'373
LBC 81.47.11-315

Submitted: 31.03.2022
Accepted: 20.06.2022

REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL FIELD "EDUCATION" IN NATIONAL VARIANTS OF THE FRENCH LANGUAGE

Nikolay L. Shamne

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Yuliya S. Dzyubenko

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Anastasia V. Arzhanovskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena A. Eltanskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper presents an onomasiological analysis of the conceptual field "Education" exemplified by the vocabulary of the national variants of the French language of France, Belgium, Switzerland, and Canada (Province of Quebec) with the aim to establish the basic nomination principles and identify inter-variational differences within the framework of three sectors of the conceptual field "Education": "Educational institutions (établissement d'enseignement)", "Teaching staff (personnel enseignant)", "Students (étudiants)". The basic principles of nominating in the field of education are identified by considering the internal conceptual structure of the language units under analysis; inter-variational differences and alterations are stated by categorical-and-semantic comparability of the differentiation semes in the nominations of three sectors of the conceptual field "Education". The analysis allows to conclude that there exist generic categorical-and-semantic instances within nomination structures that indicate location of training or teaching, specialty, disciplines studied or taught, age, status of the teacher or student, level and methodology of training. In designation of objects in the sectors of the conceptual field "Education" lexical units get into hypernym-and-hyponym relations, thus categorically every sector is formed around some basic concept that is explicated in a hypernym, general nomination for four territorial variants of French, and a set of hyponyms that are more specific and not alike in the exemplification of general semes. The onomasiological analysis of the conceptual field "Education" reveals intervariational concomitant or alternating features, especially in sectors of "Educational institutions (établissement d'enseignement)", "Students (étudiants)" due to certain social-and-institutional reasons.

Key words: onomasiology, principle of nomination, hypernym-and-hyponym relations, nominative series, variants of the French language, education.

Citation. Shamne N.L., Dzyubenko Yu.S., Arzhanovskaya A.V., Eltanskaya E.A. Representation of the Conceptual Field "Education" in National Variants of the French Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 83-94. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.8>

УДК 811.133.1'373
ББК 81.471.1-315

Дата поступления статьи: 31.03.2022
Дата принятия статьи: 20.06.2022

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ «ОБРАЗОВАНИЕ» В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Николай Леонидович Шамне

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Юлия Сергеевна Дзюбенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Анастасия Валерьевна Аржановская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Александровна Елтанская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты ономаσιологического исследования понятийного поля «Образование» на материале лексики национальных вариантов французского языка Франции, Бельгии, Швейцарии и Канады (провинция Квебек). Цель работы заключается в выявлении категориальных принципов номинации и уточнении признаков межвариантных различий в трех секторах поля «Образование»: «Educational institutions (établissement d'enseignement)», «Teaching staff (personnel enseignant)», «Students (étudiants)». Принципы номинации установлены путем определения понятийной структуры значения лексических единиц, межвариантные различия – посредством категориально-семантического сопоставления дифференциальных сем значений наименований описываемого поля. Охарактеризованы общие категориально-семантические признаки номинации: место обучения или преподавания, изучаемые или преподаваемые дисциплины, профессия и возраст, статус преподавателя или ученика, уровень и специфика методологии обучения. При именовании объектов в рассматриваемых секторах поля «Образование» лексические единицы вступают в гиперо-гипонимические отношения: в каждом секторе имеется базовый концепт, который эксплицируется общей для четырех вариантов французского языка номинацией-гипонимом и семантически близкими номинациями-гиперонимами, различающимися по составу некоторых общих признаков. Значительное межвариантное разнообразие по принципам номинации отмечено в секторах «Educational institutions (établissement scolaire)», «Students (étudiants)», что объясняется социально-институциональными причинами. *Вклад авторов:* Ю.С. Дзюбенко осуществлен сбор и анализ лексики национального варианта французского языка Франции и Швейцарии; Е.А. Елтанской – сбор и анализ лексики национального варианта французского языка Бельгии; А.В. Аржановской – сбор и анализ лексики национального варианта французского языка Квебека; Н.Л. Шамне разработана методика исследования, выполнено обобщение материала.

Ключевые слова: ономаσιология, принцип номинации, гиперо-гипонимические отношения, номинативный ряд, варианты французского языка, образование.

Цитирование. Шамне Н. Л., Дзюбенко Ю. С., Аржановская А. В., Елтанская Е. А. Репрезентация понятийного поля «Образование» в национальных вариантах французского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 83–94. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.8>

Introduction

Language description implies the study of its internal laws and social nature. The problem of the relationship between the social and interstructural components of language rightly belongs to the main issues of the modern language science, where, along with traditional problems related to the origin and classification of languages, the issues of their current state become relevant. At the end of the 20th – beginning of the 21st century there was a noticeable increase in interest in multinational languages, their position in the world and their diversification [Dzyubenko, Eltanskaya, 2022].

In linguistics of recent years a lot of works devoted to the study of certain problems of

nomination and nominative human activity have appeared [Arzhanovskaya, 2015; Shamne, Rebrina, 2007]. The most frequently and intensively studied issues refer to the theory of nomination (methods, motives, principles of nomination of individual thematic groups in various languages including in the comparative aspect, various aspects of nominative activity, the issues of the influence of certain scientific disciplines and directions on nominative activity, for example, cultural linguistics, anthropocentrism including). Precisely because the theory of nomination turned out to be a multifaceted and multidimensional science, many of its matters continue to remain outside of its study. Thereupon, it is advisable to study the vocabulary of the national variants of the French

language in France, Belgium, Switzerland, and Canada (Province of Quebec) comprehensively from a semasiological and onomasiological perspective. Both approaches are interrelated and complement each other. In a comprehensive study of the same object, conceptual groups (at the level of concepts) and semantic groups or fields (in semantic analysis) are identified.

Onomasiology as a new direction is often attributed to A. Zauner, who distinguished between two aspects of the word semantics study: semasiology and onomasiology. The semasiological approach involves the study of the lexical meaning of a word. This study is based on the “from word to concept” principle. The onomasiological approach to the study of the word is closely related to the semasiological approach. This method is based on the “from the content to the form of the word” principle. Onomasiology studies the process of a name emergence and its assignment to an object of reality. If semasiology considers which concept is related to a word, then onomasiology examines why a particular word is used to denote a specific concept in a language. The external form of the word means “thing” by means of “concept”, which is associated in the minds of native speakers of a given language with a certain form [Borodina, Gak, 1979, pp. 79-80]. The onomasiological approach considers the content side of language units from the perspective of the subject orientation. Language formation as a semiotic code is impossible without onomasiological processes. Each language denotes a non-linguistic and linguistic reality. The peculiarity of a language is evidenced by what is denoted and how.

Intensive development of onomasiology in Soviet linguistics has been taking pace since the late 60s of the 20th century. A number of works by B.A. Serebrennikov, N.D. Arutyunova, E.S. Kubryakova, I.S. Toroptsev, V.G. Gak, V.N. Telia, A.A. Ufimtseva, D.N. Shmeleva and other linguists reveal certain aspects of onomasiology, interpret its concepts, and expand the boundaries of the study of a new discipline. The main goal of onomasiology is considered to be the creation of a theory of nomination, its main task is to study the means and methods of naming individual elements of reality. During this period, the development of onomasiology was primarily associated with the task of explaining the path from a thing to its designation, to naming individual fragments of the real world. The nominative

aspect of speech activity has been analyzed, in particular, E.S. Kubryakova notes that the main goal in the process of speech generation is to find the appropriate language form for expressing thought and its content [Kubryakova, 2020, p. 33]. Yu.S. Stepanov defines the theory of nomination as the core of semantics (in a narrow sense), and nomination as the relation of linguistic signs to objective reality, as well as the system of such signs [Stepanov, 1977, p. 353].

The theory of nomination leads researchers to the fact that when investigating naming problems, it is necessary to take into account such factors as experience, linguistic technique, the role of the individual and society, as well as the relationship of language and thinking with the surrounding reality [Serebrennikov, 1977, pp. 112-127].

Currently, onomasiology is one of the leading areas in the study of French vocabulary. The principle of object nomination remains one of the most important issues in modern linguistics. The nomination principles are based on the properties of the reality. The nomination principles are understood as peculiar onomasiological models that generalize the study of names, patterns of use of various linguistic means in the designation of non-linguistic phenomena. Therefore, in order to conduct an onomasiological analysis, it is necessary to go beyond the linguistic phenomena of the same level, since the approach itself combines word-formation, lexical and semantic phenomena that reflect real associations among native speakers [Ivanova, 2015].

Consequently, the interpretation of the word as a substitute for the subject has been replaced by the search for the inner layers of culture imprinted in it and reflecting not so much the opposition, opposition of this name to other names of the same system, as human activity associated with the reflection of the objective world [Kopach, 2006, p. 120].

Our study examines the field of education and, accordingly, the conceptual field’s representation in the four national variants of the French language (France, Belgium, Switzerland, and Province of Quebec in Canada). Within the conceptual field “Education” in the above enumerated variants of the French language, the following conceptual groups are distinguished: “Educational institutions (names of educational institutions, their organizational structure, types of certificates and diplomas)”, “Teachers”, “Students”.

Methods and materials

The material under study includes the linguistic units belonging to three conceptual groups extracted by continuous sampling from the explanatory and encyclopedic dictionaries of the French language of France, Belgium, Switzerland and Quebec: “Educational institutions (établissements d’enseignement)”, “Teaching staff (personnel enseignant)”, “Students (étudiants)”.

The analysis of the language material is carried out with a set of linguistic methods and techniques, which are predetermined by the set purpose and objectives of the study, as well as the specifics of the material. Component analysis as the main method helped to reveal similarities and differences in the nominations of the conceptual groups under study. The method of comparative analysis was used for establishing cases of cross-variant coordination or alteration in the national variants of the French language under study. The quantitative ratio of the nomination principles was determined by the method of statistical analysis. Within the onomasiological analysis, firstly, the composition of the thematic groups under consideration was determined. Secondly, the differential signs of the linguistic units included in these groups were revealed. The third stage of the study was to determine the principles of nominations due to the identified differential features. At the end of the analysis, we established the dominant principles of nominations characteristic of all the national variants of the French language that we studied.

Results and discussion

Considering common and differential features of linguistic units in the conceptual groups “Educational institutions (établissements d’enseignement)”, “Teaching staff (personnel enseignant)”, “Students (étudiants)” we have obtained the following results.

The conceptual group “Educational institutions”

The conceptual group “Educational Institutions (établissements d’enseignement)” in the territorial variants of the French language in France, Belgium, Switzerland, and Province of Quebec (Canada) includes nominations that characterize

educational institutions of various levels of education, in particular, four conceptual subgroups: preschool educational institution; secondary educational institution; specialized or vocational educational institution; higher educational institution.

Preschool educational institutions are referred to the notion of kindergarten, *jardin d’enfants* in common French. It is a private educational institution where children spend the first two years of preschool education (corresponding to the first two years in the public kindergarten *maternelle*). In France, *école maternelle* is an optional school that accepts boys and girls aged from 3 to 5 (Rey, 2006, p. 352). In Belgium, *école Froebel* is a kindergarten that admits children aged from 2.5 to 5, and extended day-care groups for primary school students (Francard et al., 2021, p. 175). In Switzerland, *école enfantine* is a kindergarten for children aged from 4 to 6, and depending on the canton in French-speaking Switzerland, there are kindergartens with a different number of training levels. Thus, in cantons Bern, Geneva, Jura, Valais, Neuchatel and Vaud there is two-level education system (Knecht, Thibault, 2012, p. 205). In Quebec, preschool education *éducation préscolaire* begins only from the age of 5, and from the age of 3 children can stay in the so-called *écoles gardiennes*, where games and various activities are offered to children for three hours a day (Klokov, 2004, p. 198).

The category “optional preschool educational institution” is common and it is characterized by the following general categorical notions that differ in four language variants under study: maternal care and affection (*maternelle* – in the French variant), methods of teaching and upbringing (*F.Fröbel* (German teacher) – in the Belgian variant), child care (*gardien* – in the Quebec variant), age category (*enfantin* – in the Swiss variant). There are also differentiating features providing information about certain parts of the semantic content, such as “private preschool educational institution”, “state preschool educational institution” or “extended day-care group”. In addition, there is a difference in the age of pre-schoolers attending these institutions.

The second subgroup “Secondary educational institution” includes the subconcepts “Elementary school”, “Secondary school”,

alternatively nominated in the four variants of the French language.

The notion ‘elementary school’ in common French is *école primaire*, *enseignement primaire*, ‘primary school’ – *cours élémentaire* (starting from the last year of kindergarten until entering college) (Le Petit Larousse illustré..., 2021, p. 411). In France, *école primaire* includes 2 cycles of 3 years duration. In the Quebec variant – *école élémentaire*, *cours primaire* (in the primary school of Quebec, students study for 6 years, that is, 3 cycles of 2 years duration) or *cours 101* (primary course). In Belgium, *enseignement primaire* also consists of 3 cycles, as in Quebec. In Switzerland, depending on the cantons, the duration of primary school education at the *école primaire* may vary. In cantons Bern, Fribourg, Geneva, Jura, Valais the term of education for children from 6 to 12 is six years, in canton Neuchâtel it is a year less, in canton Vaud it is only four years [Dzyubenko, 2016, p. 83].

Differences in the volume of nominations are noted within a single variant of the French language. The French *école primaire* is a hyperonym (a nomination of broad meaning) in relation to the *école élémentaire* and *cours élémentaire*. The differential feature ‘primary’ indicates the study at primary school only in three variants of the French language (Belgian, Swiss, and Quebec), since in France primary school also includes staying at kindergarten. There are also denotative differences within the two variants (French and Quebec), that are referred to social and institutional organisation. Elementary school in France, *école élémentaire* means the primary grades of the secondary school, and in Quebec – a secondary school for children from the age of 11 [Dzyubenko, 2011, p. 241].

The notion of ‘secondary school’ in common French is *école secondaire*, *enseignement secondaire*, *cours de l’enseignement secondaire* (second-level schools, from the sixth to the first grades). If a secondary educational institution is considered by the levels of education, the first level in France belongs to *collège* ‘the establishment of the first cycle of secondary education’ (including four grades – the 6th (11–12 years), the 5th (12–13 years), the 4th (13–14 years), and 3rd (14–15 years); three cycles – *cycle d’adaptation* ‘adaptation cycle’ (6th grade), *cycle central* ‘main cycle’ (5th – 4th grades), and

cycle d’orientation ‘orientation cycle’ (3rd grade). In Switzerland, the first level of secondary education is called *école secondaire* or *cycle d’orientation*, which last from three to five years, depending on the canton. In cantons Bern, Jura, Fribourg, Geneva, Valais the first level of secondary lasts three years, in Neuchâtel it is a year longer, in canton Vaud education lasts up to five years.

Prégymnase (progymnase) is the last year of compulsory education in French-speaking Switzerland before the gymnasium (Knecht, Thibault, 2012, p. 543). Secondary school education in Quebec (*cours secondaire*, *école secondaire*) lasts 5 years (from 12 to 16 years) and consists of two cycles: 1) three years of study; 2) two years of study [Landry, 2006, p. 16]. In Quebec, a secondary school (*cours secondaire*, *école secondaire*) means the education period from the first to the sixth grades. In Belgium, there used to be *école moyenne* or *enseignement moyen*, where education was conducted for the first three years of secondary education, now a secondary school (*humanités*) means ‘secondary education with or without Greek or Latin courses’ [Francard et al., 2021, p. 215].

The second level of secondary education in France is called *lycée* (including three grades – 2nd, 1st, and final), in Belgium – *athénée*, in Swiss cantons Bern, Vaud – *gymnase* (3 years of education) in the canton of Valais – *lycée*, *lycée-collège*, in Geneva and Fribourg – *collège*, in the canton of Jura and Neuchâtel – *lycée* and in Quebec – *cours secondaire*, *école secondaire* (that is, the same as the first level). After graduating from secondary school with a BA (Gallicism *baccalauréat*, Helvetism *maturité*), students have the right to enter higher educational institutions.

The subconcepts ‘primary school’ and ‘secondary school’ differ in the countries under consideration. This is due to different educational systems, duration of training periods, local programs, that is, with differences at the denotative level.

The most distinguishing feature in this subgroup is “secondary educational institution”. Each of the listed concept nominations does not characterize the secondary educational institution in its full scope, but provides partial information of the conceptual content. Thus, the concept of “ordinary school” implies the presence of “unusual

school”, that is, “non-traditional school”, which has its own program and forms of education, for example, with a focus on a particular subject.

The third subgroup “Specialized or vocational educational establishment” includes the following Gallicisms, Belgicisms, Helvetisms, and Canadianisms, involving hyperonym *école* with the indication of differentiating features **on the methodology (focus) of training** (ordinary school – *école ordinaire* (French, Belgian), regular school – *école régulière* (Canadianism), non-traditional school – *école innovatrice* (French), alternative school – *école alternative* (Canadianism), private school – *école privée* (French), juvenile correctional facility – *école de réforme* (Canadianism)); **on the vocational training** (special education school – *école spécialisée* (including lyceums and all vocational educational institutions except universities (Canadianism), boarding school, residential school – *école spéciale* (French), educational establishment training lower secondary teachers – *école normale primaire* (French)); **on military training** (basic military training – *école du soldat* (archaic French), four-month military training – *école des recrues* (Helvetism) (common French *recrue* ‘recruit, conscript, draftee’)); on the location (village school – *école de village* (French), rural school – *école de rang* (Canadianism)).

Driving school in France, Belgium, and Switzerland is called *auto-école*, and in Quebec – *école de conduite*. The form of the name is formed by compounding and in Quebec – by word combination. Both lexemes have the same signifier and denotation, which indicates complete inter-variant synonymy.

The fourth subgroup “Higher educational institution” includes the following concepts: university, higher school, pedagogical institute.

‘University’ in common French *université*, in Switzerland *université* also means *alma mater* or *Uni* (student innovation, which is used in the speech of Franco-Swiss people and the headlines of the daily press), and in Belgium – *Université de Bruxelles* ‘University of Brussels’ or *Bloc* [Hanse, Doppagne, Bourgeois-Gielen, 1995, p. 25].

‘Higher school’ in common French *Grandes Ecoles*; in Belgium – *Haute école: écoles supérieures, Ecoles supérieures, Instituts supérieurs*; in Switzerland – *Hautes écoles*

spécialisées, Ecoles supérieures; in Quebec – *Ecoles supérieures*.

‘Pedagogical institute’ in common French *école normale supérieure (ENS)* trains teachers for secondary schools, universities and researchers. Lexemes with this seme have not been noted in other variants of the French language.

The “University” concept is noted in all the territories under consideration, but training systems at universities in France, Belgium, Switzerland, and Quebec differ, which explains certain differences and alternations in the nomination basis. Thus, training at French universities includes various stages and corresponds to the international “bachelor – master – doctorate system”. Universities in Belgium have always fluctuated between the Dutch and French educational systems. Eventually, in the French part of Belgium, training was conducted according to the French system, in the Flemish part – according to the Dutch. Swiss universities are subordinate to both the federal government and the cantons, in this regard, there is no single educational program. There are also no exam sessions at Swiss universities. This is followed by a three-year training course, after which a licentiate degree or diploma is awarded, it corresponds to a Master of Science degree. Quebec applicants intending to enter the university are required to complete a two-year college course after high school (preparation for university admission). There is no such requirement in other provinces of Canada. Higher education here is divided into three cycles [Bégin et al., 2012, pp. 15-32].

All higher educational institutions of the non-university type are called schools, but the differential components of the hypernym *école* vary: *Grandes Ecoles* ‘large schools’, *Hautes écoles* ‘higher-education schools’, *Ecoles nationales* ‘national schools’. There are also differences in their denotative meaning, which confirms the impossibility of referring these educational institutions to complete inter-variant synonyms.

Having considered the fourth subgroup, we note that there are both similarities and differences in the nominations of higher educational institutions in the four variants of the French language. The analysis of the concepts related to higher

educational institutions reveals a fairly broad understanding of the residents of France, Belgium, Switzerland, and Quebec about the educational system as a whole. The most similar are the French and Belgian systems of higher education, the Swiss and Quebec systems have specific features in terms of content and reality itself [Dzyubenko, 2011, p. 243].

The conceptual group “Teaching staff”

The conceptual group “Teaching staff (établissements d’enseignement)” in the territorial variants of the French language in France, Belgium, Switzerland, and Quebec includes concepts characterizing teachers of various educational institutions, teachers or specialists engaged in particular scientific and educational activities. The conceptual group “Teaching staff” consists of three subgroups: a person engaged in the tutorial activity, a person engaged in teaching activity, a person with a scientific degree.

The first subgroup “A person engaged in the tutorial activity” includes subconcepts “kindergarten teacher”, “headteacher for education at school”: ‘kindergarten teacher’, in common French *précepteur*, ‘tutor, mentor’ – a person educating a child at home, *éducateur* – a person engaged in the tutorial activity (in broad sense), *éducatrice de garderie* ‘a teacher in a kindergarten or in an extended day-care group (for primary school children)’; Gallicism *éducateur/trice de jardin d’enfant, instituteur/trice de maternelle*; Belgicism *froebelien/ne*, Helvetism *maîtresse enfantine*; Canadianism *gardien, travailleuse en garderie*.

The internal form of the names of persons engaged in the tutorial activity includes the common archiseme – meaning ‘teacher’ and the differential components in the meanings of the words: *de jardin d’enfant* (fr.), *de maternelle* (fr.), *enfantine* (Helvetism), and *en garderie* (Canadianism). These components indicate the place of work of the tutor (kindergarten) or the age category of the students (children) [Dzyubenko, 2016, p. 84].

“Headteacher for education at school”, in common French *censeur* ‘lyceum supervisor’ – the official responsible for the general discipline of the lyceum; Canadianism 1. archaism *préfet de discipline* ‘headteacher for educational work

at school’; 2. modern pejorative “gendarme” (a person who rigorously enforces the discipline); 3. responsible for educational work (in a youth sports team). In this conceptual subgroup, we cannot talk about a complete intra-variant synonymy, since these concepts reflect in the minds of the French, Belgians, Swiss, and Quebecers different ideas about their content.

The second subgroup “Person engaged in teaching activity” includes teachers of various educational institutions: primary school teacher, secondary school teacher, university teacher.

“Primary school teacher”, in common French *instituteur/trice* – lower secondary school teacher; in France and Switzerland, the lexeme *instituteur* is used with this meaning, and in Switzerland, the lexeme *régent* is also found, but this lexeme is considered obsolete and is used very rarely. In the dictionary of Canadianisms, the expression *enseignant titulaire* was found. The differential components of the meaning of the phrases *professeur d’école* (French), *enseignant d’école primaire* (French), *enseignant au primaire* (Canadianism) indicate the educational institution where the teacher works (*école*) and the level of training (*primaire*).

“Secondary school teacher”, in common French *maître* – a school teacher. In France and Switzerland, the lexeme *professeur, maître* or the feminine form *maîtresse* is used in this meaning – a school teacher (Knecht, Thibault, 2004, p. 452). In Belgium, the lexemes *professeur, régent* is used – a junior secondary school teacher. The official name in Belgium is *agrégé de l’enseignement secondaire du degré inférieur* ‘agregé of primary secondary education’ [Lemaire, 2000, p. 28].

The following names of secondary school teachers are composed of the single term *professeur* ‘teacher’ and differentiating features indicating **place of teaching** (college or lyceum) (college teacher – *professeur de collège* (Fr.), lyceum teacher – *professeur de lycée* (Fr.)) and **teacher status** (the teacher who has the right to teach – *professeur agrégé* (Fr.); *professeur titulaire* (Belgicism); *professeur agrégé* (Belgicism)) [Bal, Doppagne, Goosse, 1994, p. 118].

“University teacher”, in common French *universitaire*; Gallicism *enseignant, professeur* ‘high school or university teacher’, Gallicism,

Helvetism *universitaire* ‘university lecturer’, Canadianism *professeur, académicien, professeur assistant* ‘assistance lecturer (university lecturer without a scientific degree)’.

The internal form of the names of teachers of higher educational institutions indicates: **the educational institution where the person teaches** (university lecturer – *universitaire, professeur d’université* (Fr.), *académicien* (Canadianism), college teacher – *enseignant au collégial* (Canadianism) (college in Quebec, as we have already said, is the first step to higher education); **faculty** (professor of Law, Economics, and Medicine – *professeur agrégé* (Fr.)); **teacher status** (assistance lecturer – *assistant* (Fr.), *professeur assistant* (Helvetism, Canadianism), emeritus professor – *professeur émérite* (Fr., Canadianism, Belgicism), the highest-ranking university lecturer – *professeur ordinaire* (Belgicism, Helvetism); *maître d’assistant* (Belgicism), **teacher for the probationary period** – *professeur adjoint* (Canadianism)); **the discipline taught by the teacher** (lecturer, seminar leader – *maître de conférence* (Fr.), teacher of practical lessons – *maître de formation pratique* (Belgicism)); **employment status** (full-time teacher – *professeur titulaire* (Fr.), *professeur agrégé* (Canadianism), part-time university lecturer who has some other regular workplace (in Brussels – a teacher waiting for this status) – *professeur extraordinaire* (Belgicism) [Dzyubenko, 2011, p. 242].

The third subgroup is “A person with an academic degree”. It may be: 1) ‘a person with an academic degree’; common French *licencié* – licentiate, Candidate of Sciences (gained an academic degree). In Belgium and France, the lexeme *licencié* is used – a person who has gained a university license; in Switzerland, the lexeme *gradué* is used with this meaning; 2) ‘external doctoral candidate’; common French *chercheur de doctorat*; Belgicism *doctorant (doctorand)*.

All these words are united by the hypernym concept ‘teacher’ – a person engaged in teaching or educational work. Kindergarten teachers in the considered countries perform approximately the same function: they care for and look after children, organize games and holidays, teach self-service skills, rules of behaviour and safety. But the methods of working with children and the organization of preschool education itself differ

from each other, which mean that the “kindergarten teacher” concept is perceived differently in France, Belgium, Switzerland, and Quebec. Persons engaged in teaching and/or gained an academic degree cannot be considered full inter-variant synonyms.

The conceptual group “Students”

The conceptual group “Students” (*étudiants*) in the territorial variants of the French language in France, Belgium, Switzerland, and Quebec includes three conceptual subgroups: students of a secondary educational institution, students of a higher educational institution, students who do not follow certain rules in an educational institution.

In the first subgroup, three concepts were noted in the territorial variants under study: 1) ‘pupil, student’, in common French *élève* ‘person receiving education at school’; Canadianism *étudiant* (the English calque *student*), Helvetism *gymnasien* ‘a student of a Swiss gymnasium, i.e. a secondary school’; 2) ‘college student’; several lexemes with this meaning were noted in the Canadian variant *cégépien, collégien, étudiant de CEGEP (Collège d’enseignement général et professionnel)* and one lexeme in the French language of France *collegian*; however, the denotations of these lexemes do not coincide, since the college in France is the lower grades in secondary school, while in Canada, after graduating from college, students receive secondary education and it is considered as the initial stage of higher education (Klokov, 2000, p. 145); 3) ‘pupil who has graduated from a secondary school’, in common French *bachelier* ‘a student who has passed the baccalaureate exam’, Helvetism *maturant* ‘a student who has graduated from a Swiss gymnasium’. After completing secondary school, students receive a certificate of secondary education in France – *C. F. E. S. (Certificate de fin d’études secondaires)*, in Switzerland – *Certificate de maturité*, which gives the right to enter a university or a higher educational institution.

To the second subgroup, “Students of higher educational institutions”, we have assigned six additional elements of the main meaning:

1) ‘student’; in France and Belgium *étudiant*, Switzerland *universitaire*, and Quebec, *étudiant universitaire, cleric, uquamien* (from

the abbreviation *U.Q.A.M.* (*Université Québécois à Montréal*), a student is a person receiving education at school, university, or any other higher educational institution; in Quebec, a student also means a college student (two-year preparation for entering a university);

2) ‘student-assistant’; this concept was noted in Canada – a teaching assistant at the university in practical classes *auxiliaire d’enseignement* and a teaching assistant in scientific research *auxiliaire de recherche*. In other territorial variants of the French language, this concept was not noted;

3) ‘medical student’; *étudiant de médecine* – in France, *clerc-docteur* – in Canada;

4) ‘student of Germanic Philology’; the lexeme *germaniste* in this meaning was noted in the French and Swiss dictionaries;

5) ‘student of pedagogical institute’; in France – *normalien*, in Belgium – *normaliste*;

6) ‘certified student’; common French *diplômé*; Helvetism *académicien* (from German *academiker*); Canadianism *détenteur d’un diplôme* ‘holder of a diploma’ or *gradué* ‘certified specialist, holder of a diploma’.

The third subgroup “Students who do not follow certain rules” in an educational institution/consists of the following concepts:

1) ‘student who has to repeat the grade level of study, a repeater’; this concept is noted in all four variants of the French language: Gallicism *doubleur, redoublant*; Belgicism *bisseur, doublant, doubleur*; Canadianism *redoubleur*; Helvetism *doublard* (Geneva), *doubleur* (Geneva, Neuchâtel, Bern, Jura), *redoublard, redoubleur* (Valais), *doublon* (Vaud);

2) ‘student who regularly misses classes; truant’: *absenteeiste* – in France, *brosseur* – in Belgium;

3) ‘difficult student’: Gallicism *élève difficile*, Canadianism *élève exceptionnel*.

The “student” category as a concept demonstrates differentiating features when the words provide information about various types of activity within certain periods (“a student of a certain educational institution”, “a student with a certain level of education”) or quality of study (“a student experiencing difficulties with the study”). Thus, nominations vary in the age of students, the form and method of their education

in a particular educational institution. More than that, it is observed that one language unit may belong to different subconcepts, for example, in the French language of France, Belgium and Switzerland, a person is called a student only if studying at a higher educational institution, whereas in Quebec a student is thought to be a person enrolled at any educational institution type, which indicates an inter-lingual alternation among the territorial variant of French.

Conclusions

An onomasiological analysis of the subconcepts “Educational institutions (établissements d’enseignement)”, “Teaching staff (personnel enseignant)”, “Students (étudiants)” related to conceptual field “Education” has revealed certain discrepancy between generic and specific instances of education perception by the French, Belgians, Swiss, and Quebecers, which is represented in the sets of words that nominate them. The research results points to the fact that between territorial variants of the French language there exists some general categorical frame that demonstrates hieratical structures with predominantly hypernym-and-hyponym relations. It is stated that every subconcept under study has a set of generic and basic hypernyms that are specified in hyponyms and verify in a number of categorical features (indicating functions, location of training or teaching, specialty, disciplines studied or taught, age, status of the teacher or student, level and methodology of training). However, conceptual realizations in words shows not-full identity in the four variants of French under study, that is reflected in alterations on, the principles of nomination by function, location, level of training, study results, professional specialisation, teaching method, status. In the course of the onomasiological analysis it was identified, that the nomination by function may differ in relation to the designated object due to social and institutional differences in the system of education in France, Belgium and Switzerland, and Canadian Quebec. Thus, in the sector “Educational institution” there is a general hypernyms *école*, which demonstrates conceptual specificity while being used to classify types of preschool institutions in France (*école maternelle*), in Belgium (*école Froebel*), in Switzerland (*école enfantine*), but in French-

speaking Switzerland they are kindergartens with a various training levels, and it is reflected in the nomination; in the Province of Quebec (Canada), preschool education is marked with *écoles gardiennes, éducation préscolaire*.

The alternative basis for nominations in the field of education is reflected in the subconcepts “Teachers” and “Students”. A general principle of teaching staff nomination was noted in all four variants of the French language (from the name of the profession – *gendarme, précepteur, éducateur, éducatrice de garderie, éducateur/trice de jardin d’enfant, instituteur/trice de maternelle; froebélien/ne, maîtresse enfantine; gardien, travailleuse en garderie*. Much more variations were found in nominations of the student types, from common French *élève* to *étudiant, gymnasien, cégépien, collégien, étudiant de CEGEP (Collège d’enseignement général et professionnel)*, to *universitaire, étudiant universitaire, clerc, uquamien* (from the abbreviation *U.Q.A.M., Université Québécois à Montréal*), *auxiliaire d’enseignement, auxiliaire de recherche, étudiant de médecine, clerc-docteur, germaniste, normalien/normaliste*, etc.

Finally, it should be stated that the issue of inter-conceptual variations and alternations in the process of nomination concerning human languages with a number of territorial dialects deserves further investigation.

REFERENCES

- Arzhanovskaya A.V., 2015. Yazykovye edinitsy so znacheniem protyazhennosti kak sredstva vyrazheniya rastyazhimykh ponyatiy prostranstva v russkoy i angliyskoy lingvokulturakh [Lexical Units With the Semantics of Duration as Means of Expressing Space Durable Notions in Russian and English Linguocultures]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (25), pp. 117-124. DOI: <https://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.13>
- Bal W., Doppagne A., Goosse A., 1994. *Belgicisms. Inventaire des particularités lexicales du français en Belgique*. Gembloux, Nouvelle Imprimerie Duclot. 143 p.
- Bégin C., Michaut C., Romainville M., Stassen J.-F., 2012. *Structure et organisation de l’enseignement supérieur: Belgique, France, Québec et Suisse. Réussite, échec et abandon dans l’enseignement supérieur*. Louvain-la-Neuve, Belgique, De boeck supérieur, pp. 15-32.
- Borodina M.A., Gak V.G., 1979. *K tipologii i metodike istoriko-semanticheskikh issledovaniy* [On the Typology and Methods of Historical and Semantic Research]. Leningrad, Nauka Publ. 232 p.
- Dzyubenko Yu.S., 2011. Variativnost leksiko-semanticheskikh poley v territorial’nykh variantakh frantsuzskogo yazyka [Variability of Lexico-Semantic Fields in Territorial Variants of the French Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. Volgograd, Volgograd University Press, no. 1, pp. 240-244.
- Dzyubenko Yu.S., 2016. Leksiko-semanticheskaya variativnost naimenovaniy srednikh uchebnykh zavedeniy (nachalnaya shkola) vo frantsuzskom yazyke Frantsii, Belgii, Shveysarii i Kvebeka [Lexico-Semantic Variability of the Names of Secondary Educational Institutions (Primary School) In the French Language of France, Belgium, Switzerland and Quebec]. *Kommunikativnye aspekty sovremennoy lingvistiki i lingvodidaktiki* [Communicative Aspects of Modern Linguistics and Linguodidactics]. Volgograd, Volgograd University Press, pp. 81-86.
- Dzyubenko Yu.S., Eltanskaya E.A., 2022. Sravnitelnyy analiz diminutivov vo francuzskom i ispanskom yazykakh [Comparative Analysis of Diminutives in French and Spanish]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], no. 2 (93), pp. 447-449. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-293-447-449
- Hanse J., Doppagne A., Bourgeois-Gielen H., 1995. *Nouvelle chasse aux belgicisms*. Bruxelles, Académie française. 145 p.
- Ivanova T.K., 2015. Onomasiologicheskie printsipy klassifikatsii slozhnykh sushchestvitelnykh so znacheniem litsa [Onomasiological Principles of Classification of Complex Nouns With the Meaning of a Person]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 1, pt. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17227>
- Kubryakova E.S., 2020. *Nominativnyy aspekt rechevoy deyatel’nosti* [Nominative Aspects of Speech Activities]. Moscow, URSS Publ. 158 p.
- Kopach O.I., 2006. K voprosu o metodike kognitivno-onomasiologicheskogo issledovaniya toponimov

- [On the Issue of the Methodology of Cognitive-Onomasiological Research of Toponyms]. *Aktualnye voprosy slavyanskoy onomastiki* [Topical Issues of Slavic Onomastics]. Gomel, GGU im. F. Skoriny, pp. 120-129.
- Landry F., 2006. *Structure de l'enseignement: Suisse romande et Tessin: Belgique, France, Luxembourg et Québec: année scolaire 2006–2007*. Neuchâtel, IRDP. 16 p.
- Lemaire J., 2000. L'archaïsme, trait lexical du parler français de Belgique. Archaïsmes littéraires et archaïsmes verticaux. *France – Belgique: des frères-ennemis de la langue de chez nous?* Québec, CIRAL, pp. 25-35.
- Serebrennikov B.A., 1977. *Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovaniy* [Linguistic Nomination. Types of Naming]. Moscow, Nauka Publ. 358 p.
- Shamne N.L., Rebrina L.N., 2007. Osobennosti reprezentatsii osnovnykh processov pamyati v leksiko-semanticheskoy sisteme nemeckogo yazyka [Representation Features of the Main Memory Processes in the Lexico-Semantic System of the German Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], iss. 6, pp. 69-78.
- Stepanov Yu.S., 1977. Nominatsiya, semantika, semiologiya (vidy semanticheskikh opredeleniy v sovremennoy leksikologii) [Nomination, Semantics, Semiology (Types of Semantic Definitions in Modern Lexicology)]. *Yazykovaya nominatsiya. Obshchie voprosy* [Language Nomination (General Questions)]. Moscow, Nauka Publ., pp. 294-358.

DICTIONARIES

- Francard M., Geron G., Wilmet R., Wirth A. *Dictionnaire des belgicisms*. Louvain-la-Neuve, Belgique, De boeck supérieur, 2021. 464 p.
- Klokov V.T. *Slovar' frantsuzskogo yazyka za predelami Frantsii* [Dictionary of French Outside France]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. 493 p.
- Klokov V.T. *Slovar' frantsuzskogo yazyka v Kanade: Kvebek i Akadiya* [Dictionary of the Canadian French: Quebec and Acadie]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2004. 521 p.
- Knecht P., Thibault A. *Dictionnaire suisse romand: Particularités lexicales du français contemporain (DSR)*. Genève, Zoe, 2004. 886 p.
- Knecht P., Thibault A. *Dictionnaire suisse romand: Particularités du français contemporain*. Genève, Zoe, 2012. 896 p.
- Le petit Larousse illustré 2022: Dictionnaire encyclopédique*. Paris, Larousse, 2021. 2048 p.
- Rey A. *Le Robert micro: dictionnaire de la langue française*. Paris, Dictionnaires Le Robert, 2006. 1536 p.

Information About the Authors

Nikolay L. Shamne, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Yuliya S. Dzyubenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Language Communication and Language Education, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, dz_julie@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1442-8660>

Anastasia V. Arzhanovskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Language Communication and Language Education, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, arjanovskaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6606-3248>

Elena A. Eltanskaya, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Foreign Language Communication and Language Education, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, yeltanskaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-1083>

Информация об авторах

Николай Леонидович Шамне, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Юлия Сергеевна Дзюбенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, dz_julie@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1442-8660>

Анастасия Валерьевна Аржановская, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, arjanovskaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6606-3248>

Елена Александровна Елтанская, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, yeltanskaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-1083>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.9>

UDC 811.111'42:001.4
LBC 81.432.1-51

Submitted: 28.02.2022
Accepted: 20.06.2022

**DIACHRONIC AND DIALECT VARIATION
OF ENGLISH INTENSIFYING ADVERBS
IN THE FILM DIALOGUE DISCOURSE: CORPUS-BASED STUDY**

Larisa A. Kochetova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena Yu. Ilyinova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article presents a corpus-based study of the diachronic and dialect variations of adverbial intensifiers used as the expression of emotionality that is a key defining feature of interpersonal conversation in the British and American film discourse. Based on the corpora of scripts of British and American feature films released in the 1930–1950s and 1990–2010s, data on the frequency of adverbial intensifiers in the sub-corpora of the English regional varieties of the two periods were obtained and their comparative analysis was carried out to establish the regional specifics and historical dynamics of their use; the collocation profiles of adverbial intensifiers that form syntagmatic units in the dialogic speech of British and American film discourse for each of the studied periods were described; semantic classes and stylistic characteristics of adjectives that form the most frequent collocations with the intensifiers were identified; the pragmalinguistic potential of the intensifiers and adjectives to indicate informality and emotionality in the dialogues of the English film discourse was determined. The diachronic analysis revealed a decline in the occurrences of the standard register intensifiers (*terribly, awfully, perfectly, extremely, etc.*) with adjectives carrying the semantics of general evaluation, opinion, judgment, and emotionality in both corpora of modern English film discourse. In the 1990–2010s period, the process of renewal is observed in the UK and US film discourse when formerly frequent intensifiers are seen to be replaced by informal adverbs with a maximal degree of emotionality in speakers' attitudes to situations, objects of the surrounding world and the interlocutor, which reflects a trend in preference towards the colloquial and substandard stylistic register. The growth of substandard vocabulary indicates that this trend is in line with the expectations of the English-speaking discursive communities that perceive film discourse as a reflection of authentic face-to-face discursive practices.

Key words: corpus, corpus linguistics, film dialogue discourse, intensifier, English adverbs, syntagmatic unity.

Citation. Kochetova L.A., Ilyinova E. Yu. Diachronic and Dialect Variation of English Intensifying Adverbs in the Film Dialogue Discourse: Corpus-Based Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 95-107. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.9>

© Kochetova L.A., Ilyinova E. Yu., 2022

УДК 811.111'42:001.4
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 28.02.2022
Дата принятия статьи: 20.06.2022

**ДИАХРОНИЧЕСКАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
АНГЛИЙСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ
В ДИАЛОГИЧЕСКОМ КИНОДИСКУРСЕ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Лариса Анатольевна Кочетова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Юрьевна Ильинова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты корпусного изучения диахронической и региональной вариативности употребления наречных интенсификаторов как средств репрезентации эмоциональности, которая составляет отличительную черту межличностного общения в англоязычном кинодискурсе. На основе анализа британских и американских художественных фильмов (The Movie Corpus), относящихся к 1930–1950-м и 1990–2010-м гг., получены данные о частотности употребления наречных интенсификаторов в подкорпусах региональных вариантов английского языка двух периодов, проведен сопоставительный анализ и выявлены региональная специфика и историческая динамика их употребления, описан коллокационный профиль наречных интенсификаторов, образующих синтагматические единства в диалогической речи британского и американского кинодискурсов для каждого из исследуемых периодов, выявлены семантические классы и стилистические характеристики прилагательных, образующих наиболее частотные коллокации с интенсификаторами, определен прагмалингвистический потенциал сочетаемости интенсификаторов и прилагательных для репрезентации неформальности и эмоциональности в диалогах англоязычного кинодискурса. Установлено, что в диалогическом общении англоязычного кинодискурса в диахроническом аспекте реализуется тенденция к снижению числа употреблений нормативных наречий-интенсификаторов (*terribly, awfully, perfectly, extremely*) с семантикой эмоционального преувеличения признака, выражаемого прилагательным. Одновременно в период 1990–2010-х гг. в сравниваемых региональных вариантах английского языка происходит обновление интенсификаторов: на смену нормативным приходят неформальные наречия с высокой степенью эмотивности, выражающие личностное отношение говорящего к ситуациям, объектам окружающего мира и собеседнику, что подтверждает существование тенденции к снижению стилистового регистра диалогической речи современного англоязычного кинодискурса. Использование субстандартной лексики указывает на то, что данная тенденция соответствует ожиданиям англоязычного дискурсивного сообщества, воспринимающего кинодискурс как отражение реальных дискурсивных практик.

Ключевые слова: корпус, корпусная лингвистика, диалог в кинодискурсе, интенсификатор, английское наречие, синтагматическое единство.

Цитирование. Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю. Диахроническая и региональная вариативность английских интенсификаторов в диалогическом кинодискурсе: корпусное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 95–107. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.9>

Introduction

The film and television dialogue as uttered or performed by characters or actors has been an object of numerous studies. With the focus either on a particular TV series [Bednarek, 2010; 2011; Quaglio, 2009; Richardson, 2010; Tagliamonte, 2008; Tagliamonte, Roberts, 2005; Toolan, 2011] or on TV dialogue in general [Bednarek, 2012], linguists analyse the nature of the film dialogue seeking to answer the core question once posed by Douglas Biber in response to the statement about the naturalness of television conversation to the normal viewer. D. Biber asks if this is natural because we have come to expect a particular style of interaction on TV, or because those interactions accurately capture the actual linguistic characteristics of everyday conversation [Biber, 2009]. To achieve this goal, linguists compare contemporary film and television dialogue with natural conversation to bring out similarities and differences. The studies conducted by P. Quaglio [2008; 2009] have shown how TV dialogue tends to capture and reproduce the linguistic characteristics of authentic face-to-face

conversations. He concludes that, on the whole, most of the linguistic features of naturally occurring conversation are shared by the sit-com corpus, thus making scripted speech a valuable substitute for spontaneous spoken data in foreign language classrooms [Quaglio, 2009, p. 149].

Several linguists study TV dialogue to explore the relationship between TV series and society. For example, J. Rey employed a diachronic perspective and sought to state the differences between male and female dialogue in various *Star Trek* series over a period of 27 years in order to explore the evolving nature of gender roles. The outcome of the study is that female language has become more informational and male language is more involved (meaning more informal, interactive and attitudinal), which suggests that “traditional differences between female and male language on *Star Trek* appear to be breaking down” [Rey, 2001, p. 155]. Drawing on the notion of “double articulation”, which means an interaction between the TV characters, on the one hand, and an interaction between the characters and the audience, on the other, linguists seek to explore the relationship between TV dialogue and its audience,

arguing that specific characteristics of episodic dialogue such as the large amount of emotional language aim at the entertainment on the part of audiences [Quaglio, 2009; Bednarek, 2011; 2012; Freddie, 2011].

Linguistic studies that examine the dialogue of particular genres (as represented by a range of TV series) are scarce. D. McIntyre investigates the language of what he calls the “genre” of movie blockbusters, examining the dialogue of thirteen screenplays, and identifying prototypical characteristics of such dialogue [McIntyre, 2012]. Similarly, Forchini’s computer analysis of movie language includes a comparison of the language of comedies with that of non-comedies. In other words, a linguistic analysis aims to tackle questions of specific genre features visible in the dialogue and/or other aspects of language use (as performed or in scripts) [Forchini, 2012]. There are studies that focus on specific language constructions plunged into film dialogues, for instance, *like, as if, as though, as when, as of* that are used to create imagery [Sternberg, 1997].

A useful approach to the exploration of language units employed in discourse is, undoubtedly, a corpus-based analysis, which allows us to obtain evidence on linguistic units that are indicative of social and cultural peculiarities in construing personal relationships and expressing emotionality by film characters. To explore a relationship between film discourse and society and track dynamics in linguistic means of expressing emotionality as a key-defining feature of film discourse [Bednarek, 2012], we explored a class of English intensifiers – a group of adverbial lexemes that perform exclusively the function of strengthening the meaning of other expressions, in our case a nuclear (head) adjective, as they are employed in film speech interactions.

In modern theory of linguistics, *intensification* is regarded as a distinct functional category that expresses a degree of a property, scaling a quality downwards or upwards. As linguists point out, it conjoins meanings of quality and quantity in a pair with the possibility of their generalized measurement [Rodionova, 2005]. It should be noted that intensification of a property differs from scaling a property that ensures a general idea of quality or quantity measurement in a certain set of language units [Kolesnikova, 2016; Kosova, 2013]. As adverbs, intensifiers are typically used

to modify words that describe qualitative and quantitative characteristics of properties, states or processes, and they are semantically attracted to a certain adjective or adverb with a full lexical meaning, so that intensifying units are incorporated into speech segments to transfer a subjective-and-evaluative opinion of the speaker [Arutyunova, 1988; Ermakova, 2005; Volf, 2002; etc.], they express personal motivation in the conversation.

The normative, functional and pragmatic aspects of intensification with its language markers have been intensively studied in the Russian language and discourse – ranging from its phonology and intonation to syntactic realizations [Rodionova, 2004; 2005; Ermakova, 2005; Furs, Nazarova, 2008; Kustova, 2005], to detailed studies on derivational innovations by intensification and deintensification [Raytseva, 2012; Sheptukhina, Meshkova, 2011]. The latest findings on the use of emotional evaluative intensifiers in the Russian-language mass discourse are presented in the publication by E. Koryakovtseva, L. Ratsiburskaya, M. Sandakova [2021]. The lexical intensifiers in English are claimed to be constructed of expended quality evaluation semes (both that are restricted to the expression of moderately high intensity), which would correspond to what Quirk et al. [1985] name *boosters*, such as *very, most, all, quite, so, too, etc.*, and *maximizers* that express maximal degree of intensity and emotive charge, such as *absolutely, extremely, incredibly, utterly, perfectly, terribly, awfully, deadly, desperately, acutely, supremely, etc.* Other groups of intensifiers include *emphasizers* that indicate a high degree of the modified proposition, such as *really* [Downing, 2015].

Even though the issue of intensification in the English language has been under description in [Bolinger, 2013; Downing, 2015; Bezrukova, 2003; Ivanova, Burlakova, Pocheptzov, 1981; Kraeva, 2017; 2021; Lebedeva, Pavlova, 2017; Quirk et al., 1985; Tagliamonte, 2008; Tagliamonte, Roberts, 2005; Turanskiy, 1990]), the historical dynamics in the use of English intensifiers and the patterns of their syntagmatic co-occurrence with adjectives in face-to-face dialogues in English film discourse have not become an object of detailed investigation so far. Notable evidence of change was discovered by S. Tagliamonte as a synchronic quantitative study of the intensifier system in the English of Toronto was carried out [Tagliamonte, 2008]; in

particular, the adverb *very* is quickly losing ground, whereas the adverbs *really*, *so*, *pretty* demonstrate a dramatic rise in frequency.

Our review of the previous studies points to dispersive expansion of pragmatic potential of discursive language units expressed in the changes in their numbers and the way they are employed in modern discursive practices. This trend suggests changes in the social norms of interpersonal communication in English, that is, a shift to an explicit expression of emotionality, in particular, its verbal evaluation acts. It breaks down the normative conventions of culturally conditioned English politeness, mood restraining, self-regulation, and keeping-distance typical of the British pattern of communication [Fox, 2005; Larina, Leontovich, 2015]. The pragmatic and semantic potential of adverbial intensifiers when they are syntagmatically incorporated into word groups in film discourse is in the focus of linguistic research in this paper. The historical and dialectal dynamics of adverbial intensifiers in film discourse that are widely used to express emotionality and judgment have not been fully analysed by corpus-based and functional-pragmatic analysis. This article aims to bridge this gap and reveal the process of renewal in means of intensification in the English language film discourse.

Material and method

This study is based on the 200-million-word Movie Corpus (part of the corpora from English-Corpora.org)¹, which is the largest available corpora of informal English. By way of comparison, it is (respectively) twenty times as large and thirty two times as large as 10 million words in the “conversation” portion of the British National Corpus (BNC), even incorporating the 2014 BNC update. The Movie Corpus includes film scripts from a variety of English-speaking countries and allows us to compile sub-corpora to explore variation over time and variation

between dialects (American and British English in particular).

Diachronic analysis is intrinsically comparative, in fact “a prerequisite for diachrony is that at least two different time points are compared” [Jucker, Taavisainen, 2014, p. 5]. To investigate diachronic and dialect variation that reflects intersection between vivid discourse and social behavior trends, we have created four “virtual corpora” within the Movie Corpus that are distinct in two parameters, namely a time span and dialect. For this temporal comparison study, we chose two distinct periods instead of tracking language units over continuous data, which requires the identification of the turning-points, but these tend to emerge bottom-up from the analysis or, at least, from testing hypothesis on the data, which is beyond the scope of our study. The compiled corpora also allow us to investigate into dialect variation in the use of the intensifiers modifying adjectives by comparing evidence across the US and UK movie corpora belonging to the two periods.

The resulting corpus includes four sub-corpora, that is ‘US Movie Corpus 1930–1950s’, ‘US Movie Corpus 1990–2010s’, ‘UK Movie Corpus 1930–1950s’, ‘UK Movie Corpus 1990–2010s’. The structure of the corpus is presented in Table 1.

In this study we employ statistical analysis of discourse defined by J. Blommaert as “all forms of meaningful semiotic human activity seen in connection with social, cultural, and historical patterns and developments of use” [Blommaert, 2005, p. 3]. Discussing the role of statistics in discourse analysis V. Brezina points out that statistics presupposes collecting empirical data and evaluating the evidence, which is quantified to allow precise evaluation and comparison [Brezina, 2018, p. 260]. Corpus methodology also gives an opportunity to see what words occur near other words and categorise them to identify, for instance, broad attitude (positive vs. negative), particular relationships between the characters, gender

Table 1. The structure of the film language corpora

Corpus	Size	Number of texts
‘US Movie Corpus 1930–1950s’	668,916	149
‘US Movie Corpus 1990–2010s’	33,210,041	4103
‘UK Movie Corpus 1930–1950s’	1,692,193	181
‘UK Movie Corpus 1990–2010s’	13,684,701	1846
<i>Total</i>	49,255,851	6279

construction etc. Categorising examples is one of the basic analytical strategies in discourse analysis [Brezina, 2018, p. 268]. Categories are typically fuzzy and open to interpretation, and need to be specified under construct definition and conceptualized [Lakoff, 1987].

To answer the research questions in this paper, we used the four corpora of the film language (a) to retrieve frequencies for intensifying adverbs in the UK and US film scripts with the timespans of 1930–1950s and 1990–2010s, (b) to establish semantic classes and stylistic register of adjectives they modify, and (c) to identify dialect and diachronic variation in the use of intensifiers and, if possible, variation in the semantic classes of adjectives.

Results and discussion

In this section, the intensifiers and respective adjectives employed in the film scripts are descriptively analyzed in synchronic and diachronic perspectives to identify dialect and diachronic variation. Corpus approaches provide tools that allow us to go beyond partial examination of particular excerpts and obtain reliable evidence of the typical patterns across large bodies of texts. In the present study, despite a wide variety of intensifying devices in English, we deal with a restricted number of intensifiers, i.e. those that are most frequently used in contemporary American and British English. Table 2 presents the frequencies for the intensifiers under scrutiny across the four corpora that are temporally compared to track their development over time.

Visual representation of the data can be demonstrated by using error bars plots that show an interval within which the mean value for the group is likely to appear in 95 per cent of the samples taken from the same population. In Figures 1 and 2 an overlap on the error bar plot indicates that there is no statistically significant difference in the use of the intensifiers between the diachronic corpora. However, temporal comparison of individual intensifiers reveals that in both dialects the standard intensifying adverbs, such as *awfully*, *terribly*, *rather*, *absolutely*, *really*, and *extremely*, tend to be used less frequently as their expressivity wanes over time. These language units have been replaced by highly informal or colloquial adverbs, such as *totally*, *bloody*, *fucking* in the British Movie Corpus or *totally*, *fucking* in the US Movie Corpus. The adverb *totally* was hardly ever used in the 1930–1950s, and has emerged as a replacement for standard intensifiers (i.e. *absolutely*). The occurrences of informal intensifiers have increased manifold, as the evidence shows (*bloody* – freq. 23.04 and 89.44 (The UK Movie Corpus); *fucking* – freq. 13.45 and 497.4 (The US Movie Corpus), respectively).

Dialect comparison of the intensifiers in the ‘UK Movie Corpus 1990–2010s’ against the US Corpus reveals lexical units with statistically meaningful difference in frequencies, such as *perfectly* (freq. 36.9 vs 18.87); *terribly* (freq. 24.69 vs 9.69); *awfully* (freq. 15.49 vs 8.46), whereas as compared to the UK Corpus, the US Corpus top intensifiers are *really*, *totally* and *very* (freq. –120.95 vs 79.87; freq. 93.64 vs 51.06, and freq. –480.15 vs 76.50, respectively).

Table 2. The frequency of the intensifiers in ‘UK Movie Corpus 1930–1950s’ and ‘US Movie Corpus 1990–2010s’

‘UK Movie Corpus 1930–1950s’			‘US Movie Corpus 1930–1950s’		‘UK Movie Corpus 1990–2010s’			‘US Movie Corpus 1990–2010s’	
Adverb	Freq.	NF	Freq.	NF	Adverb	Freq.	NF	Freq.	NF
<i>bloody</i>	39	23.04	6	8.96	<i>bloody</i>	1224	89.44	126	3.79
<i>awfully</i>	189	111.68	109	162.95	<i>awfully</i>	212	15.49	281	8.46
<i>terribly</i>	234	138.28	45	67.27	<i>terribly</i>	338	24.69	322	9.69
<i>rather</i>	433	255.81	153	228.72	<i>rather</i>	1349	98.57	2410	72.56
<i>very</i>	2049	1210.8	604	902.95	<i>very</i>	10473	76.50	15946	480.15
<i>pretty</i>	253	149.51	223	333.37	<i>pretty</i>	1738	127.00	7686	231.43
<i>fucking</i>	0	0.00	9	13.45	<i>fucking</i>	3856	281.77	6202	497.4
<i>perfectly</i>	169	99.87	88	131.55	<i>perfectly</i>	505	36.90	627	18.87
<i>absolutely</i>	143	84.50	39	58.30	<i>absolutely</i>	481	35.14	737	22.19
<i>totally</i>	0	0.00	0	0.00	<i>totally</i>	1476	51.06	14355	93.64
<i>really</i>	169	99.87	151	225.73	<i>really</i>	1093	79.87	4017	120.95
<i>extremely</i>	84	49.63	13	19.43	<i>extremely</i>	253	25.22	443	16.71

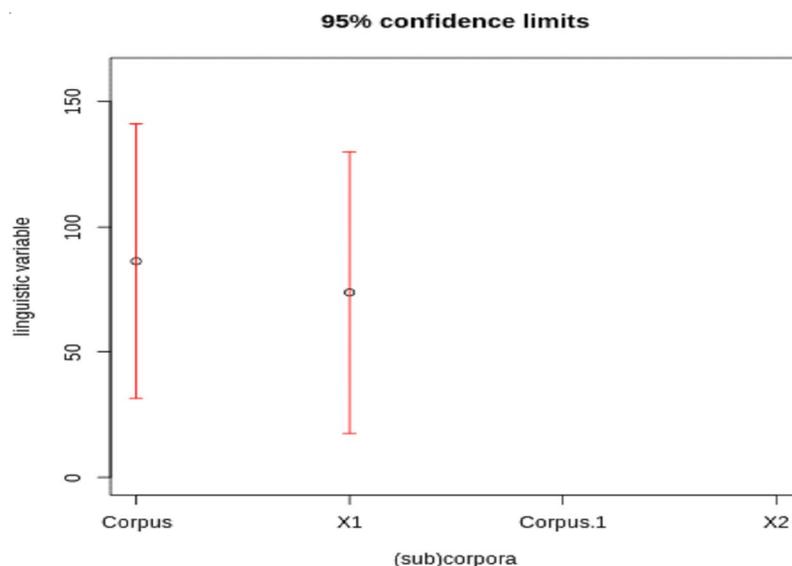

Fig. 1. Temporal comparison of the intensifiers in the UK Corpus

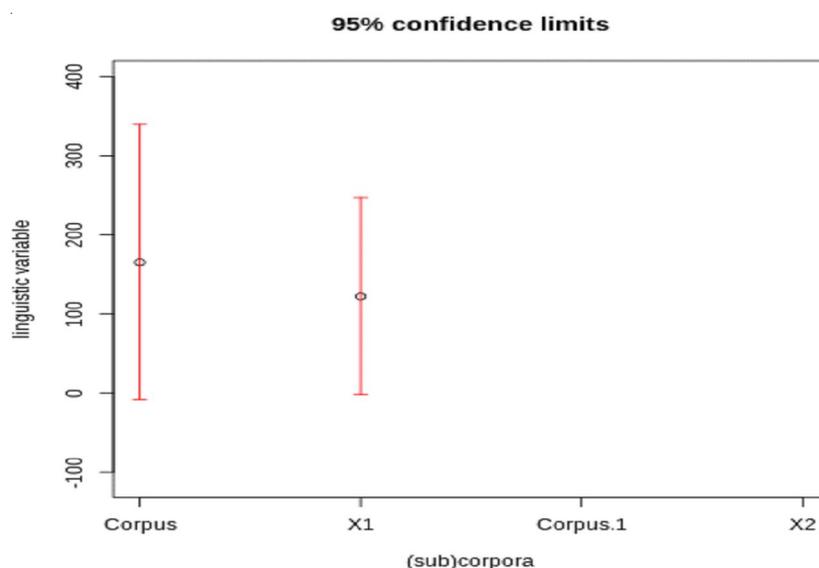

Fig. 2. Temporal comparison of the intensifiers in the US Movie Corpus

To answer the second research question about the semantic classes of adjectives that collocate with intensifiers, we have to categorise examples, which is one of the basic analytical strategies in discourse analysis. We have extracted collocations, which are habitual co-occurrences of words identified statistically using the tools of the Movie Corpus.

Tables 3 and 4 present intensifying adverbs with collocates that are adjectives extracted from the corpora under study. In brackets, we indicated collocation frequency, the tables include collocates with minimum three occurrences in the corpus under study.

The comparative diachronic analysis of adjectives across the US corpora shows that they

have become much more varied over time. The corpus of US movies dating 1930–1950s displays a rather limited number of lexical items that form collocations with the intensifying adverbs under study. The intensifiers *awfully*, *perfectly*, *pretty*, *really*, *absolutely* occur with a few adjectives expressing feelings and judgment (*awfully nice*; *awfully / terribly sorry*; *awfully glad*; *awfully / rather silly*; *awfully sweet*; *perfectly happy*). However, in the US corpus of the 1990–2010s, the intensifiers occur in a wider variety of contexts, and attract adjectives of the following semantic classes: general judgment and opinion, adjectives expressing feelings, psychological and emotional states.

Table 3. The intensifying adverbs with collocates in 'US Movie Corpus 1930–1950s' and 'US Movie Corpus 1990–2010s'

'US Movie Corpus 1930–1950s'		'US Movie Corpus 1990–2010s'	
Adverb	Collocates	Adverb	Collocates
<i>fuckin</i>	–	<i>fuckin</i>	stupid (61), dumb (14), brilliant (7)
<i>fuckin</i>	–	<i>fuckin</i>	crazy (491), stupid (429), great (242), good (214), awesome (130), weird (99), cool (83), bad (78), insane (69), sorry (60), amazing (44), disgusting (44), ridiculous (43), perfect (35), brilliant (30), terrible (30), fine (29), fantastic (27), sweet (27), lame (25), mad (25), miserable (24), hilarious (23), horrible (23), pissed (22), deaf (23), filthy (19), freak (17), annoying (16), depressing (12)
<i>awfully</i>	nice (13), sorry (13), glad (5), silly (3), sweet (3)	<i>awfully</i>	nice (14), sorry (14), big (13), lonely (5), pretty (4), glad (4)
<i>terribly</i>	sorry (8)	<i>terribly</i>	sorry (87), wrong (15), disappointed (6), important (4), exciting (3), interesting (3)
<i>extremely</i>	–	<i>extremely</i>	dangerous (43), rare (22), difficult (19), important (13), intelligent (11), valuable (9), disappointed (7), interesting (6), rude (5), proud (5), aggressive (4), attractive (4), excited (4), stupid (4), disturbing (3), unhappy (3), lucky (3)
<i>incredibly</i>	–	<i>incredibly</i>	beautiful (9), difficult (8), handsome (7), sexy (6), immature (5), powerful (5), romantic (5), smart (5), stupid (4), grateful (4), selfish (4), rare (4), attractive (4), sensitive (4), brave (4), cheap (4), dangerous (4), proud (4), lucky (4), happy (4), annoying (4), awkward (3), odd (3), gorgeous (3), exciting (3), unbelievable (3), important (3), funny (3)
<i>rather</i>	difficult (3), silly (3)	<i>rather</i>	large (11), blind (7), interesting (6), pathetic (5), unorthodox (4), unpleasant (4), difficult (4), vague (3), shocking (3), disturbing (3), extraordinary (3), amused (3), ugly (3)
<i>absolutely</i>	right (4)	<i>absolutely</i>	right (156), sure (59), beautiful (29), necessary (27), certain (25), perfect (22), true (22), fine (19), positive (18), good (17), great (17), wonderful (17), gorgeous (15), wrong (15), crazy (13), amazing (13), fantastic (11), brilliant (11), correct (11), clear (9), stunning (9), fabulous (8), incredible (8), insane (8), serious (8), disgusting (7), fucking (7), terrible (7), impossible (5), free (5), lovely (5), ridiculous (5), unbelievable (5), delighted (4), delicious (4), awesome (4), extraordinary (4), imperative (4), terrific (4), horrible (3), divine (3), best (3), worthless (3), awful (3), absurd (3), outrageous (3)
<i>pretty</i>	good (38), smart (6), bad (5), fair (3), hard (3)	<i>pretty</i>	good (1892), sure (644), cool (328), hard (307), bad (291), nice (109), funny (103), damn (93), great (84), smart (76), amazing (66), stupid (66), weird (63), crazy (54), awesome (35), exciting (30), nasty (28), shitty (28), awful (27), fucking (25), lame (25), boring (19), pathetic (19), tired (19), ugly (19), dumb (14)
<i>really</i>	crazy (4)	<i>really</i>	good (2207), sorry (1072), nice (960), bad (696), great (606), cool (286), weird (247), happy (200), glad (183), funny (176), beautiful (170), scared (148), pretty (132), stupid (131), tired (123), proud (97), crazy (93), nervous (73), scary (72), amazing (70), mad (62), shitty (51), exciting (42), wonderful (41), terrible (35), lovely (31), awful (30), awesome (29), fucking (29), horrible (29), best (26), embarrassed (25)
<i>perfectly</i>	right (10), normal (5), happy (4)	<i>perfectly</i>	good (70), normal (56), clear (54), fine (46), honest (35), safe (33), natural (23), happy (20), healthy (18), capable (15), legal (12), sane (7), willing (7), reasonable (5), acceptable (4), frank (4), adequate (3), understandable (3), delightful (3), logical (3), goddamned (3), obvious (3), innocent (3), straight (3)
<i>totally</i>	–	<i>totally</i>	different (77), fine (77), fucked (66), cool (59), honest (37), normal (32), screwed (26), insane (21), awesome (20), hot (18), amazing (14), disgusting (11), weird (11), freaking (10), unacceptable (9), inappropriate (7), irrelevant (6), pissed (6), psyched (5), messed (3), whacked (3)

A closer look at the distributional contexts shows that the intensifiers under scrutiny differ in the semantic classes of adjectives they attract as collocates. The intensifier *absolutely* collocates with nearly all of the general positive evaluative adjectives (*good, great, brilliant, fine, unbelievable, wonderful, terrific, fantastic, perfect, fabulous*), except *nice* and *acceptable*, while *pretty* and *really* tend to be used with *nice, good, wonderful* and *great*. The use of the intensifier *perfectly* is restricted to the adjectives *good, fine* and *acceptable*. Negative evaluative adjectives such as *bad, terrible, shocking*, go with the intensifiers *pretty, really*, and the mitigating intensifier *rather*.

It is notable that the intensifiers attract adjectives that express social judgment and bear the meanings of sensibility, such as *stupid, ridiculous, absurd, sane, reasonable, lonely, immature, free*; personality traits (*selfish*); politeness (*rude, grateful*): *Don't be so **bloody ridiculous**. – It was just a suggestion. Yes, well, stow it* (“An Adventure in Space and Time”, 2013, UK²); judgment of appearance, which comprises rather a large group (*awesome, amazing, awful, beautiful, lovely, attractive, unpleasant, stunning, nasty, handsome, nice, gorgeous, horrible, pretty, ugly, shitty, smart, stunning*): *Oh! You look **absolutely stunning**. Come with me. Have a look at this apartment* (“Hot Property”, 2016, UK); *Your playing. I mean, that piece is **absolutely gorgeous**. Thanks. The way the viola and the violins interact* (“Like Sunday, Like Rain”, 2014, US).

Collocates can carry the meaning of psychological states (*crazy, interesting, willing, understandable, mad, logical, intelligent*), including notions of interest and boredom (*exciting, interesting*); worry or concern (*disturbing*): *We have three new patients at work. It's **absolutely crazy**. – I can't let 'em down* (“The Creature Below”, 2016, UK); *This is ridiculous. It's **absolutely absurd**. You want to know what this is?* (“Butcher Boys”, 2012, US). The intensifiers under scrutiny tend to collocate with adjectives expressing feelings and emotional states, namely happiness or sadness (*funny, happy, proud, disappointed, unhappy, hilarious; glad, amused, embarrassed, disgusting, depressing, delightful, delighted*); calmness, violence, anger (*annoying, aggressive, nervous, miserable*): *Is*

*he the doctor? – You're **rather disgusting**, aren't you? You're not crying, are you, Louise?* (“Naked”, 1993, UK); *If I had a choice between having tons of money or another father, I'd be **absolutely delighted** to be poor* (“Investing the Abbotts”, 1997, US).

Examining the stylistic variety of adjectives that are used with the adverbs under study, it should be noted that the intensifiers *awfully, terribly, extremely, incredibly, absolutely, perfectly, rather, very* and *really* tend to modify formal or standard adjectives expressing feelings or judgments (*good, bad, nice, happy, sorry, etc.*), that appear to be rather moderate. The stylistic variety of adjectives that co-occur with the adverb *totally* differs in the English-language dialects. While in the US film discourse the intensifier *totally*, denoting more intense feelings or judgments, tends to co-occur with adjectives belonging to colloquial language (*cool, awesome, hot, crazy, freaking, etc.*), in the UK film discourse this intensifier occurs more frequently with standard or formal adjectives, thus showing practically no significant difference with standard adverbs (*alone, relaxed, innocent, disgusting, boring, weird*).

If we are guided by semantic prosody and investigate words with positive or negative connotations that occur in the postposition to the intensifiers, we observe that the lexical item *perfectly* tends to be used mainly with positively evaluated adjectives (*perfectly clear, fine, good, normal, honest, innocent, frank, safe, happy, healthy, sane, reasonable, logical, understandable, etc.*), whereas *rather* and *totally* occur predominantly in negative contexts (*rather unorthodox, unpleasant, difficult, vague, shocking, disturbing, ugly, etc.*; *totally freaked, totally disgusting, totally crazy, etc.*): *We do not need this. Our lives are **perfectly fine** just the way they are* (“Immigration Tango”, 2010, US); *Run away! Let's just say that this morning was, well, **rather shocking*** (“College”, 2008, US); *What's wrong with it? **Rather dull**, I thought* (“Into the Storm”, 2009, UK).

The rest of the intensifiers do not show a distinct preference for negative or positive adjectives, which belong to the described above semantic fields (i.e., *awfully nice, glad, sweet, pretty* or *sorry, silly, lonely; terribly important, exciting, interesting* or *sorry, wrong, disappointed, etc.*). Such

ambivalent potential points to some sematic specificity of the intensifying adverbs – modifying an adjective, they generally express exaggeration, surpassing, oversufficiency or overmatching of the quality features conveyed by the lexical meaning of a notional head word (adjective or another adverb). Moreover, the positive or negative connotation of adverbial intensifiers arises from the subjective evaluation and personal motivation of the speaker.

The comparative diachronic analysis of the adjectives that are head elements to which adverbial intensifiers are added across the UK corpora shows a similar picture (Table 4). As in the case with the US corpus (Table 3), the number of lexical items that form collocations with the standard intensifiers has expanded over time. The corpus of UK movies dating 1930–1950s displays a considerable difference related to a range of adjectives used with the intensifier *rather*, which is wider as compared to the US corpus, with a

meager set of collocates (*rather difficult, silly* in the US Corpus, *rather difficult, tired, important, unusual, silly, large, interested, embarrassing, dull, absurd, strange, serious* in the UK Corpus). In the second period dating 1990–2010s, we observed an increase in the number of collocates with negative or critical overtone that occur with the intensifier *rather* that is used to mitigate or moderate the speaker’s personal opinion (*rather difficult, odd, strange, dull, nervous, tasteless, disturbing, foolish, disappointed*) as well as convey a positive assessment of medium intensity (*rather splendid, attractive, pleasant, romantic, exciting, pleased, spectacular, charming, etc.*).

The study demonstrates the complexity of the links between language use and its social context, and explores linguistic features in which these links are expressed. As intensifiers are usually employed to strengthen meaning, a decline in the use of standard register intensifiers indicates

Table 4. The intensifying adverbs with collocates in ‘UK Movie Corpus 1930–1950s’ and ‘UK Movie Corpus 1990–2010s’

‘UK Movie Corpus 1930–1950s’		‘UK Movie Corpus 1990–2010s’	
Adverb	Collocates	Adverb	Collocates
<i>bloody</i>	likely (3)	<i>bloody</i>	awful (24), stupid (54), brilliant (17), marvelous (15), useless (14), ridiculous (10), hopeless (6), typical (6), horrible (6), furious (4), likely (4), morbid (3), miserable (3)
<i>fucking</i>	–	<i>fucking</i>	stupid (149), good (101), crazy (86), great (74), mad (65), brilliant (54), horrible (34), sorry (33), weird (32), bad (28), ridiculous (23), amazing (20), boring (19), beautiful (18), lovely (17), miserable (16), awful (15), insane (12), nice (12), cool (12), awesome (10), hilarious (10), disgusting (9), filthy (8)
<i>awfully</i>	sorry (36), nice (17), glad (5), tired (3)	<i>awfully</i>	sorry (21), good (13), nice (7)
<i>terribly</i>	sorry (51), worried (5), upset (4), busy (4), hard (3), tired (3), important (3), happy (3)	<i>terribly</i>	sorry (90), wrong (13), exciting (9), ill (5), sad (5), busy (5), clever (4), proud (4), strong (4), important (4), funny (4), keen (3), rude (3)
<i>extremely</i>	important (3), sorry (3)	<i>extremely</i>	dangerous (12), difficult (9), important (8), careful (5), wealthy (4), unlikely (4), rare (4), tired (4), fat (4), strong (4), hard (4), promising (3), valuable (3), painful (3), intelligent (3), useful (3), keen (3), ill (3), proud (3), calm (3), poor (3), happy (3)
<i>incredibly</i>	–	<i>incredibly</i>	stupid (8), important (6), powerful (5), dangerous (5), hot (5), beautiful (5), grateful (4), ugly (4), difficult (4), rude (3), bright (3), brave (3), sad (3), strong (3), funny (3)
<i>rather</i>	difficult (18), tired (11), important (9), busy (7), unusual (6), silly (5), delicate (4), large (4), interested (4), hard (4), embarrassing (3), dull (3), absurd (3), strange (3), serious (3)	<i>rather</i>	difficult (17), odd (11), large (11), strange (10), interesting (9), busy (9), dull (9), nervous (8), splendid (8), attractive (7), pleasant (6), romantic (5), nasty (5), rude (5), exciting (5), boring (4), pleased (4), tasteless (3), spectacular (3), disturbing (3), appropriate (3), foolish (3), unusual (3), curious (3), disappointed (3), embarrassing (3), complicated (3), sudden (3), charming (3), desperate (3), handsome (3)

End of Table 4

‘UK Movie Corpus 1930–1950s’		‘UK Movie Corpus 1990–2010s’	
Adverb	Collocates	Adverb	Collocates
<i>pretty</i>	bad (13), big (8), obvious (6), smart (6), clear (5), tough (4), awful (4), easy (3), busy (3)	<i>pretty</i>	good (323), sure (122), bad (58), cool (53), obvious (21), smart (18), amazing (17), serious (17), clear (15), certain (12), busy (12), boring (11), impressive (10), interesting (10), tired (10), dangerous (9), pleased (8), awful (6), dull (5), scary (5), romantic (5), nasty (4), desperate (4), odd (3), exciting (3), unhappy (3)
<i>really</i>	necessary (9), interested (5), serious (5), remarkable (3), simple (3)	<i>really</i>	weird (66), necessary (28), useful (27), cute (21), scary (14), annoying (9), awkward (9), embarrassed (9), impressive (9), tasty (7), annoyed (7), talented (7), chuffed (4), stunning (4), depressing (4), tiring (3), humiliating (3), thoughtful (3)
<i>absolutely</i>	sure (7), necessary (5), certain (4), wonderful (3)	<i>absolutely</i>	fine (47), necessary (19), certain (18), true (18), gorgeous (17), fantastic (17), beautiful (17), brilliant (16), amazing (14), perfect (14), disgusting (13), wonderful (12), stunning (11), splendid (9), ridiculous (9), essential (8), mad (8), crazy (8), fascinating (7), marvelous (7), delicious (7), positive (7), honest (7), disgraceful (6), extraordinary (6), incredible (6), correct (5), impossible (5), superb (4), marvelous (4), obsessed (4), delighted (4), charming (4), useless (4), awful (4), livid (3), sensational (3), vital (3), enormous (3), divine (3), fabulous (3), glorious (3), insane (3)
<i>perfectly</i>	well (26), right (16), sane (7), safe (7), happy (7), simple (5), charming (5), clear (5), natural (3), serious (3), true (3)	<i>perfectly</i>	clear (36), safe (36), happy (30), normal (29), honest (20), capable (15), natural (15), fine (13), healthy (12), reasonable (10), harmless (6), obvious (6), simple (6), serious (6), willing (5), frank (5), heartless (4), legal (4), charming (4), adequate (3), satisfactory (3), straightforward (3), logical (3), ordinary (3), possible (3), calm (3)
<i>totally</i>	–	<i>totally</i>	different (24), fucked (13), alone (8), unacceptable (7), relaxed (6), insane (6), inappropriate (5), normal (5), exhausted (4), illegal (4), innocent (4), honest (4), irresponsible (3), irrelevant (3), freaked (3), useless (3), responsible (3), disgusting (3), boring (3), weird (3), hot (3), crazy (3)

that their expressivity wanes over time. They are replaced by intensifiers that belong to the informal register. The following data from the ‘UK Movie Corpus 1990–2010s’ may testify it: a slang word *bloody* is in full operation (*bloody stupid / awful / useless / hopeless / ridiculous / miserable / horrible / furious* or *brilliant / marvelous / typical*); similarly an offensive word *fucking* has gained the status of a highly emotive intensifier that is added to adjectives with ambivalent coloring (*fucking stupid / crazy / mad / horrible / weird / bad / ridiculous / boring / miserable / awful / disgusting* or *good / great / brilliant / amazing / beautiful / lovely / nice / cool* etc.). The dramatic increase in highly informal intensifiers indicates a functional replacement for stylistically neutral linguistic units in the English-language dialogic film discourse. In this way, the film language seems to capture the ever increasing trend to informality that is characteristic of authentic face-to-face discursive practices, thus, meeting the viewers’ expectations to be perceived as natural.

Conclusion

Analysing the dynamics in temporal and dialect variations in the discursive mechanisms of intensifiers renewal in the English dialogic film discourse revealed evidence of ongoing changes in the models of speech behavior that mirror the advancement of informality and social liberation.

The language of films has always been an inspiration for researchers who seek to explore the relationship between film discourse and social behavior models through the study of dialogue that captures and produces linguistic features characteristic of authentic speech. Drawing on The Movie Corpus comprising UK and US film scripts of the two distinct periods, the research gives an insight into the use of English adverbial intensifiers that are viewed as linguistic units used by film characters to express emotionality and informality that are characteristic of the film dialogue. The study explores diachronic and dialect variations that reflect the changing complexity of links between language use and its social and historical context.

The corpus data retrieved from the US and UK corpora of the two periods reinforced with statistical analysis revealed a noticeable decline in the use of the standard intensifying adverbs, such as *very*, *terribly*, *awfully*, *perfectly*, *absolutely*, *extremely*, while several informal adverbs *totally*, *fucking*, and *bloody* with highly emotional intensifying force have emerged and replaced formerly frequent language units. The analysis showed that they tend to modify adjectives belonging mostly to the colloquial or informal registers. It is found that in the 1990–2010s the adverbs under scrutiny tend to be linked to the semantic fields of adjectives that express general judgment or opinion, personal feelings and emotional states. The analysis of dialect variation reveals that the maximizers *bloody*, *perfectly*, *terribly*, *awfully* are most frequently used adverbs in the UK film discourse, whereas the US Movie Corpus top intensifiers include the informal maximizers *fucking*, *totally*, the booster *very* and the emphaser *really*. The US and UK corpora of the 1990–2010s period demonstrate frequent use of informal intensifying adverbs with a high degree of emotionality, which suggests discourse communities have certain expectations about the language usage in the film discourse to be close to natural conversation.

NOTES

¹ The Movie Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/movies>.

² Here and below the concordance lines from The Movie Corpus are accompanied by the film title, the year of its release, reference to the UK or US sub-corpora.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Values. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 341 p.
- Bednarek M., 2010. *The Language of Fictional Television: Drama and Identity*. London, New York, Continuum. 285 p.
- Bednarek M., 2011. The Stability of the Televisual Character: A Corpus Stylistic Case Study. Piazza R., Rossi F., Bednarek M., eds. *Telecinematic Discourse: Approaches to the Language of Films and Television Series*. Amsterdam-Philadelphia, John Benjamins, pp. 185-204.
- Bednarek M., 2012. "Get Us the Hell Out of Here": Key Words and Trigrams in Fictional Television Series. *International Journal of Corpus Linguistics*, no. 17 (1), pp. 35-63.
- Bezrukova V.V., 2003. Rol' intensifikatorov vneshney formy pri sozdanii yazykovoy igry [Functions of Intensifiers of Extra Form in Designing Language Play]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Aktualnye problemy professionalnoy podgotovki uchitelya inostrannogo yazyka* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], vol. 253, pp. 10-13.
- Biber D., 2009. Foreword. Quaglio P. *Television Dialogue: The Sitcom Friends vs. Natural Conversation*. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins, p. xiii.
- Blommaert J., 2005. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press. 299 p.
- Bolinger D., 2013. *Degree Words*. The Hague, Paris, De Gruyter. 324 p.
- Brezina V., 2018. Statistical Choices in Corpus-Based Discourse Analysis. Taylor Ch., Marchi A., eds. *Corpus Approaches to Discourse*. London, New York, Routledge, pp. 259-280.
- Cacchiani S., 2009. Translating Intensifiers: (Non-) Equivalences Across English and Italian'. Chantler A., Dente C., eds. *Translation Practices. Through Language to Culture*. Amsterdam, New York, Rodop. 279 p.
- Downing A.A., 2015. *University Course in English Grammar*. New York, Prentice Hall. 652 p.
- Egbert J., Schnur E., 2018. The Role of the Text in Corpus and Discourse Analysis: Missing the Trees for the Forest. Taylor Ch., Marchi A., eds. *Corpus Approaches to Discourse*. London, New York, Routledge, pp. 159-173.
- Ermakova O.P., 2005. Perekhod kolichestva v kachestvo (o prirode intensifikatorov) [The Transition from Quantity to Quality (On the Origin of Intensifiers)]. Arutyunova N.D., ed. *Logicheskiy analiz yazyka. Kvantitativnyy aspekt yazyka* [Logical Analysis of Language. Quantitative Aspect of Language]. Moscow, Indrik Publ., pp. 272-279.
- Forchini P., 2012. *Movie Language Revisited. Evidence from Multi-Dimensional Analysis and Corpora*. Bern, Peter Lang. 142 p.
- Fox K., 2005. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. London, Hodder. 424 p.
- Freddie M.A., 2011. A Phraseological Approach to Film Dialogue: Film Stylistics Revisited. *Yearbook of Phraseology*, no. 2, pp. 137-163.
- Furs L.A., Nazarova I.V., 2008. Kognitivnye aspekty formirovaniya kategorii gradualnosti [Cognitive Aspect of Forming Grading Category]. *Voprosy*

- kognitivnoy lingvistiki* [On Cognitive Linguistics], no. 4, pp. 33-37.
- Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pocheptzov G.G., 1981. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Theory of Modern English Grammar]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 285 p.
- Jucker A.H., Taavitsainen I., 2014. Diachronic Corpus Pragmatics: Intersections and Interactions. Taavitsainen I., Jucker A.Y., Toumien J., eds. *Diachronic Corpus Pragmatics*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 3-28.
- Kolesnikova S.M., 2016. *Funktsionalnaya grammatika: predikativnost, gradualnost, otsenochnost* [Functional Grammar: Predicativity, Graduality, Evaluativeness]. Moscow, MPGU. 288 p.
- Kosova M.V., 2013. Informativnost dokumentnogo teksta: lingvisticheskie kriterii mery [Informativity of Document Text: Linguistic Criteria of Measure]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (19), pp. 85-89.
- Koryakovtseva E.I., Ratsiburskaya L.V., Sandakova M.V., 2021. Dinamika otsenochnykh intensivatorov v russkom yazyke 21 v.: slovoobrazovatelnyy i semanticheskiy aspekty [Intensifiers in the Language of the 21st Century: Word-Building, Semantics, Syntagmatics and Dynamics of Evaluation] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 5, pp. 6-19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.1>
- Kraeva I.A., 2017. Nekotorye yazykovye sredstva vyrazheniya sravneniya i gradatsii kachestva v angliyskom yazyke [Several Language Means to Represent Comparatives and Quality Grading in English]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 6 (777), pp. 13-20.
- Kraeva I.A., 2021. Ispolzovaniye angliyskikh odnositelnykh prilagatelnykh dlya vyrazheniya gradualnosti [Using English Relative Adjectives to Express Graduality]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 13 (855), pp. 98-112. DOI: [10.52070/2542-2197_2021_13_855_98](https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_98)
- Kustova G.I., 2005. Kolichestvennyye znacheniya kachestvennykh slov [Quantitative Meanings of Qualitative Words]. Arutyunova N.D., ed. *Logicheskii analiz yazyka. Kvantitativnyy aspekt yazyka* [Logical Analysis of Language. Quantitative Aspect of Language]. Moscow, Indrik Publ., pp. 295-305.
- Lakoff G., 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things*. Chicago, University of Chicago Press. 614 p.
- Larina T.V., Leontovich O.A., 2015. Too Many Walls and not Enough Bridges: The Importance of Intercultural Communication Studies. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 19, no. 4, pp. 9-16. DOI: [10.22363/2687-0088-9253](https://doi.org/10.22363/2687-0088-9253)
- Lebedeva I.S., Pavlova E.B., 2017. Intensifitsiruyushchie narechiya v angliyskom yazyke: diahronnyy aspekt [Intensifying Adverbs in the English Language Viewed Diachronically]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 11 (784), pp. 151-152.
- McIntyre D., 2012. Prototypical Characteristics of Blockbuster Movie Dialogue: A Corpus Stylistic Analysis. *Texas Studies in Literature and Language*, no. 54 (3), pp. 402-425.
- Quaglio P., 2008. Television Dialogue and Natural Conversation: Linguistic Similarities and Functional Differences. Adel A., Reppen R., eds. *Corpora and Discourse. The Challenges of Different Settings*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 189-210.
- Quaglio P., 2009. *Television Dialogue: The Sitcom Friends vs. Natural Conversation*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins. 165 p.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J., 1985. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London, Longman. 1779 p.
- Raytseva N.A., 2012. Slovoobrazovatelnye sredstva vyrazheniya intensivnosti v sovremennom russkom yazyke [Word-Formative Methods of Expressing Intensity in Modern Russian]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. Social Sciences], no. 1, pp. 308-312.
- Rey J.M., 2001. Changing Gender Roles in Popular Culture: Dialogue in Star Trek Episodes from 1966 to 1993. Biber D., Conrad S., eds. *Variation in English: Multi-Dimensional Studies*. London, Longman, pp. 138-156.
- Richardson K., 2010. *Television Dramatic Dialogue. A Sociolinguistic Study*. Oxford, Oxford University Press. 272 p.
- Rodionova S.E., 2004. Intensivnost i eyo mesto v ryadu drugikh semanticheskikh kategoriy [Intensification and its Place in the Line of Other Semantic Categories]. *Slavyanskiy*

- vestnik [Vestnik of Slavonic Languages], iss. 2, pp. 303-308.
- Rodionova S.E., 2005. Semantika intensivnosti i eyo vyrazhenie v sovremennom russkom yazyke [Semantics of Intensity and Its Expression in Modern Russian]. Bondarko A.V., Shubik S.A., eds. *Problemy funktsionalnoy grammatiki. Polevye struktury* [Problems of Functional Grammar. Field Structures]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 150-168.
- Sheptukhina E.M., Meshkova T.A., 2011. Zakonomernosti realizatsii otnosheni slovoobrazovatelnoy sinonimii prefiksalnykh glagolov v tekste (na materiale raznozhanrovykh proizvedeniy F. Prokopovicha) [Conformities to Implementation of Synonymy Relation of Word-Formative Prefixal Verb in Text (Based on Eulogistic Works of Pheophan Prokopovich)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (14), pp. 55-60.
- Sternberg C., 1997. *Written for the Screen: The American Motion-Picture Screenplay as Text*. Tübingen, Stauffenburg. 260 p.
- Turanskiy I.I., 1990. *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke* [Semantic Category of Intensification in English]. Moscow, Nauka Publ. 172 p.
- Tagliamonte, S.A., 2008. So Different and Pretty Cool! Recycling Intensifiers in Toronto, Canada. *English Language and Linguistics*, vol. 12, iss. 2, pp. 361-394. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1360674308002669>
- Tagliamonte S., Roberts C., 2005. So Weird; So Cool; So Innovative: The Use of Intensifiers in the Television Series Friends. *American Speech*, no. 80 (3), pp. 280-300. DOI:10.1215/00031283-80-3-280
- Toolan M., 2011. I Don't Know What They're Saying Half the Time, but I'm Hooked on the Series: Incomprehensible Dialogue and Multimodal Characterisation in the Wire. Piazza R., Bednarek M., Rossi F., eds. *Telecinematic Discourse: Approaches to Language of Films and Television Series*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 161-183.
- Volf E.M., 2002. *Funktsionalnaya semantika ocenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ. 280 p.

Information About the Authors

Larisa A. Kochetova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Theory and Practice and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, kochetova@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Elena Yu. Ilyinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Theory and Practice and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, ilynov@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

Информация об авторах

Лариса Анатольевна Кочетова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, kochetova@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Елена Юрьевна Ильинова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ilynov@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.10>

UDC 811.161.1'36
LBC 81.411.2-22

Submitted: 04.01.2022
Accepted: 16.05.2022

PARENTHETICAL VERB PHRASES WITH THE RUSSIAN VERBS *GOVORIT'* AND *SKAZAT'*: A CONSTRUCTIONAL APPROACH

Tatiana G. Skrebtsova

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The research urgency is explicable due to the fact that parenthetical phrases are complicated in their essence, which is stipulated by their semantic and syntactic peculiarities. However, traditional approaches to the description and classification of parenthetical expressions are marked by heterogeneity, subjectivity and blurred boundaries between the posited groups. The paper suggests a novel perspective on the phenomenon from a construction grammar viewpoint. Theoretical prerequisites of construction grammar are claimed to ensure a well-integrated, systemic framework to account for parenthetical expressions. The key advantage is seen in the specific interpretation of the notion of construction, according to which constructions allow for a certain degree of lexical variation. Parenthetical word combinations with the verbs *govorit'* and *skazat'* are analyzed within structural and semantic aspects. The author has identified parenthetical verb phrases of various abstraction degree, listed them in hierarchical structures, and revealed their semantic interrelations. The parenthetical combinations with the verbs *govorit'* and *skazat'* are noted to be brought together in a constructional network, which on the one hand reveals intrinsic systematic arrangement of the corresponding language unit, and on the other hand demonstrates its open-end character, external links and capability of replenishment with new items. The overall picture thus corroborates the vision of language as an integrated network of constructions of various degree of complexity.

Key words: parenthetical word, construction grammar, hierarchy of constructions, constructional network, discourse marker.

Citation. Skrebtsova T.G. Parenthetical Verb Phrases with the Russian Verbs *govorit'* and *skazat'*: A Constructional Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 108-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.10>

УДК 811.161.1'36
ББК 81.411.2-22

Дата поступления статьи: 04.01.2022
Дата принятия статьи: 16.05.2022

ВВОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛАМИ *ГОВОРИТЬ* И *СКАЗАТЬ*: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ ГРАММАТИКИ КОНСТРУКЦИЙ

Татьяна Георгиевна Скребцова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что сложная природа вводных слов, обусловленная их семантическими особенностями и синтаксической спецификой, привлекает к ним внимание лингвистов, однако представленные в литературе подходы к их описанию и классификации отличаются раз-

нообразием, субъективностью, вследствие чего границы между отдельными группами явлений становятся размытыми. В статье предлагается новый взгляд на данный предмет с позиции грамматики конструкций. Утверждается, что комплексность и системность такого описания обеспечиваются специфической интерпретацией понятия конструкции, допускающего определенную вариативность в лексическом заполнении. Вводные сочетания с глаголами *говорить* и *сказать* охарактеризованы в структурном и семантическом аспектах. Автор выделил конструкции разной степени абстрактности, объединил их в иерархические структуры и выявил, что конструкции связаны между собой семантическими отношениями. Установлено, что вводные сочетания с глаголами *говорить* и *сказать* предстают в виде сети конструкций, которая, с одной стороны, обнаруживает внутреннюю системность соответствующего фрагмента языка, а с другой стороны, показывает его незамкнутость, наличие внешних связей и возможность для пополнения новыми единицами. Тем самым подтвержден важный тезис грамматики конструкций о том, что язык в целом представляет собой единую сеть конструкций разной степени сложности.

Ключевые слова: вводное слово, грамматика конструкций, иерархия конструкций, сеть конструкций, дискурсивный маркер.

Цитирование. Скребцова Т. Г. Вводные сочетания с глаголами *говорить* и *сказать*: взгляд с позиции грамматики конструкций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 108–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.10>

Введение

Среди широкого круга вводных слов и сочетаний в русском языке особое место занимают обороты, содержащие доминанты лексико-семантической группы глаголов говорения – члены видовой пары *говорить* и *сказать* (*откровенно говоря, по правде говоря, короче говоря, смешно сказать, к слову сказать* и т. п.). Выражаемые ими субъективно-модальные значения непосредственно связаны с фигурой говорящего: его отношением к сообщаемому и оценкой стиля, характера, способа изложения. Как и все множество вводных слов в целом, рассматриваемые сочетания представляют собой открытую для пополнения группу лексических единиц. В морфологическом отношении они отличаются разнородностью, включая в себя личные формы, деепричастия, инфинитивы соответствующих глаголов, наречия и предложно-падежные формы существительных (ср.: [Лингвистический..., 1990, с. 81; Русская грамматика, 1980, с. 229–231]). Термин «вводное слово» используется в настоящей статье и в своем буквальном значении, и в более широком – для обозначения не только одиночных словоформ, но и словосочетаний (ср.: [Замятина, 2020, с. 119]).

Сложная природа вводных слов, обусловленная их семантическими особенностями и синтаксической спецификой (отсутствием формально-грамматических связей с другими членами предложения и, как следствие,

интонационной и пунктуационной обособленностью), привлекает к ним внимание отечественных лингвистов. В то же время в литературе отсутствует единое мнение по составу этой группы: полного списка вводных слов не существует, и, как отмечает И.А. Шаронов, едва ли он вообще возможен ввиду нечеткости ее границ [Шаронов, 2018, с. 58]. Классификации вводных слов также существенно разнятся. Представленный в диссертации Е.С. Замятиной подробный обзор [Замятина, 2020, с. 122–154] свидетельствует о том, что вне зависимости от положенного в основу признака (происхождение вводных слов или характер их значения) предложенные классификации столь сильно различаются по количеству и характеру выделяемых групп, что оказываются несопоставимыми.

Другой недостаток представленных в литературе описаний связан с природой классификации как научного приема: разбиение на группы нарушает актуальные связи между отдельными единицами. Так, при построении классификации с опорой на генетический признак отрезанными друг от друга оказываются лексически и семантически близкие выражения (например, *кстати говоря* и *кстати сказать*, а также эллиптическое *кстати; иначе говоря* и синонимичное ему *иными словами*). При функционально-семантическом подходе, напротив, разрываются связи между структурно схожими сочетаниями с одним и тем же опорным словом. Например, оборот *иначе говоря* помещается в группу метатек-

стовых элементов типа *так сказать, другими словами* и пр., а сочетания *честно говоря, попросту говоря, грубо говоря* и т. п. – в группу единиц, выражающих субъективное отношение говорящего, его эмоциональную и интеллектуальную оценку сообщаемого.

Потребность в комплексном подходе к описанию вводных слов, как представляется, может быть реализована в рамках относительно нового лингвистического направления – грамматики конструкций, учитывающего и формальный, и содержательный аспекты языковых выражений, а также определенную вариативность их структуры.

Материал и методы

В качестве теоретической основы исследования используются положения грамматики конструкций, которая как направление начала складываться в зарубежной лингвистике в 1990-е гг. и вскоре получила широкое распространение и в отечественной науке [Лингвистика конструкций, 2010; Скребцова, 2010; Acta Linguistica Petropolitana..., 2014]. Центральным для данного направления является понятие «конструкция». Оно получает оригинальную интерпретацию, например, в следующем формализованном определении, данном А.Е. Голдберг: *С* является конструкцией тогда и только тогда, когда *С* представляет собой пару «форма – значение» $\langle F_i, S_i \rangle$ такую, что существуют некий аспект F_i или некий аспект S_i , невыводимый из составных частей *С* или из других ранее установленных конструкций¹ [Goldberg, 1995, p. 4].

Следует подчеркнуть, что форма и значение в грамматике конструкций понимаются широко: форма – это комплекс синтаксических, морфологических и просодических признаков, а значение – это семантические, прагматические и дискурсивные характеристики. Конструкции постулируются в качестве основной единицы языка. Принципиально важной особенностью конструкций является непредсказуемость, невыводимость их формы и/или значения из составных частей, иначе говоря, неаддитивность, или некомпозициональность (подробно см.: [Goldberg, 1995, p. 4]).

Схематичность конструкции варьирует в широком диапазоне от «голых» структурных

схем, наподобие английской дитранзитивной конструкции S V IO DO (Subject – Verb – Indirect Object – Direct Object), соответствующей предложениям *John gave Mary a book; Pat faxed Bill the letter* и т. п., до конкретных языковых выражений – отдельных словоформ, устойчивых словосочетаний, идиом, дискурсивных маркеров и пр. Однако обычно конструкции являются частично заполненными, а частично пустыми, допускающими подстановку различных элементов. Такое положение вещей обусловлено тем, что лексически постоянные единицы (слова, устойчивые выражения, фразеологизмы) традиционно включаются в словарь языка, а «голые», абстрактные синтаксические модели – в грамматику. При этом обороты, одна часть которых является постоянной (фиксированной), а другая – переменной (допускающей ряд подстановок), находятся «между» лексиконом и синтаксисом и не охватываются ни тем ни другим. Эту нишу в описании языка и заполняет грамматика конструкций.

Конструкции не существуют в языке отдельно друг от друга, а связаны разными отношениями: в грамматике конструкций принято говорить о сетях конструкций (*constructional networks*). Наиболее очевидным типом связи является таксономическая (вертикальная, иерархическая), соединяющая абстрактные модели с их полностью или частично лексикализованными вариантами. Она выделяется уже в пионерской монографии А. Гольдберг, где названа отношением наследования (*inheritance link*) [Goldberg, 1995, p. 72–100].

Развивая мысль об иерархических отношениях между конструкциями, Э. Трауготт [Traugott, 2008a; 2008b] постулирует выделение нескольких уровней схематичности, а именно: макроконструкции (наиболее абстрактные), мезоконструкции и микроконструкции. На материале английского языка указанную триаду можно проиллюстрировать следующим образом: макроконструкция – уже упоминавшаяся дитранзитивная схема S V IO DO; мезоконструкции – ее подтипы *give Obj₁ Obj₂* и *buy Obj₁ Obj₂*, которые различаются тем, что первый имеет диатезу с предлогом *to*, а второй – с предлогом *for*; микроконструкции, образованные конкретными вариантами обоих типов: *give Obj₁ Obj₂*, *send Obj₁ Obj₂*,

by Obj₁ Obj₂ и т. д. Схожим образом, утверждает Я. Ван Богерт, устроена иерархическая схема конструкций, описывающих употребление английских глаголов умственной деятельности с сентенциальным объектом [Van Bogaert, 2011].

В исследованиях представлена и иная иерархия понятий для описания вертикальных связей между конструкциями, а именно «схема – подсхема – микроконструкция». Например, английский модальный глагол *may* является микроконструкцией, подчиненной подсхеме «модальный глагол», которая, в свою очередь, подчинена схеме «вспомогательный глагол» [Traugott, Trousdale, 2013, p. 14]. Иерархические отношения между конструкциями часто упоминаются в литературе; более того, сторонникам грамматики конструкций язык в целом представляется в виде таксономической сети конструкций (см., например: [Croft, Cruse, 2004, p. 262]).

Горизонтальные связи между конструкциями не получили столь подробной разработки в литературе. В одной из ранних работ, где эта тема затрагивается, вводится термин «аллострукции» (*allostructions*) для обозначения двух или более разновидностей одной и той же схематичной модели – по очевидной аналогии с аллофонами и алломорфами [Carpelle, 2006]. Отношение между аллострукциями, по мысли Б. Каппелле, – это отношение чередования. В соответствии с терминологией Э. Трауготт (см. выше), по-видимому, аллострукциями являются мезоконструкции, наследующие одной и той же макроконструкции, а также микроконструкции, иерархически связанные с одной и той же мезоконструкцией. Однако нетрудно заметить, что термин «аллострукции» и его определение не отражают смыслового содержания горизонтальной связи, фактически она трактуется как соподчиненность по отношению к конструкции, занимающей более высокое место в иерархии. Аналогичным образом интерпретируются горизонтальные отношения между конструкциями в статье Ф. Ван де Велде [Van de Velde, 2014].

Среди исследований, направленных на выявление типов отношений в сети конструкций, следует упомянуть доклад М. Норде на конференции, организованной Бельгийско-ни-

дерландской ассоциацией по когнитивной лингвистике в г. Гент в 2014 г. [Norde]. Насколько нам известно, его содержание не нашло отражения в публикации. Однако введенные автором термины «parent» («родитель») и «peer» («ровня») для обозначения соответственно вертикальных и горизонтальных связей между конструкциями представляются нам довольно удачными, поскольку позволяют продолжить метафорическое рассуждение и обосновать понятие «семейства конструкций» [Скребцова, 2021].

Выявление отношений между близкими по форме и/или содержанию конструкциями и их комплексное описание с опорой на достижения корпусной лингвистики, в частности материалы Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), может способствовать развитию углубленного представления о системности в языке. В настоящей статье грамматика конструкций применяется к описанию вводных слов и сочетаний с глаголами *говорить* и *сказать*.

В качестве источника материала в статье использован «Толковый словарь служебных частей речи русского языка» Е.Ф. Ефремовой (2001), НКРЯ и сайт «Грамота.ру», на котором размещен алфавитный список вводных слов и выражений.

Результаты

Конструкции с глаголом говорить

Используя полевой подход, можно сказать, что среди вводных оборотов с глаголом *говорить* центральное место занимает группа сочетаний деепричастия *говоря* с наречиями: *вообще говоря*, *грубо говоря*, *иначе говоря*, *короче говоря*, *кстати говоря*, *мягко говоря*, *образно говоря*, *откровенно говоря*, *попросту говоря*, *проще говоря*, *собственно говоря*, *строго говоря*, *условно говоря*, *честно говоря* и т. п. Порядок следования членов внутри сочетаний стабилен. Как показывают материалы НКРЯ, в некоторых из них перестановки возможны, хотя и редко встречаются, а в других невозможны. Ср.: *говоря попросту*, *говоря честно*, но **говоря кстати*. Таким образом, это множество вводных слов может быть сведено к обоб-

шающей конструкции «наречие (в положительной или сравнительной степени) + *говоря*».

Другая группа конструкций образована сочетаниями деепричастия *говоря* с предложно-падежными формами субстантивов (под субстантивами (*S*) мы будем понимать класс единиц, включающий существительные, номинализации и личные местоимения), ср.: *в сущности говоря, говоря в общем (и целом), между нами говоря, по правде говоря, по совести говоря, по сути говоря, по существу говоря* и пр. В отдельных сочетаниях допускается перестановка членов (*говоря между нами, говоря по существу*, но **говоря в сущности*), хотя более частотной и стилистически нейтральной является финальная позиция деепричастия. Материал позволяет выстроить иерархию конструкций – от заполненных (примеры см. выше) к более общим «*то* + $S_{\text{дат.}}$ + *говоря*», «*в* + $S_{\text{предл.}}$ + *говоря*» и далее к обобщающей конструкции «предложно-падежная форма субстантива + *говоря*». Для единичного оборота *между нами говоря* выводить абстрактную конструкцию нецелесообразно.

Оборот *между нами говоря* (как и любой другой из рассматриваемых в данной статье) сам по себе является микроконструкцией. Согласно ранее приведенному определению А. Голдберг, каждое отдельно взятое вводное слово является конструкцией, поскольку и его форма, и содержание (в широком смысле) не выводятся непосредственно из составляющих его единиц более низкого структурного уровня. Это объясняется интонационной обособленностью вводных слов, их способностью структурировать текст, выступая в качестве дискурсивных маркеров, а также наличием характерных субъективно-модальных значений, несвойственных свободным сочетаниям деепричастий (инфинитивов) с наречиями и предложно-падежными словоформами. Таким образом, каждое отдельное вводное слово может рассматриваться в качестве конструкции самого нижнего таксономического уровня, то есть микроконструкции.

Многие из рассмотренных вводных сочетаний легко подвергаются редукции, ср.: *вообще говоря* → *вообще*; *кстати говоря* → *кстати*; *собственно говоря* → *соб-*

ственно; *по сути говоря* → *по сути*; *по существу говоря* → *по существу*; *говоря в общем (и целом)* → *в общем (и целом)*. Несколько десятилетий назад этот продуктивный механизм вызвал появление дискурсивного маркера *короче*, быстро превратившегося в десемантизированное слово-паразит. В последние годы схожий процесс способствует эллипсису глагольного компонента в оборотах *честно говоря, честно сказать* и, соответственно, изолированному употреблению *честно* в качестве вводного слова. Поскольку в содержательном плане такие редуцированные варианты непосредственно связаны с соответствующими полными сочетаниями, их можно считать принадлежащими к рассматриваемой группе, хотя и расположенными на ее периферии.

Следует отметить, что как полные, так и редуцированные обороты могут иметь в своем составе частицы: *а вернее сказать, а вернее, и вообще, вообще-то, но вообще-то* и пр.

На периферии вводных оборотов с глаголом *говорить* также находятся выражения *говорю (же), говорят, как говорится, как говорили, что ни говори*, в связи с которыми возникает вопрос о границе между вводными словами и вводными предложениями. Как известно, он не имеет однозначного ответа, причем односоставные предложения как раз и составляют пограничную, переходную зону между этими двумя группами языковых явлений (см.: [Рамазанова, 2018; Замятина, 2020, с. 121]). Если рассматривать подобные выражения в качестве вводных слов, можно сказать, что каждое из них образует микроконструкцию, однако возможности дальнейшего структурного обобщения, перехода к конструкциям более высокого уровня абстракции минимальны и лишены смысла ввиду их непродуктивности.

Иерархия рассматриваемых в этом разделе конструкций представлена в таблице 1.

Конструкции с глаголом *сказать*

Среди вводных оборотов с глаголом *сказать* выделены несколько групп. Во-первых, это сочетания наречий с инфинитивом: *вернее сказать, как сказать, кстати сказать,*

Таблица 1. Иерархия конструкций с глаголом *говорить*Table 1. Constructions with the verb *govorit'*

Обобщающие конструкции верхнего уровня	Обобщающие конструкции промежуточного уровня	Микроконструкции	Редуцированные конструкции
наречие + <i>говоря</i>	–	<i>грубо говоря</i>	–
		<i>образно говоря</i>	
		<i>собственно говоря</i>	
		...	
		<i>вообще говоря</i>	<i>вообще</i>
		<i>короче говоря</i>	<i>короче</i>
		<i>кстати говоря</i>	<i>кстати</i>
предложно-падежная форма субстантива + <i>говоря</i>	$v + S_{\text{предл.}} + \text{говоря}$	<i>в сущности говоря</i>	<i>в сущности</i>
		<i>говоря в общем (и целом)</i>	<i>в общем (и целом)</i>
	
	$no + S_{\text{дат.}} + \text{говоря}$	<i>по правде говоря</i>	<i>по правде</i>
		<i>по сути говоря</i>	<i>по сути</i>
	
	–	<i>между нами говоря</i>	<i>между нами</i>
–	–	<i>говорю (же)</i>	–
		<i>говорят</i>	–
		<i>как говорится</i>	–
		<i>что ни говори</i>	–
		...	–

Примечание. Символ «...» означает открытость списка (имеются и другие примеры).

лучше сказать, мало сказать, попросту сказать, смешно сказать, так сказать, честно сказать и т. п. Соответственно, обобщенная конструкция выглядит следующим образом: «наречие + *сказать*». Перестановка членов в некоторых оборотах возможна, в других маловероятна.

Во-вторых, это сочетания с предложно-падежной формой субстантива (отдельного или с зависимыми словами): *к слову сказать, между нами сказать, одним словом сказать, по правде сказать, по совести сказать, по чести сказать, правду сказать, с позволения сказать, шутка (ли) сказать* и др. Здесь также позиции членов в одних оборотах строго фиксированные, в других – нет. Абстрактные конструкции сводятся к формуле « $no + S_{\text{дат.}} + \text{сказать}$ »; остальные обороты представляют собой отдельные идиоматические единицы.

В обоих типах конструкций возможна редукция исходного оборота за счет эллипсиса глагольной формы, ср.: *вернее, к слову, (одним) словом, шутка ли*. Благодаря живым лексико-семантическим связям с соответ-

ствующими полными оборотами, они также включены в общую таблицу 2.

Вводные сочетания с инфинитивом могут содержать модальные слова: *можно сказать, надо сказать*. Следует отметить и такие нерегулярные обороты, как *нечего сказать, скажу вам (прямо), прямо скажем, между нами будь сказано, признаться сказать* (устар.) и некоторые другие, которые могут альтернативно трактоваться как вводные слова или вводные предложения. Мы оставляем их на периферии поля в качестве идиоматичных микроконструкций. Результаты рассмотрения представлены в таблице 2.

Следует заметить, что формально-структурные отношения наблюдаются между обобщающими конструкциями «наречие + *говоря*» и «наречие + *сказать*», а также между конструкциями «предложно-падежная форма субстантива + *говоря*» и «предложно-падежная форма субстантива + *сказать*». Возможность такого горизонтального связывания обусловлена тем, что опорные слова соответствующих конструкций образуют видовую пару глаголов.

Таблица 2. Иерархия конструкций с глаголом *сказать*

Table 2. Constructions with the verb *skazat'*

Обобщающие конструкции	Микроконструкции	Редуцированные конструкции	
наречие + <i>сказать</i>	<i>как сказать</i>	—	
	<i>лучше сказать</i>		
	<i>мягко сказать</i>		
	...		
	<i>вернее сказать</i>		<i>вернее</i>
	<i>кстати сказать</i>		<i>кстати</i>
	<i>попросту сказать</i>		<i>попросту</i>
предложно-падежная форма субстантива + <i>сказать</i>	<i>правду сказать</i>	—	
	<i>с позволения сказать</i>		
	...		
	<i>к слову сказать</i>		<i>к слову</i>
	<i>одним словом сказать</i>		<i>одним словом, словом</i>
	<i>шутка (ли) сказать</i>		<i>шутка ли</i>

—	<i>можно сказать</i>	—	
	<i>надо сказать</i>	—	
	<i>нечего сказать</i>	—	
	<i>прямо скажем</i>	—	
	...	—	

Семантические связи между конструкциями

Выше, в таблицах 1 и 2, были представлены иерархические структуры, описывающие вертикальные отношения между исходными сочетаниями (микроконструкциями), образованными от них редуцированными оборотами и обобщающими конструкциями. Теперь можно сделать следующий шаг и связать между собой эти иерархии в единую сеть, или семейство, конструкций посредством выявления их содержательных (семантических) отношений. При этом вертикальные связи удобно интерпретировать в терминах наследования, а горизонтальные семантические связи – в терминах равноправия (ср. упоминавшиеся выше метафорические термины «parent» и «peer» в [Norde]).

Семантические связи представлены отношениями синонимии. Ряд сочетаний с деепричастием *говоря* имеет синонимические обороты с инфинитивом *сказать*, ср.: *кстати говоря* и *кстати сказать*; *попросту говоря* и *попросту сказать*; *проще говоря* и *проще сказать*; *говоря прямо* и *прямо сказать*; *честно говоря* и *честно сказать*. Синонимия обеспечивается се-

мантическим единством опорных лексических единиц исходных сочетаний – членов видовой пары *говорить* и *сказать*. Примечательно, что, по данным НКРЯ, в каждой паре конструкций какая-то одна является предпочтительной, но общего правила нет: в каких-то случаях частотнее оказывается конструкция с инфинитивом *сказать*, в других – с деепричастием *говоря*.

Помимо этого, синонимические отношения существуют между полными и редуцированными сочетаниями, такими как *вообще говоря* и *вообще*; *к слову сказать* и *к слову*; *короче говоря* и *короче*; *по существу говоря* и *по существу*, *собственно говоря* и *собственно* и др. В некоторых случаях синонимические отношения связывают редуцированное вводное слово с оборотами обоих типов, ср.: *вернее говоря* – *вернее сказать* – *вернее*; *к примеру говоря* – *к примеру сказать* – *к примеру*; *кстати говоря* – *кстати сказать* – *кстати*; *по правде говоря* – *по правде сказать* – *по правде*; *точнее говоря* – *точнее сказать* – *точнее* и др. По-видимому, частота употребления эллиптических конструкций выше, чем полных. Однако статистически подтвердить это сложно, поскольку в выдаче результатов НКРЯ по эллиптическим оборотам

может присутствовать шум, а для двусловных сочетаний (*к слову, по правде* и т. п.) функция вводного слова не предусмотрена.

Описанная сеть конструкций не является замкнутым, изолированным фрагментом языковой системы. У отдельных сочетаний имеются семантически близкие выражения, не содержащие в своем составе глаголов *говорить* и *сказать*, ср.: *иначе говоря – иными словами, другими словами; мягко говоря – мягко выражаясь; вообще говоря – в принципе; кстати говоря – между прочим* и т. п. Это внешние семантические связи единиц рассматриваемой группы.

Обсуждение

Специфический синтаксический статус вводных слов, особенности их значения, происхождения и написания обуславливают традиционный интерес к ним со стороны лингвистов. В последние десятилетия этот интерес не только не ослаб, но, наоборот, возрос, что объясняется смещением внимания лингвистов от устройства языковой системы к вопросам функционирования языка, развитием коммуникативных и дискурсивных исследований, становлением корпусной лингвистики. В научных исследованиях вводные слова все чаще упоминаются в контексте их коммуникативной функции как прагматических частиц, дискурсивных маркеров, слов-паразитов и т. п. Опора на достижения компьютерной лингвистики позволяет лингвистам, опираясь на широкий фактический материал, анализировать употребление вводных слов и сочетаний в устном и письменном дискурсе, выявлять тенденции в их развитии, фиксировать возникновение новых единиц. Однако, как правило, исследования имеют атомарный характер, будучи посвящены отдельному вводному слову или группе слов, выделяемым по некоторому формальному или содержательному основанию.

Наше исследование не составляет исключения с точки зрения его предмета, поскольку также ориентировано на вполне определенную группу вводных слов. Новым и, на наш взгляд, плодотворным является привлечение понятийного аппарата грамматики конструкций, что позволило выделить конструк-

ции разной степени обобщенности, объединить их в иерархические структуры, а также связать между собой семантическими отношениями. Выявляя внутреннюю системность соответствующего фрагмента языка, данный подход в то же время показал незамкнутость этой системы, проницаемость формальных границ – за счет эллиптических конструкций, семантически близких оборотов, а также сочетаний, пограничных между вводными словами и предложениями. Тем самым подтверждается важный тезис грамматики конструкций, а именно мысль о том, что язык в целом представляет собой единую сеть конструкций разной степени сложности, в каждой из которых форма и значение связаны друг с другом конвенционально и некомпозиционно.

Заключение

В настоящей работе мы использовали грамматику конструкций в качестве теоретической основы для изучения группы вводных сочетаний с глаголами *говорить* (преимущественно в форме деепричастия *говоря*) и *сказать* (в основном в форме инфинитива) в аспекте их структуры и семантики. Данная статья может считаться примером научного жанра кейс-стади (от англ. *case study* – исследование отдельного случая). В то же время подчеркнем, что ее цель выходит за рамки простой иллюстрации того, как некоторая теория может быть приложена к тому или иному материалу. Проведенное исследование показывает преимущества грамматики конструкций при описании языка: она позволяет выявлять формальные и содержательные связи между отдельными единицами и демонстрирует целостность лексической системы языка.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Перевод с английского наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Замятина Е. С., 2020. Семантико-синтаксическое взаимодействие подчинительных союзов и вводных слов в конструкциях вывода-обоснования : дис. ... канд. филол. наук. М. 276 с.

- Лингвистика конструкций, 2010 / отв. ред. Е. В. Рахилина. М. : Азбуковник. 584 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь, 1990 / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. 685 с.
- Рамазанова Р. З., 2018. Омонимия вводных слов и определенно-личных предложений // Филология и культура. № 1. С. 122–126.
- Русская грамматика. В 2 т. Т. 2. Синтаксис, 1980. М. : Наука. 709 с.
- Скребцова Т. Г., 2010. Грамматика конструкций как лингвистическая теория // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 8. С. 34–45.
- Скребцова Т. Г., 2021. Лексикализованные формы русских перцептивных глаголов как семейство конструкций // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 265–278. DOI: 10.17223/18137083/74/20
- Шаронов И. А., 2018. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 51. С. 58–68. DOI: 10.17223/19986645/51/6
- Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 10. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы, 2014. СПб. : Наука. 776 с.
- Cappelle B., 2006. Particle Placement and the Case for “Allostructions” // *Constructions*. P. 1–28.
- Croft W., Cruse D. A., 2004. *Cognitive Linguistics*. Cambridge : Cambridge University Press. 356 p. DOI: 10.1017/CBO9780511803864
- Goldberg A. E., 1995. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago : The University of Chicago Press. 265 p.
- Norde M. On Parents and Peers in Constructional Networks // *Academia*. URL: https://www.academia.edu/9873697/On_parents_and_peers_in_constructional_networks
- Traugott E. C., 2008a. Grammaticalization, Constructions and the Incremental Development of Language: Suggestions from the Development of Degree Modifiers in English // *Variation, Selection, Development – Probing the Evolution Model of Language Change*. Berlin : Mouton de Gruyter. P. 219–250. DOI: 10.1515/9783110205398.3219
- Traugott E. C., 2008b. “All That He Endeavoured to Prove Was...”: On the Emergence of Grammatical Constructions in Dialogic Contexts // *Language in Flux: Dialogue Coordination, Language Variation, Change and Evolution*. L. : King’s College Publications. P. 143–177.
- Traugott E. C., Trousdale G., 2013. *Constructionalization and Constructional Changes*. Oxford : Oxford University Press. 304 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199679898.001.0001
- Van Bogaert J., 2011. *I think and Other Complement-Taking Mental Predicates: A Case of and for Constructional Grammaticalization* // *Linguistics*. Vol. 49, № 2. P. 295–332. DOI: 10.1515/ling.2011.009
- Van de Velde F., 2014. *Degeneracy: The Maintenance of Constructional Networks* // *Extending the Scope of Construction Grammar*. Berlin : Mouton de Gruyter. P. 141–179.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Алфавитный список вводных слов и выражений // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/punctum/punctum-alphabet>
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Ефремова Е. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Рус. яз., 2001. 863 с.

REFERENCES

- Zamyatina E.S., 2020. *Semantiko-sintaksicheskoe vzaimodeystvie podchinitelnykh soyzuzov i vvodnykh slov v konstruktsiyakh vyvoda-obosnovaniya: dis. ... kand. filol. nauk* [The Semantic-Syntactic Interplay of Conjunctions and Parentheses in Inference-Justification Constructions. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 276 p.
- Rakhilina E.V., ed., 2010. *Lingvistika konstruktsiy* [Construction Linguistics]. Moscow, Azbukovnik Publ. 584 p.
- Yartsev V.N., ed., 1990. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [An Encyclopedic Dictionary of Linguistics]. Moscow, Sov. entsikl. Publ. 685 p.
- Ramazanova R.Z., 2018. Omonimiya vvodnykh slov i opredelenno-lichnykh predlozheniy [The Homonymy of Parentheses and 2nd Person Constructions]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], no. 1, pp. 122–126.
- Russkaya grammatika. V 2 t. T. 2. Sintaksis* [Russian Grammar. In 2 Vols. Vol. 2. Syntax], 1980. Moscow, Nauka Publ. 709 p.
- Skrebtsova T.G., 2010. Grammatika konstruktsiy kak lingvisticheskaya teoriya [Construction Grammar as a Linguistic Theory]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika* [Structural and Applied Linguistics], iss. 8, pp. 34–45.
- Skrebtsova T.G., 2021. Leksikalizovannyye formy russkikh pertseptivnykh glagolov kak semeystvo

- konstruktsiy [Lexicalized Forms of Russian Perception Verbs as a Family of Constructions]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 1, pp. 265-278. DOI: 10.17223/18137083/74/20
- Sharonov I.A., 2018. Semanticheskie i pragmaticheskie aspekty opisaniya vvodnykh slov i kommunikativov [Parenthetical Words and Communicatives: Semantic and Pragmatic Aspects of Description]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 51, pp. 58-68. DOI: 10.17223/19986645/51/6
- Acta Linguistica Petropolitana, 2014. *Acta Linguistica Petropolitana Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovaniy RAN. T. 10. Ch. 2. Russkiy yazyk: grammatika konstruktsiy i leksiko-semanticheskie podkhody* [Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. Vol. 10. Part 2. The Russian Language: Construction Grammar vs. Lexical-Semantic Approaches]. Saint Petersburg, Nauka Publ. 776 p.
- Cappelle B., 2006. Particle Placement and the Case for “Allostructions”. *Constructions*, pp. 1-28.
- Croft W., Cruse D.A., 2004. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press. 356 p. DOI: 10.1017/CBO9780511803864
- Goldberg A.E., 1995. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, The University of Chicago Press. 265 p.
- Norde M. On Parents and Peers in Constructional Networks. *Academia*. URL: https://www.academia.edu/9873697/On_parents_and_peers_in_constructional_networks
- Traugott E.C., 2008a. Grammaticalization, Constructions and the Incremental Development of Language: Suggestions from the Development of Degree Modifiers in English. *Variation, Selection, Development – Probing the Evolution Model of Language Change*. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 219-250. DOI: 10.1515/9783110205398.3.219
- Traugott E.C., 2008b. “All That He Endeavoured to Prove Was...”: On the Emergence of Grammatical Constructions in Dialogic Contexts. *Language in Flux: Dialogue Coordination, Language Variation, Change and Evolution*. London, King’s College Publications, pp. 143-177.
- Traugott E.C., Trousdale G., 2013. *Constructionalization and Constructional Changes*. Oxford, Oxford University Press. 304 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199679898.001.0001
- Van Bogaert J., 2011. *I think* and Other Complement-Taking Mental Predicates: A Case of and for Constructional Grammaticalization. *Linguistics*, vol. 49, no. 2, pp. 295-332. DOI: 10.1515/ling.2011.009
- Van de Velde F., 2014. Degeneracy: The Maintenance of Constructional Networks. *Extending the Scope of Construction Grammar*. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 141-179.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Alfavitnyy spisok vvodnykh slov i vyrazheniy [An Alphabetic List of Parenthetical Words and Expressions]. *Gramota.ru*. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/punctum/punctum-alphabet>
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Efremova E.F. *Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [A Dictionary of Russian form Words]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2001. 863 p.

Information About the Author

Tatiana G. Skrebtsova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Mathematical Linguistics, St. Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9-11, 199034 Saint Petersburg, Russia, t.skrebtsova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7825-1120>

Информация об авторе

Татьяна Георгиевна Скребцова, кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9-11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, t.skrebtsova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7825-1120>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.11>

UDC 81.276.6:79
LBC 81.006.3

Submitted: 11.01.2022
Accepted: 16.05.2022

SYNERGY OF RECREATION THEMATIC DOMINANTS IN NEWS TV DISCOURSE

Maryna A. Gladko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

Abstract. The research paper is devoted to the urgent problem of content change in news discourse as a whole, and informative TV discourse in particular. The article presents the results of a study in combinatorial features of the recreation thematic dominants in the news TV discourse. Frequent nuclear and borderline thematic dominants of positive and negative recreation are identified. Discursive schemes, which reflect the variety of relations that arise between nuclear and borderline themes to implement a recreational function, are built. It has been established that the active combination of recreational themes models special communicative television space in accordance with the emotional aim of receiving pleasure, which is facilitated by verbal explicators of various modes of perception (lexemes with semantics of colour), vocabulary of emotional and aesthetic assessments. An emotional-and-sensual image is revealed to be created in news reports about official events, urban objects. In some cases semantic development is presented with a focus on fashion sphere and description of colour palette of the event by means of units, which belong to semantic fields “Fashion”, “Colour”. The verbal series of thematic dominants of negative recreation is made up of lexical units with the meaning components ‘violence’, ‘instruments of violence’, ‘locations’, ‘love’, ‘interpersonal relations’, ‘struggle’, which reflect the events in personal life of the news story characters.

Key words: television discourse, news discourse, recreation function, thematic dominants, nuclear themes of recreation, borderline themes of recreation.

Citation. Gladko M.A. Synergy of Recreation Thematic Dominants in News TV Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 118-131. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.11>

УДК 81.276.6:79
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 11.01.2022
Дата принятия статьи: 16.05.2022

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ РЕКРЕАТИВНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ТЕЛЕДИСКУРСЕ

Марина Александровна Гладко

Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме содержательного изменения информационного дискурса в целом и информационного теледискурса в частности. Изложены результаты исследования комбинаторных особенностей тематических доминант рекреативности в информационном теледискурсе. Определены частотные ядерные и пограничные тематические доминанты позитивной и негативной рекреативности. Построены дискурсивные схемы, отражающие многообразие отношений, которые возникают между ядерными и пограничными темами, реализующими рекреативную функцию. Установлено, что активное комбинирование тем, эксплицирующих рекреативность, моделирует особое коммуникативное телепространство в соответствии с эмоциональной установкой на получение удовольствия, чему способствуют вербальные экспликативы различных модусов перцепции (лексемы, выражающие семантику цвета), лексика эмоций и эстетической оценки. Показано, что эмоционально-чувственный образ создается в информационных сообщениях об официальных мероприятиях, объектах городского пространства, семантическое развертывание которых в ряде случаев осуществляется с фокусом на фэшн-сферу и описание цветовой палитры

события посредством единиц семантического поля «мода», «цвет». Вербальный ряд тематических доминант негативной рекреативности составляют лексические единицы с компонентами значения «насилие», «инструменты насилия», «локации», «любовь», «межличностные отношения», «борьба», отражающие события личной жизни героев сообщения.

Ключевые слова: телевизионный дискурс, информационный дискурс, рекреативная функция, тематические доминанты, ядерные темы рекреативности, пограничные темы рекреативности.

Цитирование. Гладко М. А. Взаимодействие тематических доминант рекреативности в информационном теледискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 118–131. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.11>

Введение

Телевидение активно формирует глобальное информационное пространство. Являясь инструментом передачи особым образом «препарированной и представленной информации массовому адресату с целью воздействия на него» [Кубрякова, Цурикова, 2008, с. 184], телевидение определяет важность событий, фактов для общественной жизни. Их освещение выдвигает «в центр общественного сознания фрагмент словаря, заключающий в себе понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно» [Шмелева, 1993, с. 33]. В результате, как показано Т.Г. Добросклонской, актуализируется набор регулярно воспроизводимых, мультиплицируемых тем, вокруг которых фокусируется информационное пространство в текущий момент [Добросклонская, 2000]. Их можно назвать тематическими доминантами. Они концентрируют внимание аудитории на актуальных событиях, формируют особые смыслы, значимые для современного общества, реализуют особые функции: информативную, воздействующую, регулятивную. Вместе с тем тематические доминанты актуализируют события, которые, по словам Д. Келлнер, представляют собой необычные, нестандартные повседневные медиаконструкты [Kellner, 2009]. В медиасфере наблюдается активизация рекреативной функции, которая сводится к комплексу функций: гедонистической, развлекательной, досуговой, эскапистской, создания определенного эмоционально-психологического тона, релаксационной, снятия напряжения, психологической разрядки [Федотова, 2014, с. 48]. Реализация рекреативной функции нацелена на создание условий для развлечения, отдыха, снятия напряжения, получения удовольствия, эстети-

ческого наслаждения [Федотова, 2014, с. 48]. Множество функциональных характеристик, по мнению Н.А. Федотовой, обусловлено предпочтительным интересом ученых к разным сторонам многогранного явления рекреации, которое как «зеркало отражает нравы, быт, общественные идеалы» [Федотова, 2014, с. 48].

В дискурсивном пространстве рекреативная функция объективируется, получает статус важного признака медиатекста, который мы назовем рекреативность. Рекреативность – это признак, свойственный медиатексту, запрограммированный на уровне замысла автора, связанный с содержанием знаков различных семиотических систем (вербальных и невербальных), с выбором этих знаков говорящим и восприятием их адресатом в соответствии с коммуникативной интенцией – обеспечением условий для отдыха, развлечения, релаксации, регенерации, эмоциональной встряски зрителя.

Одним из трендов в современном информационном телепространстве является активное его насыщение тематическими доминантами рекреативности – устойчивыми, регулярно воспроизводимыми темами, организующими вокруг себя информационное пространство дискурса. Стремясь удовлетворить потребительские нужды медиааудитории, заинтересованной в рекреации (отдыхе и развлечениях), создатели информационного контента пытаются найти баланс между серьезной, сложной для восприятия информацией и сведениями, нацеленными на организацию условий для отдыха, релаксации, отвлечения от проблем повседневности. По словам Ж. Бодрийяра, «для современного гражданина принуждение к счастью является эквивалентом традиционного принуждения к труду и производству. <...> Это “fun-morality”, или императивный при-

каз развлекаться, использовать до дна все возможности, заставить себя взволноваться, наслаждаться или доставлять удовольствие» [Бодрийяр, 2006, с. 110]. Простота, доступность и развлекательность становятся ключевыми принципами подачи информационного материала [Бичарова, Паршина, 2015, с. 121]. В результате трансформируются представления о способах реализации рекреативной функции в телевизионном пространстве, которые до недавнего времени сводились к ток-шоу, эстрадным концертам, развлекательным сериалам, спортивным соревнованиям и интеллектуальным состязаниям. Так, существенно модифицировался в сторону рекреативной направленности информационный теледискурс. В определении В.С. Григорьевой «информационным... именуется дискурс, целью которого является передача какой-либо информации или содержания» [Григорьева, 2007, с. 169]. Его ключевое лингвистическое качество, как отмечает О.В. Ширяева, – «прямая соотнесенность с референциальной составляющей означаемого, минимально искаженное коннотационными помехами» отображение предмета [Ширяева, 2014, с. 199]. Однако сегодня информация подается в фокусе наиболее ярких, эмоционально насыщенных и впечатляющих моментов как позитивного, так и негативного характера. Одновременно с этим исследователи усматривают в реализации информационного медиатекста своего рода успокоительную функцию: «Новости, мнения, статистические данные должны иметь товарный вид, должны придавать достоверность чему-то, что нужно для упорядочения и успокоения толпы, которая может неожиданно превратиться в дикого зверя» [Менегетти, 2015].

Вместе с тем целесообразно говорить о взаимовлиянии рекреативной и других функций телевидения. Е.П. Прохоров обращает внимание на взаимодействие рекреативных и идеологических функций [Правовые и этические нормы..., 2007]. И.Д. Фомичева, анализируя функцию психического регулирования, отмечает, что она способствует позитивной и активной общественной жизни, готовности к сотрудничеству с другими людьми [Фомичева, 2007, с. 59]. Рекреация служит не только отдыху и развлечению, но и

развитию личности, вкуса, воображения и творческих способностей человека [Бирюкова, 2008, с. 72]. Рекреативная функция в целом способствует активной имплементации других функций, и наоборот [Федотова, 2014, с. 58; Allan, 2004].

При всей важности феномена рекреативности для конструирования медиатекста исследования проводятся преимущественно в ракурсе изучения лингвистических особенностей реализации развлекательного компонента новостных текстов [Ильченко, 2012; Негрышев, 2012; Новикова, 2013; Савицкий, 2010; Сметанина, 2002; Федотова, 2014; Allan, 2004; Partington, 2010]. Вместе с тем информационный текст реализует всю палитру рекреативных функций, чему во многом способствует тематическое многообразие. В лингвистике мало исследованы представления о рекреативности через призму тематических доминант, особенностей их взаимодействия и языковой экспликации в информационном дискурсе. Событийно-содержательный аспект информационного пространства эксплицируется посредством реализующего рекреативные функции тематического каркаса, который моделирует информационный дискурс и определяет направления его развертывания. В связи с этим цель нашего исследования – выявление в информационном теледискурсе комбинаторных особенностей тематических доминант рекреативности посредством описания вербальных средств их экспликации.

Материал и методы

Для достижения поставленной цели используются лингвистические методы: описательно-аналитический, контекстуальный, семантический анализ текста, прием количественных подсчетов. В результате целенаправленной выборки отобраны 500 текстов-репрезентантов информационного теледискурса из фонда Белтелерадиокомпании за период 2015–2022 годов. Анализируемые медиатексты разнообразны, во-первых, по тематической направленности: они посвящены политическим, общественным, экономическим, культурным событиям, природным катаклизмам, криминальным происшествиям; во-вторых, по жанровой принадлежности: в матери-

але представлены репортаж, новостная заметка, новость с комментариями экспертов, интервью, беседа, жизненная история.

Комплексный анализ тематического наполнения каждого информационного текста с последующим обобщением полученных данных и выявлением тем рекреативности информационного дискурса включает тематическое моделирование предложений, выявление ключевых слов как элементов темообразования. Формализация микротем, подтем и тем текстов реализовывалась посредством группировки всех значимых для темообразования лексических единиц в лексико-тематические группы. Далее проведен кластерный анализ тем, реализующих рекреативную функцию.

Результаты и обсуждение

В коммуникативном пространстве информационного дискурса выделены следующие ядерные (стержневые) тематические доминанты рекреативности: 'курьезные, забавные, удивительные события'; 'диковина'; 'эксперимент'; 'праздники'; 'досуг'; 'истории спасения'; 'жизнь страны / города'; 'личная жизнь и пространство людей'; 'преступления, происшествия'; 'катастрофы'. Эти доминанты располагаются на биполярной шкале позитивной – негативной рекреативности. Темы в зоне позитивной рекреативности: 'курьезные, забавные, удивительные события'; 'диковина'; 'эксперимент'; 'праздники'; 'досуг', – нацелены преимущественно на создание условий для отдыха, развлечения, интересного проведения досуга с получением некоторых сведений о происходящем в стране / мире. Ядром тематических доминант, находящихся в зоне негативной рекреативности: 'преступления, происшествия', 'катастрофы', 'истории спасения', – становятся события, связанные с негативной стороной жизни: смерть, страдания, преступность, жестокость, насилие.

В настоящем исследовании на основе положения Т. ван Дейка о возможности отображения информационной организации текста в виде дискурсивных схем [Dijk, 1999, p. 34] построены дискурсивные схемы, которые отражают многообразие отношений, возникаю-

щих между разными рекреативными доминантами, а также пограничными темами в информационном дискурсе. Рекуррентность комбинаторики данных доминант рекреативности демонстрирует способы отражения событий / трансляции информации в информационном дискурсе.

Результаты анализа позволили распределить все выявленные темы по двум группам: стержневые (ядерные) и пограничные с учетом разнородных количественных и семантических показателей (функционирование в составе главной темы и подтем текстов) экспликации тем в информационном дискурсе. Доминанты, имеющие наибольшие количественные показатели представленности в дискурсе (50–100 %), относятся к ядерному (стержневому) кластеру; доминанты, имеющие наименьшие показатели (49 % и ниже), – к пограничному.

Взаимодействие тем рекреативности, являясь избирательным с точки зрения авторов текстов, приобретает устойчивый характер в рамках дискурса, обнаруживая тем самым закономерности его тематической организации. Тематические доминанты рекреативности избирательно комбинируются с пограничными темами. Их совместная реализация находит отражение в использовании одних и тех же лексических единиц для языкового воплощения разных тем в информационном дискурсе. Изучение комбинаторных особенностей тематических доминант рекреативности позволило построить дискурсивные тематические схемы, отражающие как наиболее, так и наименее типичные, устойчивые связи между всеми выявленными доминантами рекреативности.

Тематические комбинации позитивной рекреативности в информационном дискурсе

Взаимодействие тематических доминант позитивной рекреативности между собой и с другими темами схематично представлено на рисунке 1. Красный цвет стрелок маркирует наибольшую (зафиксирована в 50 % случаев и больше) рекуррентность сочетания тем; синий цвет – от 49 % до 20 % зафиксированных случаев; черный цвет – от 19 % и ниже.

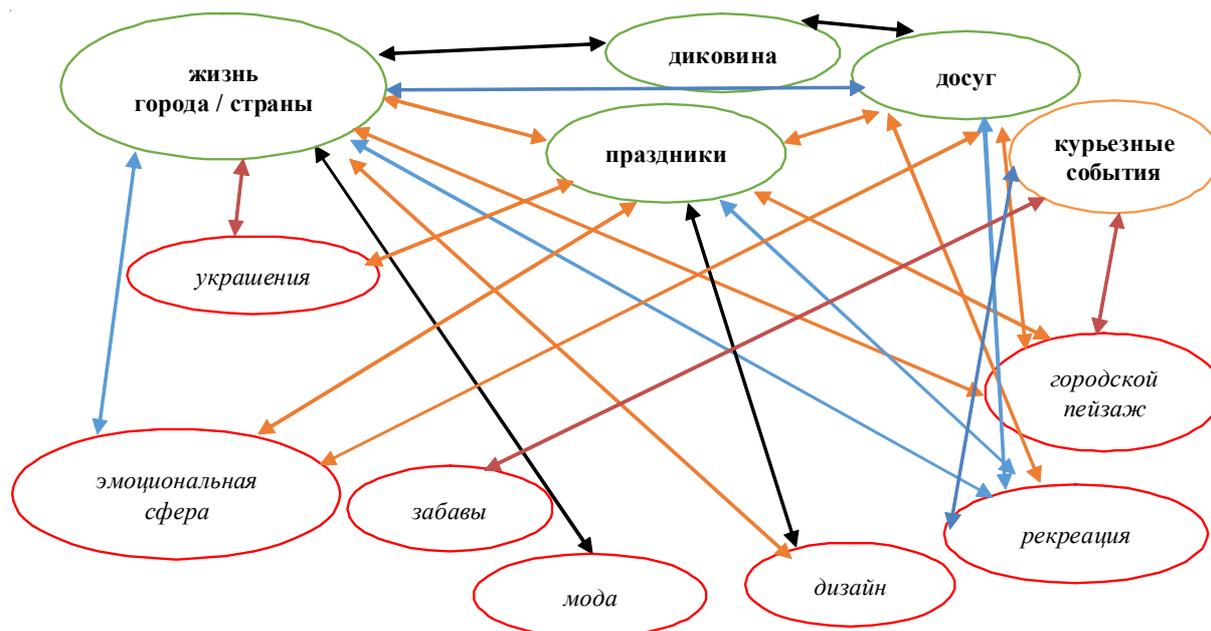

Рис. 1. Дискурсивная тематическая схема доминант позитивной рекреативности в информационном теледискурсе

Fig. 1. Discourse thematic scheme of positive recreation dominants in news TV discourse

К наиболее востребованным (частотно вербализованным) тематическим доминантам информационного дискурса относятся: ядерные доминанты ‘жизнь города / страны’ (зафиксирована в 39 %, охватывает события в сферах общественно-политической, социально-экономической, деловой жизни общества, транспорта, жилья), ‘праздники’ (12 %), ‘досуг’ (25 %); пограничные доминанты, раскрывающие каждую ядерную доминанту в группе: ‘эмоциональное состояние’, ‘украшения’, ‘городской пейзаж’. Охарактеризуем функционирование этих доминант в информационном дискурсе подробнее.

Ядерные тематические доминанты рекреативности: ‘жизнь страны / города’, ‘праздники’, ‘досуг’ – реализуются совместно с пограничными темами: ‘украшения’, ‘городской пейзаж’, ‘мода’, ‘дизайн’, ‘отдых / рекреация’ и ‘эмоциональное состояние’. Их совместное развертывание конструирует сюжетно-тематическую структуру информационного дискурса. Вхождение этих тем в коммуникативное пространство информационного телевидения приводит к созданию праздничного настроения в тексте. При этом если такая тональность ожидаема и логична при освещении праздничных событий, то при репрезентации жизни го-

рода или страны (актуальных вопросов сферы транспорта, жилищного фонда, бизнеса), занятий спортом, деловых, официальных мероприятий она может показаться неожиданной. Жизнь города во всех ее сферах – деятельность бизнеса и жителей города, транспорт, жилье – получает отражение через дескрипцию украшений (тема ‘украшения’), красочности дизайнерского оформления объектов (тема ‘дизайн’). Соответственно, явно прослеживается имплицитная идея яркости и красочности жизненного пространства медиааудитории. Активное комбинирование тем рекреативности моделирует особое коммуникативное телепространство в соответствии с эмоциональной установкой на получение удовольствия. Наблюдается явная реализация коммуникативного гедонизма в репрезентации событий и фактов действительности.

Сообщения о строительстве домов (для бизнес-целей, медицинских целей, для проживания жителей), выходе нового вида транспорта неизменно сопровождаются обращением к сенсорно-чувственному восприятию:

(1) Пиксели же Футуриса (наименование высотного здания в центре города. – М. Г.) поддерживают **16 миллионов оттенков**. Лучше всего это за-

метно в темное время суток. Настоящий **дом-телевизор** высотой 100 метров. Замечательно здесь устроился. Он и **украсил** часть города, въезд в город из аэропорта, что очень важно. Одно из **ощущений** общее складывается о Минске. Это **импозантное, красивое здание, стильное** здание («Твой город», 10.03.2019).

Городское пространство представлено в текстовом континууме экспликаторами различных модусов перцепции. Среди них преобладает группа слов, обозначающих: восприятие лексем с семантикой «цвет» и «яркость» (*яркий, насыщенный бордовый, золотистый*), «эмоции» (*ощущать, чувствовать*), эстетическую оценку (*красивый, стильный*). Вербальный ряд неизменно усиливается яркой, красочной визуальной картинкой, например, зданий, переливающихся разными красками и их оттенками, украшенных необычным граффити и т. д.

Сочетание тем рекреативности все чаще используется для транслирования идеи праздника как цели труда, эмоционального вознаграждения за тяжелую работу. Репрезентация общественных мероприятий, например субботника, собравшего несколько десятков жителей города, реализует идею праздника за счет семантического отображения радостно-приподнятого эмоционального состояния участников, кадров улыбающихся участников в процессе работы, красивых ярких пейзажей, залитых солнечным светом, моделирующих позитивный эмоциональный фон:

(2) Это просто **очень приятно** собраться рано утром. Это как зарядка какая-то мусоросжигательная. <...> Даже самой **на душе приятно становится**, когда ты убираешь и знаешь, что ты чем-то помог городу («Твой город», 25.03.2019).

Вербальная экспликация эмоционального состояния через эмотивные лексем, подкрепленная соответствующим видеорядом (улыбающиеся люди), нацелена на передачу настроения, впечатления.

Экпликация идеи получения удовольствия от выполняемой деятельности тиражируется в презентации досуговой тематики (занятие спортом, рекреативные возможности в городе / стране), а также общественно, социально и экономически значимых событий. Данные медиатопики активно взаимодейству-

ют с пограничной темой ‘эмоциональное состояние’, которая получает как вербальную, так и активную невербальную экспликацию в информационном дискурсе:

(3) **Любовь к спорту** прививали с детства. Сейчас у нас активно развивается такой вид спорта, как гонки с препятствиями. Там я нашел себя и смог добиться определенных результатов. <...> **Я очень горжусь** тем, что я пробежала оригинальный марафон («Твой город», 04.06.2020);

(4) Вообще **люблю работать, люблю выращивать** хлеб. Смотришь на этот хлеб, **душа радуется, как убираешь** («Новости. Центральный регион», 18.07.2021).

Гедонистический эффект создается посредством совмещения вербального текста и изображения, выполняющего комплементарную функцию. Кадры счастливого, улыбающегося героя на фоне чудесных пейзажей города или природы дополняют вербальную составляющую. В результате формируется целостная картина, идея, которую зрителю предлагается самостоятельно интерпретировать, опираясь на емкие образы – получение удовольствия от выполняемой деятельности, труда.

Пробуждению заинтересованности, эмоций, притягивающих внимание к жизни страны и сограждан, служат частотные тематические взаимодействия рекреативной темы мода с медиатопиками ‘культурные события’, ‘деловые мероприятия’, ‘транспорт’, ‘жилье’. Эмоционально-чувственный образ создается для официальных мероприятий, объектов городского пространства, которые в ряде случаев представляются в семантической «развертке» с фокусом на фэшн-сферу и описание цветовой палитры события. Так, репортаж о выпускном бале начинается с развертывания темы ‘мода’:

(5) **Неповторимые образы для дефиле по красной ковровой дорожке** выпускницы продумали заранее. В будущем маркетолог, **свой лук** она доверила профессионалам («Твой город», 15.06.2020).

Сообщение о строительстве новых домов, в целях привлечения внимания, также фокусируется на сфере моды:

(6) По-своему аутентичный тренд развивается и в архитектуре 21 века. **В вышиванках**, кроме одеж-

ды автомобилей или предметов интерьера, **теперь модный тренд и на минских новостройках. Стильную вышиванку** легко найти в торговых центрах, но вот на домах – нет («Твой город», 18.07.2017).

Ключевым языковым экспликаторм становятся денотаты семантического поля «мода»: *тренд, стиль, лук, образ, стильный, модный, в тренде моды*. В этом случае из конкретного события вычлняются некоторые характеристики, акцентирующие фрагменты ситуации, важные для построения определенной концепции: демонстрация многообразия жизни, яркости, необычности и красочности, особого «стиля» событий (интересных, захватывающих разнообразием, красочностью).

Репрезентация деловых, экономических и общественно-политических медиатопиков в информационном дискурсе осуществляется совместно с транспортировкой в дискурс невербальных семиотических кодов, способных реализовывать рекреативную функцию. Визуализация прекрасных сезонных (летних, зимних и т. д.) урбанистических пейзажей (тема *рекреация*), повышенное внимание к деталям, цветовому оформлению интерьера (тема *дизайн*), в котором проводятся интервью или описываемые мероприятия, изображения улыбающихся людей представляют своего рода концентрат рекреативности на фоне вербальной констатации фактов без нагрузки коннотациями, прямой соотнесенности с референциальной составляющей содержательной стороны языковых знаков, репрезентирующих событие. Дополнительные мировоззренческие смыслы, выраженные экстралингвистическим способом – посредством периферийных рекреативных тем ‘городское пространство’, ‘дизайн’, ‘рекреация’ (отдых, развлечение), направлены на формирование картины мира зрителя, его системы ценностей. Так, активно мультиплицируются идеи праздничного городского, общественного пространства, счастливой жизни населения, яркого, разнообразного природного и городского пространств.

Реализация ядерной доминанты ‘жизнь города / страны’ в комбинации с пограничной темой ‘рекреация’ через темы ‘природа’, ‘еда’ в информационном дискурсе перестает играть второстепенную роль. Так, представляя возможности проведения досуга в городе летом или зимой, особенности организации и проведения спортивных и общественных меропри-

ятий, автор описывает красоту парков, водоемов; на экране сменяются кадры захватывающих пейзажей, ландшафтов и т. д. Кулинарная тема, вкрапливаемая в ткань информационного текста (репрезентирующего официальные деловые, спортивные, культурные мероприятия), отражает не только современный тренд массмедиа – «эстетизацию базовых потребностей», но и становится инструментом создания образа, атмосферы события и обогащения сюжета. Трактую еду как символ комфорта, гостеприимства и благоденствия, авторы медийных публикаций предлагают зрителю полноценную картину богатой атмосферы празднования или благополучия. Подробные вербальные дескрипции и визуализация оформления стола часто нацелены на то, чтобы позволить зрителю живее представить обстановку и атмосферу мероприятия:

(7) До старта Вторых Европейских игр в Минске осталось всего 145 дней, поэтому организаторы уже сейчас оттачивают все нюансы, особое внимание питанию спортсменов. Чтобы удовлетворить все **гастрономические запросы, у них будут блюда итальянской, азиатской, европейских кухонь, также вегетарианское меню, кошерные и халяльные продукты**. В спортивной деревне на проспекте Дзержинского **завтракать, обедать и ужинать** будут. <...> У нас предусмотрена такая опция, как организация **белорусской кухни**. <...> **Помимо наших драников, нашей мочанки, нашей бабки, у нас даже есть такие специфические блюда, как бургер-драники с селедкой или бургер-драник с курицей** («Твой город», 28.01.2019).

В центр внимания зрителя выдвигается многообразие блюд, вербализуемое посредством интенсивно вкрапливаемых лексических единиц кулинарно-гастрономической семантики. Они принадлежат разным лексико-семантическим группам: ‘напитки’; ‘ингредиенты, необходимые для приготовления блюд’; ‘закуски’; ‘первые, вторые блюда’; ‘десерты’; ‘гарниры’. Скрупулезное, детализированное описание еды, фокус на необычные блюда можно определить как ответ на актуальные информационные ожидания части современной медиааудитории телевидения, ориентированной на получение развлекательных, удивляющих и забавляющих сведений.

Тематические доминанты ‘праздники’, ‘курьезные события’ (зафиксированы в 19%), ‘ди-

ковина' (5 %) имеют специфическую тематическую организацию. Большинство взаимодействий доминанты 'праздники' в информационном дискурсе приходится на темы 'украшения', 'эмоциональное состояние', 'забавы / развлечения'; 'курьезные события' – на пограничную тему 'забавы / развлечения'. Это обусловлено интенцией автора сообщения передать соответствующую атмосферу события. Например:

(8) Дети и взрослые поучаствуют в **интерактивных играх**. Это, например, **угадывания, угадывания** самолетов не только советских, но и немецких. Такая **игра** будет проводиться – это раскладывание партизанских костров, рядом спортивные старты («Твой город», 25.06.2018);

(9) **Все в шариках. Всем очень весело. Дети смеются**, и это самое главное для родителей. **Мы счастливы**, что живем в такой стране («Главный эфир», 29.08.2021).

Смещение представления событий в сторону рекреативности особенно заметно в случае репрезентации праздничных событий, развлечений. Занимательная, легкая и зрелищная подача происходящего осуществляется посредством слов и словосочетаний с семантикой «праздник»: *праздничный, праздник, вечеринка, именинник, фейерверк, украшения* и т. д.; «развлечение»: *развлечение, развлекательная программа*; «рекреативная активность»: *прогулки на свежем воздухе, покататься на лыжах* и т. д.; «цвет»: *яркие краски, холодные оттенки, насыщенный бордовый*.

Вместе с тем насыщающая текст идеологическая модальность обуславливает комбинаторику тем 'праздники' и 'социальная / общественная значимость'. В одном ассоциативном ряду даны описание праздничных мероприятий, локаций, убранства города и экспликация социальных ценностей. Например:

(10) **Единство, гражданственность, патриотизм**. В атмосфере праздника Копыль готовится ко дню белорусской письменности, дажынкам («Новости региона», 29.08.2021).

Вербальными маркерами прагматического воздействия становятся ценностно значимые лексические единицы: *патриотизм, единство, права, свобода*, объединение которых в один ряд призвано реализовать идеологическую функцию информационных текстов.

Таким образом, рекреативная тематическая организация информационного дискурса нацелена не только на создание возможностей для совмещения полезного просмотра и отдыха, отвлечения (эскапизма), но и на трансформацию содержания события: острые вопросы отходят на второй план и/или дополняются дополнительными рекреативными элементами события, которые превращают его в эмоционально насыщенное, торжественное или праздничное. Серьезные общественно-политические, экономические вопросы представляются с элементами театральности, шоу. Главным становится демонстрация идей праздника, гедонизма, радости и красочности жизни. Они активно маркируются в информационном телепространстве вербально, визуально и аудиально.

Тематические комбинации негативной рекреативности в информационном дискурсе

Взаимодействие тематических доминант негативной рекреативности между собой и с другими темами схематично представлено на рисунке 2.

Наибольшее количество комбинаций с различными пограничными рекреативными темами демонстрирует тематическая доминанта 'преступления, происшествия' (46 %) + 'глупость / абсурдность поведения', 'насилие', 'смерть', 'отношения (любовь, дружба)', 'семья / дети'. В центр информативного поля помещаются не только и не столько объективные сведения о преступлении (участники, действие, место, причина и т. д.), сколько дополнительные детали, эксплицирующие семиотико-прагматические идеи о жестокости и/или глупости преступника, манипулировании любовью или дружбой в корыстных целях либо для оправдания своих действий:

(11) **Амурные дела завели 49-летнего минчанина слишком далеко**. Тесное знакомство с нарядом милиции мужчина обеспечил себе целой чередой событий. Причем протекали они то вяло, то ускоряя темп на протяжении нескольких часов. Первым пунктом стал конфликт с водителем такси. <...> Долго играть в кошки-мышки с правоохранителями не получилось. Они достаточно быстро раскусили коварные планы и взяли злоумышленника. По словам матери задержанного, **все дело в нераз-**

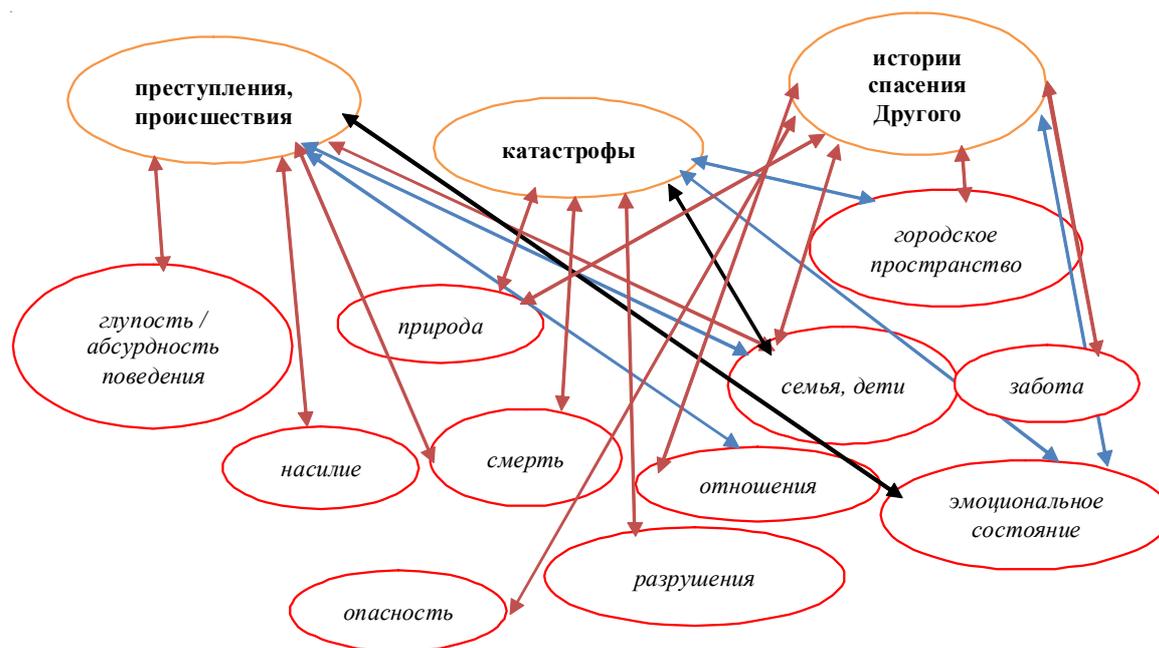

Рис. 2. Дискурсивная тематическая схема доминант негативной рекреативности в информационном теледискурсе

Fig. 2. Discourse thematic scheme of negative recreation dominants in news TV discourse

деленной любви, мол, сын трудно переживает разрыв с дамой сердца («Зона Х». 29.06.2017).

Интерпретация причин преступного поведения транслируется с фокусом на «амурные» проблемы, соседские или семейные отношения, то есть на то, что дает возможность заглянуть за кулисы личной жизни героя сообщения. В центр внимания попадают лексические репрезентанты семантики «любовь», «отношения», «борьба»: *дама сердца, ссора, соседские отношения, соседские войны* и т. д.

Потребителю информации представляется разветвленная тематическая система, призванная реализовать две цели: во-первых, возбудить негативное отношение или жалость, сочувствие к участникам преступления и их действиям, продуцировать тревогу (в отличие от тем позитивной рекреативности, редуцирующих тревогу), то есть будоражить эмоции посредством актуализации шокирующих деталей; во-вторых, увлекать и развлекать.

При реализации первой цели в фокус сообщения выдвигаются ошеломляющие факты жестокости, насилия над людьми, которые детализируют событие. Например:

(12) Журналист: Жуткая новость из небольшого города на севере страны шокировала не только самих жителей, но и всех белорусов. **Погиб маленький ребенок.** А в течение нескольких часов в этой истории появилось слово убийство. <...> После того, как специалисты осмотрели дом и прилегающую территорию, жуткая правда. Ребенка нашли, но он мертв. Скоро исследователи пояснили – гибель малыша имеет признаки криминального характера. **Именно в этом гараже на Борисовском тракте** было обнаружено тело маленького Ярослава. **Труп ребенка был спрятан в диван.** Местные, которые видели, как мать мальчика выходила из дома уже в сопровождении милиционеров, отмечают – **в ее глазах не увидели слез.** <...> По словам соседок пара снимала этот дом примерно в октябре прошлого года, точно никто сказать не может.

Сожитель обвиняемой: **Она была нелюдима. Я с ней виделся уже давно.**

Журналист: **Но точный срок мужчина не называет.**

Сожитель обвиняемой: **Ну, общаться хотел. Да только экс-супруга якобы против была.** <...> **Три месяца ребенку было, она ему руку сломала** («Итоги недели. Зона Х», 31.05.2019);

(13) Вывезли на **кладбище** и заставили **копать могилу.** С другим и вовсе в центре города решили вопрос **битами** («Итоги недели. Зона Х», 29.01.2018).

В примере (12) тематическая доминанта ‘преступления, происшествия’ разворачива-

вается темами ‘семья’, ‘отношения’, ‘насилие’, призванными концентрировать внимание зрителя на дополнительных деталях, продуцирующих негативный эмоциональный настрой. В примере (13) вербальный ряд составляют лексические единицы, в контексте выражающие значение «насилие»: *труп, тело, ударить, изувечить*; «инструменты насилия»: *биты, лопата, топор, провод*; «локации»: *кладбище, яма*; «насильственные действия»: *заставили*. Визуализация ужасных условий, образа жизни героев сообщения (нетрезвые соседи / друзья, облупленные стены квартир, мрачные, захлапленные комнаты и т. д.) направлена на усиление прагматического воздействия.

При реализации второй цели – увлекать и развлекать – репрезентация событий осуществляется через карнавализацию, стержневой категорией которой, согласно М.М. Бахтину, является смеховое начало [Бахтин, 1990], связанное «с собственно комической оценкой действительности» [Загибалова, 2008, с. 164]. Иронический эмотивно-экспрессивный слой сообщения, как правило, реализует определенный смысл в развертывании тематической доминанты ‘преступления, происшествия’. Смещая фокус представления события на высмеивание глупости, нелепости поведения преступника, вовлекая зрителя в любовные перипетии, странные соседские отношения, приводящие к преступлению, автор материала предполагает, что одновременно с развлечением зритель осудит преступные, часто глупые действия участников события:

(14) Именинник заскучал пока все спали и уехал кататься на автомобиле своего гостя. <...> История из Дрогичинского района. В милицию обратился владелец машины Ауди А6 и сообщил, что его транспорт угнали. Мужчина объяснил, что приехал в соседнюю деревню к другу на день рождения. <...> Оказалось, что после того, как гости уснули, **именинник** достал из куртки знакомого ключи от автомобиля и **уехал кататься**. Но с управлением нетрезвый шофер не справился и съехал на обочину. После этого водитель **пересел на пассажирское сиденье и уснул** («Зона Х», 16.03.2020).

Вербализация темы ‘глупость / абсурдное поведение’ осуществляется преимущественно за счет использования:

– глаголов действия, глаголов действия + локативных существительных и существительных, номинирующих инструмент: *спрятались на стеллажи для хлебных продуктов; упаковал коробки (с сигаретами) и перевязал их скотчем*, которые характеризуют нелогичное, нелепое и противоречащее здравому смыслу поведение; интерпретационных глаголов и идиом: *раскусили, залечь на дно, решил не испытывать судьбу, играть в кошки-мышки с правоохранителями*;

– дескриптивных лексем – прилагательных и наречий, номинирующих состояние, качество действия: *нелепо, глупо, глупый, неудавшийся, напуганный*;

– номинаций главного героя-преступника: *курильщик, именинник, любовник, молодой ворюшка, дебошир*, призванных развлечь зрителя, вызвать улыбку;

– цепочек количественных числительных, часто в сочетании с локативными существительными, в целях акцентирования нестандартности поведения для моделирования удивления, например:

(15) В Островецком районе мужчина **хранил в своем доме почти сто тысяч пачек сигарет**. <...> **100 тысяч пачек**. <...> Такое количество табачных изделий обнаружила финансовая милиция. <...> В своем жилище мужчина хранил контрафактный товар на сумму **свыше семисот миллионов рублей** («Зона Х», 05.04.2016).

Большинство взаимодействий ядерной доминанты ‘истории спасения’ (зафиксирована в 31 %), представляющей опасные ситуации, в которые попадают обычные граждане, в информационном дискурсе приходится на пограничные доминанты рекреативности ‘эмоциональное состояние’, ‘насилие’, ‘опасность’, ‘отношения’, ‘семья / дети’, ‘забота’, ‘природа’, ‘городское пространство’. Их совместное развертывание в текстовом пространстве дает возможность зрителю реализовать любопытство к несчастьям ближнего, отождествить эмоции, острые переживания от телезрелища с переживаниями, испытываемыми в реальности. Истории спасения людей репрезентируются на экране как захватывающий художественный фильм с комментариями автора, участников спасательных операций, повышающими степень достоверности историй. Текст в начале

передачи подготавливает зрительскую аудиторию к просмотру увлекательного кино, ассоциируя его с художественными фильмами, построенными на реальных событиях, например:

(16) Основано на реальных событиях. Имена некоторых участников изменены. Совпадения с реальными людьми являются случайными («Истории спасения», 01.03.2020).

Одновременно с этим слова и словосочетания, номинирующие взаимодействие героев, характер отношений: *дружба семей, дружат, ссорятся, не заладилось общение, поругались, избивал, издевался* – представляют реалии семейной жизни, соседских или семейных отношений:

(17) Спокойной и размеренной жизнью живет маленький городок. Здесь **привычно называть друг друга не по имени, а по отчеству**. Большинство населения пожилые и престарелые люди. <...> К бабушке участковый приходит каждый месяц с тех пор, как у нее **не заладилось общение с соседом**. <...> Там с другой стороны дома расположен ее счетчик газовый, и сосед завязал калитку, чтобы она, не было доступа у нее к этому счетчику. Пожилая женщина: Он **грозил мне, говорил выгоню** («Истории спасения», 26.07.2020).

Повествование об обстоятельствах события сопровождается тщательно отобранными невербальными компонентами (видеоряд, звуковой ряд), которые коррелируют с вербальным компонентом комплементарно (дополняют вербальный компонент, создавая общую картину события) или интерпретативно (актуализируют ассоциативные связи вербального и невербального компонентов). Сочетание зрительного и звукового образов становится художественно мотивированным: нагнетающее напряжение музыкальное сопровождение акцентирует опасные эпизоды произошедшего; кадры великолепных, освещенных ярким солнечным светом мест в лесу, пейзажей городского пространства подчеркивают естественную схожесть фильма и жизни. Основная цель обращения к рекреативным темам в этом случае – завладение вниманием зрителя посредством эмоционального воздействия и обеспечение таким образом привлекательности контента.

Заключение

Основные выводы статьи сводятся к следующему:

1. Тематическое многообразие информационного теледискурса инкорпорирует ядерные и пограничные темы текстов, реализующих рекреативную функцию. Их перечень сводится к конечному списку тематических доминант устойчивых, регулярно воспроизводимых тем, организующих вокруг себя информационное пространство дискурса. Установление ядерных и пограничных зон тематической организации информационного дискурса, особенностей их комбинаторики позволяет выявить закономерности репрезентации событий или фактов действительности в коммуникативном телепространстве.

2. Наиболее рекуррентными становятся комбинации ядерных тематических доминант с пограничными 'эмоциональное состояние', 'городское пространство', 'природа', способствующими воссозданию ситуаций, в которые может попасть обычный человек, демонстрирующих эмоции, возникающие у людей в определенных обстоятельствах, и/или возможные эмоциональные реакции.

3. Активное комбинирование тем рекреативности моделирует особое коммуникативное телепространство в соответствии с эмоциональной установкой на получение удовольствия, чему способствуют вербальные экспликативные различия модусов перцепции (лексемы с семантикой «цвет» и «яркость»), лексика эмоциональной и эстетической оценок, семантических полей «мода», «цвет», «еда».

4. Негативная рекреативность разворачивается посредством комбинаций тематических доминант соответствующей тональности и пограничных тем 'семья', 'межличностные отношения', 'насилие', призванных концентрировать внимание зрителя на дополнительных деталях, продуцирующих негативный эмоциональный настрой. Наряду с негативно заряженными лексемами активно задействуются интерпретационные глаголы и идиомы, дескриптивные лексемы и номинации для описания участников событий; лексические репрезентанты семантики «любовь», «отношения», «борьба». В совокупности они репрезентируют иронический эмотивно-экспрессивный слой сообщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М., 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит. 543 с.
- Бодрийяр Ж., 2006. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Культ. революция : Республика. 269 с.
- Бирюкова А. В., 2008. Рекреационная деятельность как социальный процесс // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. № 32 (70). С. 71–74.
- Бичарова М. М., Паршина М. В., 2015. Место рекреативных жанров в системе массово-информационного дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. № 6 (101). С. 120–127.
- Григорьева В. С., 2007. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов : Изд-во ТГТУ. 287 с.
- Добросклонская Т. Г., 2000. Вопросы изучения медиатекстов. М. : МГУ. 288 с.
- Загибалова М. А., 2008. Смеховое начало как стержневая категория карнавальности в концепции М. М. Бахтина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. № 1 (7). С. 162–165.
- Ильченко С. Н., 2012. Шоу-цивилизация: конец реальности? СПб. : ИВЭСЭП. 198 с.
- Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В., 2004. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; отв. ред. М. Н. Володина. В 3 ч. Ч. 2. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 126–159.
- Менегетти А., 2015. Система и личность. URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=50473
- Негрышев А. А., 2012. Интерпретация действительности в новостях СМИ: некоторые приемы на уровне композиции текста // Медиаскоп. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1071>
- Новикова А. А., 2013. Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики. 236 с.
- Правовые и этические нормы в журналистике, 2007 / сост. Е. П. Прохоров. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс. 255 с.
- Савицкий В. А., 2010. Игровая технология в современных средствах массовой коммуникации // Медиаскоп. № 2. URL: <http://mediascope.ru/игровая-технология-в-современных-средствах-массовой-коммуникации>

- Сметанина С. И., 2002. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб. : Изд-во Михайлова В.А. 384 с.
- Федотова Н. А., 2014. Рекреативные функции СМИ. Минск : БГУ. 106 с.
- Фомичева И. Д., 2007. Социология СМИ. М. : Аспект Пресс. 335 с.
- Ширяева О. В., 2014. Специфика информационного медиадискурса (на материале деловой прессы) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 4. С. 197–203.
- Шмелева Т. В., 1993. Ключевые слова текущего момента // Colloquium. № 1. С. 33–41.
- Allan S., 2004. News Culture. Buckingham : Open University Press. 235 p.
- Dijk T. A. van, 1999. Discursive Analyses of News // A Handbook of Qualitative Methodologies for Mass Media Research. Vol. 5. P. 32–37.
- Partington A., 2010. Modern Diachronic Corpus Assisted Discourse Studies on UK Newspapers: An Overview of the Project // Corpora. Vol. 5, iss. 2. P. 83–108.
- Kellner D., 2009. Media Spectacle and Media Events: Some Critical Reflections // Media Events in a Global Age. URL: https://pages.gseis.ucla.edu/faculty/kellner/essays/2009_Kellner_Media_EventsJulyFINAL.pdf

REFERENCES

- Bakhtin M.M., 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovya i Renessansa* [The Work of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozh. lit. Publ. 543 p.
- Baudrillard J., 2006. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer Society. Its Myths and Structures]. Moscow, Kult. revolutsiya Publ., Respublika Publ. 269 p.
- Biryukova A.V., 2008. *Rekreacionnaya deyatelnost kak sotsialnyy protsess* [Recreational Activity as a Social Process]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 32 (70), pp. 71-74.
- Bicharova M.M., Parshina M.V., 2015. *Mesto rekreativnykh zhanrov v sisteme massovo-informatsionnogo diskursa* [The Place of Recreational Genres in the System of Mass Information Discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of

- Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences], no. 6 (101), pp. 120-127.
- Grigorieva V.S., 2007. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Discourse as an Element of the Communicative Process: Pragmalinguistic and Cognitive Aspects]. Tambov, Izd-vo TGTU. 287 p.
- Dobrosklonskaya T.G., 2000. *Voprosy izucheniya mediatekstov* [Questions of Studying Media Texts]. Moscow, MGU. 288 p.
- Zagibalova M.A., 2008. Smekhovoye nachalo kak sterzhnevaya kategoriya karnavalnosti v kontseptsii M. M. Bakhtina [Laughter Beginning as a Pivotal Category of Carnival in the Concept of MM Bakhtin]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nyye tekhnologii* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies], no. 1 (7), pp. 162-165.
- Ilchenko S.N., 2012. *Shou-tsvivilizatsiya: konets realnosti?* [Show Civilization: The End of Reality?]. Saint Petersburg, IVESEP. 198 p.
- Kubryakova E. S., Tsurikova L.V., 2004. Verbal'naya deyatel'nost' SMI kak osobyiy vid diskursivnoy deyatel'nosti [Verbal Activity of the Media as a Special Kind of Discursive Activity]. *Yazyk SMI kak obyekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. V 3 ch. Ch. 2* [Media Language as Object of Interdisciplinary Research. In 3 Pt. Pt. 2]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 126-159.
- Meneghetti A., 2015. *Sistema i lichnost* [System and Personality]. URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=50473
- Negryshev A.A., 2012. Interpretatsiya deystvitel'nosti v novostyakh SMI: nekotoryye priyemy na urovne kompozitsii teksta [Interpretation of Reality in Media News: Some Techniques at the Level of Text Composition]. *Mediascope* [MediaScope], no. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1071>
- Novikova A.A., 2013. *Televizionnaya realnost: ekrannaya interpretatsiya deystvitel'nosti* [Television Reality: On-Screen Interpretation of Reality]. Moscow, Izd. dom Vysh. shk. ekonomiki. 236 p.
- Prokhorov E. P., ed., 2007. *Pravovyye i eticheskiye normy v zhurnalistike* [Legal and Ethical Standards in Journalism]. Moscow, Aspect Press Publ. 255 p.
- Savitskiy V.A. Igrovaya tekhnologiya v sovremennykh mass media [Game Technology in Contemporary Mass Media]. *Mediascope* [Mediascope], no. 2. URL: <http://mediascope.ru/игровая-технология-в-современных-средствах-массовой-коммуникации>
- Smetanina S.I., 2002. *Media-tekst v sisteme kultury. Dinamicheskiye protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka* [Media Text in the System of Culture. Dynamic Processes in the Language and Style of Journalism at the End of the 20th Century]. Saint Petersburg, Izd-vo V.A. Mikhailov. 384 p.
- Fedotova N.A., 2014. *Rekreativnyye funktsii SMI* [Recreational Functions of the Media]. Minsk, BGU. 106 p.
- Fomicheva I.D., 2007. *Sotsiologiya SMI* [Sociology of Mass Media]. Moscow, Aspect Press Publ. 335 p.
- Shiryaeva O.V., 2014. Spetsifika informatsionnogo mediadiskursa (na materiale delovoy pressy) [Specificity of Information Media Discourse: (Based on the Material of the Business Press)], *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences], no. 4, pp. 197-203.
- Shmeleva T.V., 1993. Klyuchevyye slova tekushchego momenta [Key Words of the Current Moment]. *Collegium*, no. 1, pp. 33-41.
- Allan S., 2004. *News Culture*. Buckingham, Open University Press. 235 p.
- Dijk T. A. van, 1999. Discursive Analyses of News. *A Handbook of Qualitative Methodologies for Mass Media Research*, vol. 5, pp. 32-37.
- Partington A., 2010. Modern Diachronic Corpus Assisted Discourse Studies on UK Newspapers: An Overview of the Project. *Corpora*, vol. 5, iss. 2, pp. 83-108.
- Kellner D., 2009. Media Spectacle and Media Events: Some Critical Reflections. *Media Events in a Global Age*. URL: https://pages.gseis.ucla.edu/faculty/kellner/essays/2009_Kellner_Media_EventsJulyFINAL.pdf

Information About the Author

Maryna A. Gladko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Speech Science and Communication Theory, Minsk State Linguistic University, Zakharova St, 21, 220034 Minsk, Belarus, glad_26@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5268-960X>

Информация об авторе

Марина Александровна Гладко, кандидат филологических наук, доцент кафедры рече-
дения и теории коммуникации, Минский государственный лингвистический университет, ул. Заха-
рова, 21, 220034 г. Минск, Беларусь, glad_26@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5268-960X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.12>

UDC 81.134.3'42
LBC 81.47.22-006

Submitted: 31.08.2021
Accepted: 16.05.2022

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF METAPHORICAL MODELS IN BRAZILIAN PRESIDENTIAL DISCOURSE

Polina A. Zhukova

MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract. The paper analyzes functional peculiarities of the main metaphorical models in the discourse of two most significant political figures in Brazil at the moment: ex-president L.I. da Silva (2003–2010) and current president J. Bolsonaro (since 2018). The research required application of an integrated approach to metaphor as both a mental, discursive and culturally conditioned phenomenon. Metaphorical models in the individual presidential discourse are understood as backbone elements of discourse, interconnected and non-existent outside the discursive field. The material for the study was comprised of the scripts of presidents' public speeches, published in the media and on the official website of the President of Brazil. The author shows that in the discourse of L.I. da Silva, the metaphorical model "governance – playing football" prevails, while in the discourse of J. Bolsonaro dominates the model "governance – marriage". The study stresses that the source sphere of the metaphorical model is represented by a concept that is of high importance both for the personal and national concept sphere, what is consistent with the main goal of the presidential discourse. The paper claims that metaphorical models play an important role in the implementation of the self-presentation strategy by the discourse subject, specifying his role status. The research has proved that this function is implemented due to the use of president's figure as one of the elements of target domain, and the peculiarities are stipulated by the element of source sphere, which is projected upon it.

Key words: presidential discourse, metaphor, metaphorical model, mental spaces, sphere of concepts, strategy of self-presentation.

Citation. Zhukova P.A. Functional Peculiarities of Metaphorical Models in Brazilian Presidential Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 132-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.12>

УДК 81.134.3'42
ББК 81.47.22-006

Дата поступления статьи: 31.08.2021
Дата принятия статьи: 16.05.2022

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В БРАЗИЛЬСКОМ ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

Полина Алексеевна Жукова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается роль метафорических моделей в президентском дискурсе. В работе применен комплексный подход к метафоре как одновременно ментальному, дискурсивному и культурообусловленному феномену. Метафорические модели в индивидуальном президентском дискурсе понимаются как системообразующие взаимосвязанные элементы дискурса, не существующие вне дискурсивного поля. Материалом для исследования послужили публичные выступления наиболее значимых в данный момент политических деятелей Бразилии: экс-президента Л.И. да Силвы и действующего президента Ж. Болсонару. Выявлено, что в дискурсе Л.И. да Силвы преобладает метафорическая модель «управление государством – игра в футбол», в дискурсе Ж. Болсонару – модель «управление государством – брак». Показано, что сфера-источник метафорической модели представлена концептом, имеющим высокую значимость как для личностной, так и национальной концептосферы, что согласуется с основной

целью президентского дискурса. Установлено, что одной из функций метафорических моделей является конкретизация ролевого статуса субъекта дискурса в рамках реализации субъектом стратегии самопрезентации. Выполнение данной функции осуществляется за счет использования фигуры президента в качестве одного из элементов сферы-цели, а специфика обуславливается тем элементом сферы-источника, которая проецируется на него.

Ключевые слова: президентский дискурс, метафора, метафорическая модель, ментальное пространство, концептосфера, стратегия самопрезентации.

Цитирование. Жукова П. А. Функциональные особенности метафорических моделей в бразильском президентском дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 132–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.12>

Введение

В науке о языке в последнее время растет интерес к исследованию президентского дискурса. При этом последний все чаще начинает рассматриваться не как разновидность политического дискурса, а как отдельный тип дискурса, имеющий свои жанровые и речевые особенности, хотя, бесспорно, находящийся в тесной взаимосвязи с дискурсом политическим [Гаврилова, 2011; Худяков, 2016]. А.В. Худяков выделяет две важнейшие составляющие президентского дискурса: институциональную и личностную [Худяков, 2016]. Нельзя не согласиться с исследователем в том, что отличительной чертой президентского дискурса является высокая степень субъективности ввиду той важности, которую в дискурсе приобретает личность его носителя – президента. Таким образом, изучение дискурса конкретного президента невозможно без учета индивидуальных личностных характеристик этого политика.

Субъективность дискурса предопределяет наличие в нем креативных авторских метафор, в которых отражается представление говорящего о связях вещей и явлений. Поэтому в качестве еще одной значимой черты президентского дискурса выделяют сверхметафоричность [Худяков, 2015], иными словами, активное использование метафор, которые могут выстраиваться в более сложные образования – метафорические модели. При их анализе должна учитываться двойственная природа президентского дискурса (с одной стороны, институциональная, с другой стороны, индивидуально-личностная).

Широкое использование метафор объясняется их большим содержательным потенциалом. Еще в XIX в. А.А. Потебня писал, что

образ может «замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» [Потебня, 1990, с. 100]. Говоря непосредственно о метафоре, ученый отмечал, что «необходимость метафоры (или метафорического сравнения) сказывается особенно наглядно в тех случаях, когда ею выражаются сложные и смутные ряды мыслей, возбужденные неопределенным множеством действий, слов и пр.» [Потебня, 1990, с. 205]. Похожую мысль можно найти и у других авторов. Например, М. Блэк отмечает лексико-номинативную функцию метафоры – выражать то, что не выражено буквальным языком. «Метафора покрывает лакуны в словаре буквальных наименований (или по крайней мере удовлетворяет потребность в подходящем сокращенном названии)» [Блэк, 1990, с. 159]. С точки зрения когнитивистики, будучи мыслительным феноменом, метафорическая модель может структурировать реальность «при помощи системы концептов, относящихся к совершенно иной понятийной области» [Чудинов, 2003, с. 60], в результате данной проекции сфера-мишень приобретает дополнительные коннотативные смыслы, раскрывающиеся в дискурсе.

Целью нашего исследования стало выявление метафорических моделей в дискурсах двух бразильских политиков и определение роли этих моделей в реализации дискурсивных стратегий.

Материал и методы

Изучение метафоры имеет лингвистическую и философскую традиции, развиваемые в публикациях современных отечественных и зарубежных исследователей (см., например: [Будаев и др., 2018; Бабушкин, 1996;

Михалева, 2009; Чудинов, 2003; Худяков, 2016; Ричардс, 1990; Steen, 2008; МакКормак, 1990; Fauconnier, Turner, 2003; и др.]).

В работе мы исходим из комплексного понимания метафоры как ментального и дискурсивного феномена. Дискурсивный компонент обуславливает рассмотрение связи метафоры с экстралингвистическими факторами. Иными словами, необходимо учитывать «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [Чудинов, 2003, с. 18], в том числе лингвокультурные аспекты.

Важнейшей методологической основой исследования является теория концептуальной метафоры, один из постулатов которой гласит, что концепт-источник «высвечивает» определенные аспекты концепта-цели, одновременно «затемняя» другие [Лакофф, Джонсон, 2004]. При этом ученые указывают на возможность варьирования понимания той или иной метафоры в зависимости от культурной принадлежности, то есть концептосферы как автора метафоры, так и ее реципиента. Авторские метафоры в президентском дискурсе – это прежде всего порождения *личностной концептосферы* конкретного политика. Данный термин требует разъяснений. В настоящей работе мы будем опираться на модель структуризации личностной концептосферы президента, предложенную С.Н. Генераловой. Исследователь выделяет следующие составляющие (микросферы) личностной концептосферы президента:

- эмоциосфера – совокупность единиц эмотивного кода;
- социосфера – сфера общественной деятельности;
- радиосфера – способность мыслить рационально;
- аксиосфера – ценностные установки, которые включают в себя общественный и личностный уровень, поскольку, по словам С.Н. Генераловой, «аксилогические установки отражают ценности нации, а также авторское субъективное отношение к составляющим культуры» [Генералова, 2010, с. 194].

Ядром же концептосферы политика является идеосфера, которую формируют концепты, имеющие идеологическую составля-

ющую (мифологемы, стереотипы, идеологемы и т. д.) [Генералова, 2010].

Каждая микросфера, согласно классификации Н.С. Генераловой, формируется концептами, которые отражают в дискурсе как национально-разделяемые, так и личностные коннотативные смыслы [Генералова, 2011]. Следовательно, при анализе авторских метафор в президентском дискурсе необходимо рассматривать концепт сферы-источника через призму личностной концептосферы политика.

Для более детального анализа компонентов метафорических моделей нами используется теория ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера. В отличие от Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которым когнитивная метафора суть результат «метафорической проекции», то есть реструктурирование некоторых областей цели по образцу источника, Ж. Фоконье и М. Тернер представляют метафоризацию как более сложный процесс. Помимо источника и цели (в их терминологии именуемых исходными пространствами «input spaces»), количество которых не ограничено) существует общее родовое пространство («generic space») и смешанное / интегрированное пространство («blend»), из которого «выходит» новый концепт [Fauconnier, Turner, 2003].

Материалом для анализа послужили скрипты публичных выступлений экс-президента Бразилии Л.И. да Силвы (2003–2010) и нынешнего президента Ж. Болсонару (с 2018 г.), опубликованные в СМИ и на официальном сайте президента Бразилии (Planalto). Большая часть материала опубликована в газетах «Folha de São Paulo», «Correio Braziliense», «El País» и «Estadão». Всего было проанализировано 20 статей с высказываниями Л.И. да Силвы и 17 – с высказываниями Ж. Болсонару.

Результаты и обсуждение

Метафорические модели в президентском дискурсе

Характерной особенностью дискурса экс-президента Бразилии Л.И. да Силвы является так называемая футбольная метафора, иными словами, использование концепта «футбол» как сферы-источника:

(1) Quando vai chegando o final do governo, a gente vai tendo a sensação de que estava assistindo a uma partida de futebol, e eu vou falar em futebol, porque as pessoas mais humildes compreendem mais se eu filosofar futebol. Então, nessa partida de futebol, eu não tenho dúvida nenhuma de que nós estamos ganhando o jogo de quatro a zero, cinco a zero... E aí, nós temos três tipos de torcedor: nós temos aquele torcedor muito otimista, que acha que era impossível fazer mais, que nós fizemos de tudo, que os gols foram os mais bonitos que já foram vistos dentro do Maracanã.

Nós temos aquele pessimista, aquele que fica: “Pô, só cinco a zero! Por que não fez 10? Por que não fez 15? Poderia ter feito mais!” Também não vai acontecer. E aquele que é um pouco o que vocês são: o torcedor forte emocionalmente, mas também forte racionalmente, que vocês estão contentes com o 5 x 0 mas, ao mesmo tempo, acharam alguns gols bonitos, outros mais ou menos, outros feios, e acham que o time poderia ter feito mais, se não tivesse perdido tanta bola, se não tivesse dado passe errado. A política é um pouco assim. Eu sei que nós fizemos muito, mas eu sei também o quanto falta ser feito neste país (BIBLIOTECA) / Когда сроки полномочия правительства подойдут к концу, у нас будет ощущение, что мы смотрели футбольный матч, и я собираюсь поговорить о футболе, потому что самые простые люди поймут больше, если я буду рассуждать о футболе. Итак, в этом футбольном матче я не сомневаюсь, что мы выигрываем игру со счетом четыре – ноль, пять – ноль... Кроме того, у нас есть три типа фанатов: у нас есть очень оптимистичные фанаты, которые думают, что невозможно сделать больше, чем мы сделали, потому что мы и так сделали все, потому что голы были самыми красивыми, которые когда-либо видели на стадионе «Маракана».

У нас также есть пессимисты, которые говорят: «Почему же только пять – ноль! Почему не 10? Почему не 15? Могли бы сделать больше!» Этого тоже не будет. И есть болельщики, у которых сильны как эмоции, так и здравый смысл: они довольны счетом пять – ноль, но в то же время одни голы они нашли красивыми, другие более или менее приемлемыми, третьи ужасными, и они думают, что команда могла бы сделать больше, если бы не потеряла так много мячей, если бы не сделала неправильный пас. Политика немного похожа на это. Я знаю, что мы много сделали, но я также знаю, сколько еще предстоит сделать в этой стране (здесь и далее перевод с португальского наш. – П. Ж.).

В данном отрывке структурируется сфера-цель «политическая деятельность» сферой-источником «игра в футбол»:

матч – срок правления;
болельщики – политические сторонники;

гол – достижение;

счет – результат правления;

победа – реализация намеченных планов.

В политическом дискурсе востребована сфера-источник «командная игра», поскольку она, как представляется, дает простор для установления соответствия между двумя сферами. Если воспользоваться теорией ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера, логично постулировать наличие обширного родового пространства у данных исходных пространств (input spaces), к которому можно отнести следующее: агент – группа из нескольких человек, имеющих общие интересы; наличие сторонников и противников; основная задача – недопущение победы противников; распределение ролей внутри команды и т. д., данный список может быть продолжен в зависимости от контекста употребления метафоры.

В примере (1) реализуется метафорическая модель «футбольная команда – правительство». Она также обнаруживается во многих высказываниях экс-президента, в особенности в речи по случаю вступлению в должность министра. Однако, как отмечает бразильский лингвист Т.Б. Сардинья (T.B. Sardinha), целевая область его метафор не ограничивалась концептом правительства: Лула (прозвище президента да Силвы, которое даже в научном дискурсе используется гораздо чаще его настоящего имени) сознательно применил метафору футбола, когда ему нужно было поговорить о критических и сложных проблемах [Sardinha, 2008]. Например:

(2) No futebol é assim: um time medroso, tanto leva escanteio, tanto leva bola cruzada, que uma hora a bola entra. Agora nós tomamos a decisão de não permitir que a crise tenha no Brasil, primeiro, os efeitos que alguns querem que ela tenha, porque tem um problema na crise que é o pânico (BIBLIOTECA) / В мире футбола команда, которая боится, получает столько угловых и кроссов, что в итоге мяч оказывается в ее воротах. Сейчас мы принимаем решение не дать кризису привести к тем последствиям в Бразилии, к которым некоторые хотели, чтобы он привел, потому что в ситуации кризиса основная проблема – это паника.

В приведенном контексте сфера-источник «футбольная команда» охватывает

не только правительство, но и всю нацию, которая, по мысли президента, не должна терять оптимизма даже в период экономического кризиса.

Выбор концепта сферы-источника обусловлен тем, что концепт «футбол» культурно значим для Бразилии. Это экс-президент не раз подчеркивал в своих выступлениях:

(3) Todo mundo sabe que eu gosto de futebol, sigo futebol, já joguei futebol – não fui bom, mas já joguei – e eu utilizo muito o futebol nas minhas falas porque é a coisa que pelo menos 90% dos brasileiros entendem ou pensam que entende) (BIBLIOTECA) / Все знают, что я люблю футбол, слежу за футболом, я сам играл в футбол, не очень хорошо, но играл, я часто обращаюсь к футболу в моих речах, потому что это тема, которую разделяют или думают, что разделяют, по крайней мере 90 % бразильцев.

Таким образом, выбор сферы-источника метафорической модели в указанном случае обусловлен важной ролью данного элемента в концептосфере народа и конкретного индивида (президента).

Характерной особенностью дискурса нынешнего президента Бразилии Болсонару (политического оппонента да Силвы) является использование в качестве сферы-источника концепта «брак, свадьба», который раскрывается как сценарий / скрипт – многокомпонентный концепт, «реализующий в плане своего вербального выражения сему движения, идею развития» [Бабушкин, 1996, с. 26], ментальная репрезентация последовательности эпизодов, для которой характерно развитие [Попова, Стернин, 1999]. Представим основные элементы концептуального сценария, реализованного в высказываниях Болсонару.

Об отставке министра образования:

(4) Está bastante claro que não está dando certo o ministro Vêlez. Na segunda-feira vamos tirar a aliança da mão direita (Correio Braziliense) / Вполне понятно, что министр Велес действует неправильно. В понедельник мы снимем кольцо с правой руки.

О планах переноса посольства Бразилии из Тель-Авива в Иерусалим:

(5) Queremos cumprir esse compromisso, mas, como um bom casamento, tem de namorar, ficar noivo (Planalto) / Мы хотим выполнить это обязательство,

но, как и для удачной свадьбы, необходимо сначала встречаться, стать женихом.

О готовности к диалогу с председателем палаты депутатов:

(6) Só conversando, não é? Você nunca teve uma namorada? E quando ela quis embora, o que você fez para ela voltar? Conversou? (Correio Braziliense) / Только разговаривая, не так ли? У вас когда-нибудь была возлюбленная? И когда она хотела уйти, что вы делали, чтобы ее вернуть? Разговаривали?

Об отношениях с министром экономики:

(7) Peço desculpas por frustrar a tentativa de parte da mídia de criar um virtual atrito entre eu e Paulo Guedes. Nosso casamento segue mais forte que nunca (El País) / Прошу прощения за то, что пресек попытку некоторых СМИ создать видимость разногласий между мной и Пауло Гедесом. Наш брак крепче, чем когда-либо.

Таким образом, сфера-цель «политическая деятельность» структурируется сферой-источником «брак, свадьба» следующим образом:

развод, неудачный брак – отставка министра;

добрачный период отношений – нестабильные отношения с политиком не из своей команды;

помолвка – принятие решения, для реализации которого требуется время;

крепкий брак – совместная работа с единомышленником.

Отметим, что, как и в дискурсе да Силвы, выбор концепта-источника для метафорической модели не случаен. Тема брака, семьи является одной из важных составляющих внутривнутриполитического курса президента: еще во время предвыборной кампании Болсонару провозгласил своей целью защиту традиционной семьи (союз мужчины и женщины). Приведем ответ президента оппонентам:

(8) Apresentem uma emenda à Constituição e modifiquem o artigo 226, que lá está escrito que família é homem e mulher. E mesmo mudando isso, como não dá pra emendar a Bíblia, eu vou continuar acreditando na família tradicional (Estadão) / Внесите поправку в Конституцию и измените статью 226, в которой говорится, что семья – это союз мужчины и женщины. И даже если вы измените Конституцию, поскольку

ку вы не сможете исправить Библию, я буду продолжать верить в традиционную семью.

Это высказывание подтверждает прочную эмоционально-оценочную связь субъекта дискурса с представлениями, отраженными в концепте (сценарии) – источнике метафоры.

**Метафорическая модель
как способ реализации стратегии
самопрезентации президента**

Главная цель политического дискурса, вытекающая из специфики политики как деятельности, по мнению В.З. Демьянкова, состоит во внушении адресатам необходимости политически правильных действий и оценок [Демьянков, 2002]. Если рассматривать непосредственно президентский дискурс, то можно конкретизировать его цель как завоевание, сохранение и осуществление президентской власти (подробно см.: [Худяков, 2015]). Для достижения такой цели субъекты дискурса используют различные стратегии, под которыми мы вслед за О.Л. Михалевой понимаем «план оптимальной реализации коммуникативных намерений» [Михалева, 2009, с. 45]. На наш взгляд, одной из базовых стратегий политического дискурса является самопрезентация – совокупность тактик, направленных на создание собственного образа. Иными словами, в дискурсе стратегия самопрезентации нацелена на воздействие субъекта на объект(-ы) дискурса с целью формирования у последнего определенного впечатления о субъекте и, следовательно, определенного восприятия субъекта.

Для определения роли метафорических моделей в реализации данной стратегии необходимо выявить, какое место в исследуемых метафорических моделях занимает фигура президента.

В предыдущем разделе мы рассмотрели метафорическую модель «политическая деятельность – игра в футбол», раскрывающуюся в дискурсе экс-президента да Силвы. В данной модели «футбольная команда» как элемент сферы-источника проецируется на «правительство» как элемент сферы-цели, при этом президент да Силва не выступает как один из игроков, что подтверждает пример (3).

Президент в данной модели скорее тренер, наставник, что обнаруживается, например, в речи по случаю вступления в должность нового министра:

(9) Quero, mais uma vez, agradecer ao ministro Tarso Genro e à sua equipe, desejando ao nosso querido Fernando Haddad pleno sucesso e que continue fazendo as coisas boas que estão fazendo, porque nós aprendemos, na prática do futebol, que em time que se ganha a gente não mexe, deixa ele continuar ganhando (BIBLIOTECA) / Хочу еще раз поблагодарить министра Тарсо Женро и его команду и пожелать большой удачи нашему дорогому Фернанду Аддаду. Желая ему продолжить делать правильные вещи, которые уже делаются, потому что, как мы видим на примере футбола, если команда выигрывает, то ей никто не мешает, позволяя ей продолжать выигрывать.

Согласимся с бразильскими лингвистами, которые проводят параллель между речами да Силвы и наставлениями тренера команде перед матчем [Mascarenhas et al., 2014]. Однако на этом не исчерпывается функциональное своеобразие футбольной метафоры в дискурсе экс-президента. Помимо вышеописанной модели в его дискурсе реализуется и другая модель с той же сферой-источником, но сферой-мишенью становится личность самого да Силвы, который в выступлениях не раз упоминал свою особую привязанность к футбольному клубу «Коринтианс»:

(10) Eu torço para um time no Brasil, chamado Corinthians, que ficou 23 anos sem ser campeão, eu sofri muito. Eu perdi três eleições, eu perdi três eleições (BIBLIOTECA) / Я болею за бразильскую команду «Коринтианс», которая 23 года не была чемпионом, мне от этого было больно. Я три раза проигрывал выборы.

Такой резкий переход от футбольной тематики к личной истории в политике можно рассматривать как метафорическую проекцию истории футбольного клуба на историю жизни да Силвы. В данной модели политик, то есть агент действия, соотносится со всей командой, а матч проецируется на индивидуальные политические шаги президента.

Мы исходим из того, что в индивидуальной концептосфере метафорические модели, имеющие одну сферу-источник, не существуют независимо друг от друга, напротив, они

образуют единую разветвленную модель. В дискурсе экс-президента да Силвы можно увидеть диахроническую связь между двумя моделями: до президентства политик воспринимает себя как футбольный клуб, со всеми его спортивными взлетами и падениями, которые он соответственно проецирует на свои удачу и неудачу; на посту президента он уже не команда, а тренер, наставник.

Перейдем к описанию функциональных особенностей метафорической модели в дискурсе Болсонару. Концепт «брак, свадьба» как сфера-источник метафоры не является новым для политического дискурса, тем не менее обращает на себя внимание описанная выше структурированность концепта в дискурсе и частота применения метафорической модели. Помимо использования ее для характеристики отношений с другими политическими деятелями страны, президент прибегает к ней во время дебатов с оппонентами или при обсуждении спорных и даже болезненных для страны тем. Например, настаивая на том, что период 1964–1985 гг. в Бразилии нельзя назвать диктатурой, президент сравнивает его с браком:

(11) Não quer dizer que foi uma maravilha, não foi uma maravilha regime nenhum. Qual casamento é uma maravilha? De vez em quando tem um probleminha. É coisa rara um casal não ter um problema, tá certo (Folha) / Никто не говорит, что это был абсолютно безоблачный режим, ни один режим не может быть таковым. Какой брак можно назвать безоблачным? Время от времени возникают небольшие проблемы. Очень редко у супружеской пары не возникают проблемы, не так ли?

На основании примеров (4)–(7) и (11) условно обозначим метафорическую модель, реализуемую в дискурсе Болсонару, следующим образом:

«управление государством – брак». При этом, как было отмечено в предыдущей части статьи, сфера-источник предстает в качестве когнитивного сценария, состоящего из определенных элементов.

Для выявления места фигуры президента в этой модели используем теорию Ж. Фоконье и М. Тернера и представим модель как ментальные пространства на основе тех ее элементов, которые раскрыты в дискурсе президента (см. таблицу).

Пример (6) показывает, что президент проецирует себя на место мужчины / мужа / главы семьи, причем семьи традиционной, где роль отца сакральна. Это следует из его политической позиции.

Данная метафора в дискурсе президента демонстрирует «укорененность» модели «управление государством – брак» в личной концептосфере президента и связана с другими элементами дискурса. В частности, сакральный характер фигуры главы семьи / главы государства, который имплицитно этой метафорической моделью, свидетельствует о ее взаимодействии с религиозной составляющей президентского дискурса. Это проявляется в выражении идеи божественной миссии президента, которое может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Только в инаугурационной речи Болсонару четыре раза употребляет лексику *missão* (миссия), подчеркивая особый характер своей деятельности, что подтверждается в его последующих речах:

(12) *Se Deus me colocou aqui, pelas mãos de vocês, tenho a certeza de que esta missão será muito bem cumprida* (Planalto) / Если Бог меня поставил на это место вашими [избирателей] руками, я уверен, что эта миссия будет прекрасно выполнена.

Структурирование метафорической модели «управление государством – брак»

Structuring the Metaphorical Model “Governance – Marriage”

Входное пространство-1 (Input-1) «управление государством»	Родовое пространство (Generic space)	Входное пространство-2 (Input-2) «брак»
глава государства	субъект, агент	муж / жених
другие политики	объект	жена / невеста
удержание власти, расширение электората	цель	создание и сохранение семьи
разногласия с другими политиками	препятствия, проблемы	разногласия внутри пары

При этом президент эмоционально реагирует на тех, кто, по его мнению, пытается оспорить его статус. Так, о своем политическом оппоненте он говорит следующее:

(13) *Ele virou semideus? Ele acha que é intocável?* (Correio Braziliense) / Он стал полубогом? Он считает себя неприкосновенным?

Следовательно, политическая модель мира для президента Ж. Болсонару имеет иерархизированный характер: выше всех *Бог*, что подтверждает один из его политических лозунгов *Deus acima de todos* (Бог над всеми); затем *президент*, на которого Бог возложил особую миссию; а затем *все остальные*, в соответствии с их полномочиями.

С учетом вышеописанной религиозной составляющей дискурса президента метафорическая модель «управление государством – брак» может быть представлена в сложной проекции, состоящей из трех равнозначных элементов: президент – муж – помазанник Бога. При этом каждый из элементов можно рассматривать как исходное пространство (Input space), а смешанным пространством (Blend) становится личность конкретного президента.

Таким образом, метафорическая модель играет важную роль в реализации стратегии самопрезентации, которая является одной из важнейших для политического, в особенности президентского дискурса.

Заключение

Индивидуальные метафоры – важный системообразующий компонент президентского дискурса, поскольку они раскрываются как модели, или системы. При этом системный характер имеет и сфера-источник, и сфера-мишень, которые рассмотрены как ментальные пространства. Составные части модели – это метафорические проекции между соответствующими элементами двух пространств.

Метафорическая модель разворачивается в дискурсе, то есть она является его структурным элементом, а следовательно, не может реализоваться вне дискурса. Субъект дискурса как автор метафоры выбирает сферу-источник метафорической проекции в соответствии

с тем местом, которое данный концепт занимает в его личностной концептосфере.

Концепт «игра в футбол», ставший сферой-источником в метафорической модели в дискурсе экс-президента да Силвы, значим как для концептосферы народа страны, так и для личностной концептосферы президента. Отметим, что данный концепт, с одной стороны, лежит в ценностно-культурном поле, то есть в аксиосфере, а с другой – тесно взаимосвязан с эмоциоциосферой. Концепт «брак» раскрывается в метафорической модели в дискурсе президента Ж. Болсонару как фрейм-сценарий и является важным элементом и коллективной, и личностной аксиосферы.

Когнитивно-дискурсивный характер метафорических моделей обуславливает их «неограниченность». Иными словами, модели – это не замкнутые обособленные пространства, напротив, как было рассмотрено на примере дискурса президента Ж. Болсонару, они могут тесно переплетаться с другими элементами дискурса. В связи с этим, в зависимости от входящих в модель элементов, можно говорить о разных уровнях моделей, выстраивая тем самым метафорическую картину мира конкретной личности.

Важнейшей функциональной особенностью метафорических моделей в президентском дискурсе является их презентационный потенциал, то есть их роль в реализации президентом стратегии самопрезентации как базовой стратегии политического, прежде всего индивидуального, дискурса. Самопрезентативная функция метафорической модели заложена в метафорической проекции, направленной на фигуру президента как элемент сферы-цели, которой в рассмотренных моделях выступает политическая деятельность. Таким образом, метафорические модели актуализируют ролевой статус президента как субъекта дискурса и элемента модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабушкин А. П., 1996. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Изд-во ВГУ. 104 с.
- Блэк М., 1990. Метафора [1954] // Теория метафоры : сборник / пер. с англ. М. А. Дмитриевской. М. : Прогресс. С. 153–172.

- Будаев Э. В., 2016. Дискурсивный подход к анализу политической метафоры // *Культура и текст*. № 24. С. 5–19.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2018. Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта. 248 с.
- Гаврилова М. Н., 2011. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса. Саарбрюкен : LAP LAMBERT Academic Publishing. 472 с.
- Генералова С. Н., 2010. Уровни пространства индивидуальной концептосферы // *Языковые измерения: пространство, время, концепт*. В 2 т. Т. 1 : материалы IV Междунар. науч. конф. по актуал. пробл. теории языка и коммуникации / отв. ред. Н. В. Иванов. М. : Воен. ун-т. С. 192–197.
- Генералова С. Н., 2011. Уровни актуализации личностной концептосферы в президентском дискурсе // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Филология*. Т. 1, № 2. С. 186–191.
- Демьянков В. З., 2002. Политический дискурс как предмет политологической филологии // *Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования*. № 3. М. : ИНИОН РАН. С. 32–43.
- Лакофф Дж., Джонсон М., 2004. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС. 256 с.
- Лихачев Д. С., 1996. Концептосфера русского языка // *Очерки по философии художественного творчества*. СПб. : Блиц. С. 139–157.
- МакКормак Э., 1990. Когнитивная теория метафоры // *Теория метафоры : сборник / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М. : Прогресс*. С. 358–387.
- Михалева О. Л., 2009. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М. : ЛИБРОКОМ. 256 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А., 1999. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж : Изд-во ВГУ. 30 с.
- Потебня А. А., 1990. Из записок по теории словесности [1905] // *Теория поэтики / сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова. М. : Высш. шк.* С. 132–314.
- Ричардс А., 1990. Философия риторики // *Теория метафоры : сборник / пер. с англ. Р. И. Розинной. М. : Прогресс*. С. 44–68.
- Худяков А. В., 2015. Современные исследования президентского дискурса: теоретические предпосылки и перспективы // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 2, ч. 2. С. 206–208.
- Худяков А. В., 2016. Лингвокогнитивные особенности президентского дискурса // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. № 37. С. 60–65.
- Чудинов А. П., 2003. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : УрГПУ. 248 с.
- Чудинов А. П., 2013. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 176 с.
- Fauconnier G., Turner M., 2003. Conceptual Blending, Form and Meaning // *Recherche en communication*. Vol. 19. P. 57–86. DOI: 10.14428/rec.v19i19.48413
- Mascarenhas F., da Silva S. R., dos Santos M. R., 2014. Lulismo e futebol: os discursos de um torcedor presidente // *Movimento*. Porto Alegre. Vol. 20, № 2. P. 495–517.
- Sardinha T. B., 2008. Lula e a metáfora de conquista // *Linguagem em (Dis)curso*. Vol. 8, № 1. P. 93–120.
- Steen G., 2008. The Paradox of Metaphor: Why We Need a Three-Dimensional Model of Metaphor // *Metaphor and Symbol*. Vol. 24, № 3. P. 213–241. DOI: 10.1080/10926480802426753

ИСТОЧНИКИ

BIBLIOTECA – <http://www.biblioteca.presidencia.gov.br>
Correio Braziliense – <https://www.correiobraziliense.com.br>
Folha – <https://www1.folha.uol.com.br>
El País – <https://brasil.elpais.com>
Estadão – <http://politica.estadao.com.br>
Planalto – <http://www.gov.br/planalto/pt-br>

REFERENCES

- Babushkin A.P., 1996. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of Concepts in the Lexico-Phraseological Semantics of the Language]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta. 104 p.
- Black M., 1990. *Metaphor. Teoriya metafory: sbornik* [The Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., pp. 153–172.
- Budaev E.V., 2016. *Diskursivnyy podkhod k analizu politicheskoy metafory* [A Discursive Approach to the Analysis of Political Metaphor]. *Kultura i tekst* [Culture and Text], no. 24, pp. 5–19.
- Budaev E.V., Chudinov A.P. 2018. *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [Metaphor in Political Communication]. Moscow, Flinta Publ. 248 p.
- Gavrilova M.N., 2011. *Lingvokognitivnyy analiz russkogo politicheskogo diskursa* [Linguistic and Cognitive Analysis of Russian Political Discourse]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. 472 p.
- Generalova S.N., 2010. *Urovni prostranstva individualnoy kontseptosfery* [Space Levels of the Individual Concept Sphere]. Ivanov N.V., ed. *Yazykovye*

- izmereniya: prostranstvo, vremya, kontsept. V 2 t. T. 1: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. po aktual. probl. teorii yazyka i kommunikatsii* [Language Dimensions: Space, Time, Concept. In 2 Vols. Vol. 1. Proceedings of the 4th International Scientific Conference on Actual Problems of the Theory of Language and Communication]. Moscow, Voen. un-t, pp. 192-197.
- Generalova S.N., 2011. Urovni aktualizatsii lichnostnoy kontseptosfery v prezidentskom diskurse [Levels of Actualization of the Personal Concept Sphere in Presidential Discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Filologiya* [Pushkin Leningrad State University Bulletin. Philology], vol. 1, no. 2, pp. 186-191.
- Demyankov V.Z., 2002. Politicheskyy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political Discourse as a Subject of Political Science Philology]. *Politicheskaya nauka. Politicheskyy diskurs: Istoriya i sovremennyye issledovaniya* [Political Science. Political Discourse: History and Contemporary Studies], no. 3. Moscow, INION RAN, pp. 32-43.
- Lakoff G., Johnson M., 2004. *Metaforyy, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, URSS Publ. 256 p.
- Likhachev D.S., 1996. Kontseptosfera russkogo yazyka [The Sphere of Concepts of Russian Language]. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the Philosophy of Artistic Creativity]. Saint Petersburg, Blits Publ., pp. 139-157.
- McCormack E., 1990. Kognitivnaya teoriya metafory [Cognitive Theory of Metaphor]. *Teoriya metafory: sbornik* [The Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., pp. 358-387.
- Mikhaleva O.L., 2009. *Politicheskyy diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political Discourse: Specificity of Manipulative Influence]. Moscow, LIBROKOM Publ. 256 p.
- Popova Z.D., Sternin I.A., 1999. *Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The Notion of "Concept" in Linguistic Studies]. Voronezh, Voronezh. gos. un-t. 30 p.
- Potebnya A.A., 1990. Iz zapisok po teorii slovesnosti [Notes on the Theory of Literature]. *Teoriya poetiki* [The Theory of Poetics]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., pp. 132-314.
- Richard I.A., 1990. Filosofiya ritoriki [The Philosophy of Rhetoric]. *Teoriya metafory: sbornik* [The Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., pp. 44-68.
- Khudiakov A.V., 2015. Sovremennyye issledovaniya prezidentskogo diskursa: teoreticheskie predposylki i perspektivy [Contemporary Studies of the Presidential Discourse: Theoretical Premises and Perspectives]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 2, pt. 2, pp. 206-208.
- Khudiakov A.V., 2016. Lingvokognitivnye osobennosti prezidentskogo diskursa [Linguocognitive Features of the Presidential Discourse]. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Vector of Togliatti State University], vol. 37, pp. 60-65.
- Chudinov A.P., 2003. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]. Ekaterinburg, UrGPU. 248 p.
- Chudinov A.P., 2013. *Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii* [Essays on Modern Political Metaphorology]. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t. 176 p.
- Fauconnier G., Turner M., 2003. Conceptual Blending, Form and Meaning. *Recherche en communication*, vol. 19, pp. 57-86. DOI: 10.14428/rec.v19i19.48413
- Mascarenhas F., da Silva S.R., dos Santos M.R., 2014. Lulismo e futebol: os discursos de um torcedor presidente [Lulismo and Football: The Speeches of a President Fan]. *Movimento. Porto Alegre*, vol. 20, no. 2, pp. 495-517.
- Sardinha T.B., 2008. Lula e a metáfora de conquista [Lula and the Metaphor of Conquest]. *Linguagem em (Dis)curso*, vol. 8, no. 1, pp. 93-120.
- Steen G., 2008. The Paradox of Metaphor: Why We Need a Three-Dimensional Model of Metaphor. *Metaphor and Symbol*, vol. 24, no. 3, pp. 213-241. DOI: 10.1080/10926480802426753

SOURCES

- BIBLIOTECA*. URL: <http://www.biblioteca.presidencia.gov.br>
- Correio Braziliense*. URL: <https://www.correio.braziliense.com.br>
- Folha*. URL: <https://www1.folha.uol.com.br>
- El País*. URL: <https://brasil.elpais.com>
- Estadão*. URL: <http://politica.estadao.com.br>
- Planalto*. URL: <http://www.gov.br/planalto/pt-br>

Information About the Author

Polina A. Zhukova, Lecturer Roman Languages Department (Italian, Portuguese, Latin) named after prof. Tamara Cherdantseva, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russia, Zhukova.p.a@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6488-8550>

Информация об авторе

Полина Алексеевна Жукова, преподаватель кафедры романских языков (итальянского, португальского, латинского) им. Т.З. Черданцевой, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Россия, Zhukova.p.a@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6488-8550>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.13>

UDC 81'27
LBC 81.006.2

Submitted: 21.02.2022
Accepted: 20.06.2022

DESTRUCTIVE COMMUNICATIVE PERSONALITIES: A CLASSIFICATION ATTEMPT

Yana A. Volkova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Nadezhda N. Panchenko

Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd, Russia

Abstract. Destructiveness is viewed as a fundamental communicative category that determines the strategies and tactics of discourse interaction. Accordingly, destructive communication is understood as a type of communication aimed at deliberately and intentionally causing moral and physical harm to the interlocutor and accompanied with a feeling of satisfaction with the victim's sufferings. The material of the study included 1120 contexts of reflection, selected from Russian literary texts, the National Corpus of the Russian Language, Internet sources and journalistic texts, as well as data from a survey of Russian-speaking respondents. As a result, a classification of destructive communicative personality types is proposed based on the communicative tactics prevailing in their behavior. The authors distinguish three types of destructive communicative personalities: destructive communicative personalities practicing predominantly invective tactics of destructive communication, for example, *ham* (the boor); destructive communicative personalities practicing predominantly manipulative tactics – *shantazhist* (the blackmailer); destructive communicative personalities practicing combined invective-and-manipulative tactics – *revnivets* (the jealous type). These tactics can be implemented in a direct or indirect form. In the analyzed material, there is a prevalence of the communicative personality type who practices predominantly invective tactics of destructive communication. It is also possible to distinguish a potentially destructive personality type whose initial intention is not destructive, but whose communicative behavior can be eventually qualified as destructive from the perspective of the addresser and/or an observer.

Key words: destructiveness, communicative personality, discourse, destructive intention, strategy, tactics.

Citation. Volkova Ya.A., Panchenko N.N. Destructive Communicative Personalities: A Classification Attempt. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 143-154. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.13>

УДК 81'27
ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 21.02.2022
Дата принятия статьи: 20.06.2022

ДЕСТРУКТИВНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ

Яна Александровна Волкова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Надежда Николаевна Панченко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье деструктивность рассматривается как фундаментальная коммуникативная категория, определяющая стратегии и тактики дискурсивного взаимодействия. Под деструктивным общением понимается вид коммуникации, направленной на причинение собеседнику морального и физического вреда и сопровождающейся чувством удовлетворения от страданий жертвы. В центре внимания авторов статьи – коммуникативные личности, практикующие деструктивное поведение в межличностном общении. Материалом исследования послужили 1 120 контекстов рефлексии, отобранных из русскоязычных художественных текстов, Национального корпуса русского языка, интернет-источников и публицистических текстов, а также данные опроса русскоязычных респондентов. В результате предложена классификация деструктивных коммуникативных типов личности на основании преобладающих в их поведении коммуникативных тактик. Установлено три типа деструктивных коммуникативных личностей: деструктивные коммуникативные личности, практикующие преимущественно инвективные тактики деструктивного общения (например, хам); деструктивные коммуникативные личности, практикующие преимущественно манипулятивные тактики деструктивного общения (шантажист); деструктивные коммуникативные личности, практикующие комбинированные инвективно-манипулятивные тактики деструктивного общения (ревнивец). Указанные тактики могут быть прямыми или косвенными. В анализируемом материале отмечено преобладание коммуникативного типа личности, практикующего преимущественно инвективные тактики деструктивного общения. Выделен тип потенциально деструктивной личности, коммуникативная интенция которой не является деструктивной, но коммуникативное поведение может быть квалифицировано как деструктивное с точки зрения адресата и/или наблюдателя.

Ключевые слова: деструктивность, коммуникативная личность, дискурс, деструктивная интенция, стратегия, тактика.

Цитирование. Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Деструктивная коммуникативная личность: попытка классификации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 143–154. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.13>

Introduction

The modern linguistic paradigm is anthropocentrically orientated and focussed on the study of a linguistic personality that reveals its individual and typified features in communicative interaction. The focal point of any type of communication is the personality: the addressee's and the addresser's personalities are the two most important elements of communication that link together all the existing characteristics of the communicative process.

The speaker is traditionally seen as a multidimensional and multifaceted “systemic personality” [Krasnykh, 2001; Puzyrev, 2002], embracing a totality of social, professional, gender roles, which, in turn, accumulates societal discursive practices and implements him/herself in a variety of speech events.

This multidimensional nature of a communicative personality is reflected in the multidimensionality of research devoted to it: depending on the communicative competence level, an egalitarian / marginal linguistic personality can

be studied [Sirotinina, 1998]; from the perspective of the communicative tone, one-dimensional and multidimensional, scripted and non-scripted, playful and serious, etiquette and agonal, artistic and non-artistic, argumentative and performative types of discursive subjects are distinguished [Karasik, 2007]; based on verbal behavior characteristics, the speaker is considered from various perspectives – as a truth-seeker or a demagogue, for instance [Panchenko, 2008]; according to the nature of interaction with a communication partner and the ability to cooperate in everyday speech behavior, a conflict, centered, or cooperative types of linguistic personality [Sedov, 2004; 2008], as well as a destructive personality type [Volkova, 2012] can be distinguished.

Categorization of communicative personalities depending on the speaker's basic setting, whether it is aimed at the cooperative communicative interaction or, conversely, against a communicative partner, is, in our opinion, of significant interest, since in modern society there is a visible tendency towards the escalation of aggressiveness, increased conflict

in communication. The relevance of this study is determined by the theoretical significance of the further development of scientific ideas about the destructive communicative personality, on the one hand, and the need to systematize the types of communicative personalities who practice destructive communication and implement specific communicative tactics of destructive interaction.

Material and methods

Linguistic personality has long become a focus of linguistic research. Thus, a number of linguistic personality models have been developed since the end of the 20th century. Among them are the models by Yu.N. Karaulov and G.I. Bogin. It should be noted that the intrinsic feature of all existing linguistic personality models involves functioning of a linguistic personality in communication [Bogin, 1975; Karaulov, 1987]. Therefore, communication studies emphasized the communicative nature of linguistic personality and granted it the name of the “communicative personality.” For example, S.G. Vorkachev specified this concept and provided an in-depth analysis and definition of the term, which features the semantic image of the communicative personality, as well as values and behaviours comprising a so-called ethnosemantic personality [Vorkachev, 2001].

A similar approach can be found in V.I. Karasik [2002], who believes a communicative situation turns a linguistic personality into a communicative one. According to the author, a communicative personality is a person who exists in the language space, i.e. in communication, in behavioral stereotypes reflected in the language, in the meanings of language units and the meanings of texts [Karasik, 2002, p. 8]. A three-level model that includes value, cognitive and behavioral components of a communicative personality reflects the researcher’s idea of the structure of this phenomenon [Karasik, 2002, p. 26]. In this paper, Karasik’s model of a communicative personality will be applied to the study of a typical individual whose communicative intentions are implemented by means of disruptive communicative behavior.

There is little doubt that the multifaceted phenomenon of human personality features a

communicative personality as its integral part. Consequently, it could be assumed that a communicative personality can possibly manifest him/herself through disruptive communicative behavior. The choice of disruptive communicative strategies and tactics relies heavily upon the speaker’s status characteristics, which will be demonstrated further in the paper.

This paper suggests defining a destructive communicative personality through a specific type of communicative behavior, which is referred to as destructive/disruptive behavior. If we stick to Ya. Volkova’s definition of destructive communication as intentionally causing moral and physical harm to the interlocutor and accompanied with a feeling of satisfaction with the victim’s sufferings [Volkova, 2014, p. 50] and take into consideration Karasik’s model of communicative personality, we can distinguish three aspects of the destructive communicative personality: the value, cognitive, and behavioral ones. The value aspect in turn has double nature: on the one hand, it can be represented through a negative assessment of his/her actions by society (the external value component); on the other hand, it is reflected in the violation of the moral and utilitarian norms of society (the internal value component). As for the cognitive aspect, every culture has a certain number of behavioral stereotypes that “instruct” the speakers on how to behave in situations of destructive communication. These stereotypes correlate with corresponding cognitive schemes and frames. The cognitive aspect also includes the concepts of destructive emotions (anger, hatred, fury, disgust, contempt, jealousy, envy, etc.) which, in turn, involve the so-called non-verbal conceptualization of the corresponding emotional states. The behavioral aspect reflects the communicative behavior of an individual when he/she is confronted/involved in destructive communication, i.e. this aspect is closely associated with goals, strategies and tactics employed to manifest and implement destructive communicative intentions.

The material for the research includes a total of 1120 reflection contexts selected from Russian literary texts, the National Corpus of the Russian Language, Internet sources (forums, blogs), and journalistic texts. The research also makes use of the results of the survey conducted among 100 Russian-speaking respondents.

Results and discussion

To categorize destructive communicative personalities, one should bear in mind the general cognitive strategy of destructive communication, since the goal of this type of communication is to destroy the foe emotionally and rise in the estimation of the public as well as in your own eyes. Thus, depending on the predominant type of destructive communicative behavior, we suggest a possible categorization of destructive communicative personalities. Generally, the destructive communicative personality can be categorized into a destructive communicative personality proper and a potentially destructive communicative personality, according to the constant/situational character of the manifestation of destructiveness. Of greatest interest for the research are destructive communicative personalities proper, which vary in terms of tactical preferences: 1) destructive communicative personalities practicing predominantly invective tactics of destructive communication; 2) destructive communicative personalities practicing predominantly manipulative tactics of destructive communication; 3) destructive communicative personalities practicing combined invective-manipulative tactics of destructive communication.

According to our observations, in interpersonal communication, the type of communicative personality that practices predominantly invective tactics of destructive communication prevails in Russian linguaculture. At the same time, destructive communicative personalities can implement these tactics in a direct or indirect form.

The group of communicative personalities who practice predominantly direct tactics of destructive communication (insult, threat, mockery, indignation, malevolence, communicative sadism, rudeness, etc.) includes such communicative types as *ham* (the boor), misanthrope, squabbler/brawler, etc.

Let us analyze the typical communicative behavior of this group using the example of the communicative type “*ham* (boor)”.

Based on the interpretation of *hamstvo* (boorish behavior) offered by S.D. Dovlatov the following constitutive conceptual features of this type can be revealed: 1) a reference to defiantly offensive behavior; 2) an intention to offend, undeservingly insult; 3) a feeling of confidence

that all the offenses will go unpunished; 4) a feeling of pleasure as the interlocutor experiences humiliation and confusion [Dovlatov]. V.G. Romek emphasizes the “slave” position of a boor by adding the criterion of anonymity to the above characteristics of boorishness [Romek, 2004]. The research conducted a survey that included 100 Russian-speaking informants (aged from 18 to 75 years, the men-to-women ratio 24:76). It was revealed that the main features associated with the boor are *grubost'* (rudeness), *nevezhlivost'* (impoliteness), *nevospitannost'* (bad manners), *naglost'* (insolence), *neuvazhenie* (disrespect), *nekorrektnost'* (tactlessness), *neobrazovannost'* (lack of education) (89% of answers), as well as *agressivnost'* (aggressiveness), *neadekvatnost'* (inadequacy) (11%).

According to Ya. Volkova, a typical communicative situation of boorishness can be built according to the following basic patterns: a rude statement → a rational argument → a direct insult; a rude statement → an attempt at justification → a direct insult; a polite request → a rude / insulting statement; a rude statement → indignation → an insulting statement; a rude/offensive statement → a rude/offensive statement in response [Volkova, 2014, p. 224].

We suggest the following prototypical scenario of the boor's communicative behavior. There is some annoying emotional stimulus (an angry neighbor/client, a passenger in transport, etc.), followed by a rude or insulting verbal and/or non-verbal attack on the interlocutor (verbal: rude or obscene vocabulary, *ty*-communication (a disrespectful form of addressing strangers in Russian), or non-verbal: irritated tone of voice, demonstrating some impolite gestures instead of communicating verbally); after that, the speaker makes an attempt to appeal to the boor's logic or use some reasoning, which results in threats, insults, obscenities, and other verbal manifestations of aggression on the part of the boor; the speaker (that is the victim of boorishness) may react in two possible ways: he/she may either proceed with the conflict using boorish (or other aggressive) techniques and, possibly, even overt physical aggression, or ignore the boor and leave the “battlefield”, if no physical aggression is applied. If the speaker chooses to appeal to law and threatens to bring the boor to justice, it usually makes no good since it is virtually impossible to

hold the boor accountable for his/her behavior and punish by legitimate means. The Russian administrative law requires eye-witnesses, audio and video records in order to bring administrative charges against the boor. Some deviations from this prototypical scenario are possible. They include non-standard reactions to boorishness, while the communicative behavior of the boor remains practically unchanged.

Thus, a boor is a typified communicative personality whose main features are overt impudence and aggressive verbal and/or non-verbal behavior accompanied with the conscious/subconscious feeling of impunity of his/her aggressive actions. The boor's communicative behavior emphasizes his/her defiantly offensive attitude towards the opponent. It is also characterized by extreme emotional intemperance, deeply negative value judgments, and a highly conflicting tone of communication. Since the boor's communicative goal is to inflict pain on his/her communicative "partner" and receive some kind of moral satisfaction from this, the boor can be qualified as an exemplary destructive personality who practices direct tactics of destructive communication.

The group of communicative personalities who practice predominantly indirect tactics of destructive communication includes the following communicative personalities whom we can refer to as *klevetnik* (the slanderer) and *donoschik* (the informer). The unifying parameter for these destructive personality types' communicative behavior is the communicative strategy of discrediting or *playing for downgrading one's face* [Issers, 2008, p. 125] implemented by them. Let us characterize the destructiveness of the slanderer's communicative behavior. In terms of the law, slander qualifies as a crime that results in causing mental (moral) harm to a person and implies the liability measures regulated by Article 129 of the Criminal Code of the Russian Federation. In this paper, we will leave aside the legal aspect of slander and focus our attention on the destructive potential of the slanderer's behavior and characterize the influence that the author of this speech event exerts on the interpersonal interaction partner.

In everyday understanding, slander is a variety of negative manifestation of intentional

verbal aggression against a person (which makes it rather similar to an insult), disgracing a person in another's eyes. Inaccurate information, inconsistent facts, value judgments, and biased opinions form the cognitive basis of slander:

(1) – Это ложь! **Клевета! Гнусная клевета!** – вскричала Амалия Карловна, бегло взглянув на записку (Д.В. Григорович. Недолгое счастье). – It's a lie! **Slander! Vile slander!** Amalia Karlovna shouted, throwing a brief glance at the note¹ (D.V. Grigorovich. Short Happiness);

(2) Вернувшись к мужу, я нашла его в большом раздражении.

– Нет, ты подумай только, – говорил он, в волнении ходя по комнате, – какую низость придумали: ты меня бросила! Какая **подлая клевета!** Какой это враг сочинил?

Мысль, что меня могли **оклеветать**, наиболее поразила мужа в этом инциденте (А.Г. Достоевская. Воспоминания). –

When I returned to my husband, I found him very annoyed.

"No, just think," he said, walking up and down the room in agitation, "What a mean thing they have come up with: you left me! What **vile slander!** What enemy wrote this?"

The thought that I could have been **slandered** struck my husband in this incident most of all (A.G. Dostoevskaya. Memoirs).

In the structure of slander, three main discursive actors can be distinguished: the author (slanderer), the addresser and the referent (the "target" of slander). In interpersonal communication, the latter witnessing slander addressed to him/her or not taking a direct part in communication, can nevertheless become the object of informing and generate a discourse of response by producing either a refutation or justification:

(3) Нелепость это, глупость и **клевета** – все вместе. Я категорически отвергаю подобные измышления (А. Яковлев. Омут памяти). – This is absurdity, stupidity and **slander** – all together. I categorically reject such fabrications (A. Yakovlev. Pensieve of Memory).

The motivational basis for the slanderer's communicative behavior is inherently destructive and involves: 1) envy, revenge, hostility towards the referent; 2) deriving profit, selfish motives:

(4) Создавалось у меня впечатление, что **клеветал** Василий Васильевич на русский народ, чтобы оправдать свое дезертирство и предательство (Е. Зотов, Ф. Шахмагонов. Гость). – I got the impression that Vasily Vasilyevich **slandered** the Russian people in order to justify his desertion and betrayal (E. Zotov, F. Shakhmagonov. Guest);

(5) ... Тех, кто по долгу службы или по призванию писал на меня доносы, **клеветал**, преследовал, чинил всяческие неприятности (А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца). – ...Those who, on duty or by calling, informed on me, **slandered**, persecuted, and caused all sorts of trouble (A. Zinoviev. Russian Fate, Confession of a Renegade);

(6) Выгораживая себя, изверг **клеветал** на своих простодушных жертв (П. Рашков. Чугунное сердце // Труд-7, 2000.08.15). – Screening himself, the monster **slandered** his innocent victims (P. Rashkov. A Cast Iron Heart // Trud-7, 2000.08.15).

The main communicative intention of slander can be formulated as follows: to spread unreliable information of accusatory character against the referent, ultimately aimed at undermining his/her reputation, humiliating his/her honor and dignity. Since honor and dignity are evaluative categories, and reputation is an evaluative social category that determines the status of a person's decency and virtuousness in society, the communicative behavior of a slanderer is thus aimed at deliberately discrediting, belittling the positive characteristics of a person, at lowering his/her social attractiveness in the view of other people. This intention causes an unambiguously negative assessment of the slanderer's behavior in ordinary consciousness.

As a communicative personality, the slanderer embodies the social "anti-icon". His communicative behavior is characterized by focussing both on the "inner world", or the individual (affects the feelings of the object of slander), and on the "outside world", or the social (reputation, his social face), causing harm from the standpoint of utilitarian, moral norms and social significance. Thus, the destructiveness of his/her communicative behavior in day-to-day communication is defined largely by the moral and psychological (loss of good name) and physical (depression, illness, death) damage inflicted, not by the legal status of slander as a crime:

(7) И неожиданно начал сетовать на семейную жизнь, жаловаться на Оксану, не понимающую его духовных запросов, рассказывал про нее неле-

пые вещи, **вдохновенно клеветал**, не чувствуя стыда (А. Славовский. Сосед // Волга, 2013). – And suddenly he began to complain about family life, complain about Oksana, who did not understand his spiritual needs, told ridiculous things about her, **slandered with inspiration**, without feeling any shame (A. Slapovsky. The Neighbour // Volga, 2013);

(8) После этого Анна никогда больше не видела своей матери за столом, ей подавали обед в ее комнату, ту самую, где однажды утром ее нашли мертвой – она заснула и не проснулась, и это было похоже на то, как если бы день ее спора с отцом о **клевете** на бабушку был последним днем ее жизни, непонятным образом затянувшимся на целый год: она умерла ровно через двенадцать месяцев после этого спора (Г. Газданов. Пробуждение). – After that, Anna never saw her mother again at the table, she was served dinner in her room, the same room where she was found dead one morning – she fell asleep and did not wake up, and it was as if the day of her argument with her father **about slandering** her grandmother had been the last day of her life, inexplicably dragged on for a whole year: she died exactly twelve months after that argument (G. Gazdanov. The Awakening);

(9) Он глубоко вздохнул.

Действительно, я видел, что говорить ему было трудно.

– На ее суд, – продолжал он так же тихо, но уже с другим, ожесточенным выражением, – отдаю я тот поступок, который она совершила, уйдя и не сказав мне ни слова. Поверив **подлой клевете**, которая преследует меня всю жизнь (В. Каверин. Два капитана). –

He took a deep breath.

Indeed, I saw that it was difficult for him to speak.

"To her judgment," he continued in the same quiet voice, but with a different, fierce expression, "I give up the act that she committed when she left without saying a word to me. Believing the **vile slander** that haunts me all my life." (V. Kaverin. The Two Captains).

The slanderer's destructive behavior cannot but affect the psycho-emotional state of the addresser, causing a storm of negative emotions:

(10) Анна помнила только один случай, когда ее мать **совершенно вышла из себя** и кричала высоким голосом, которого Анна не слышала ни до, ни после этого:

– Как вы смеете **клеветать**, Ипполит! Я никогда не допущу этого в моем доме! (Г. Газданов. Пробуждение). –

Anna remembered only one occasion, when her mother **completely lost her temper** and shouted in a high voice, which Anna had not heard before or after:

“How dare you **slander**, Hippolyte! I will never allow this in my house!” (G. Gazdanov. The Awakening);

(11) – ...Но почему вы так говорите, что Алексей имеет к этому отношение? Это **несправедливо! Это самая настоящая клевета**, вот что это такое!

– Ну-ка, убирайся отсюда! – с откровенной злобой прорычал Сукачев, появляясь в дверях. – И не суйся не в свои дела! (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска). –

“But why are you saying that Alexey has something to do with this? **It’s not fair! This is the real slander**, that’s what it is!”

“Come on, get out of here!” Sukachev growled with frank malice, appearing at the door. “And mind your own business!” (N. Leonov, A. Makeev. The Grandmaster of Investigation);

(12) С этого вечера я уже совершенно ее не понимал; **меня бесило** то, что она слишком чутко **внимала Рощинской клевете**; я не мог себе представить, чтобы Ворошнина мне верила меньше, чем оскорбительным сообщениям заурядного Петеньки; я положительно возненавидел ее... (В. Ерофеев. Записки психопата). – From that evening I did not understand her at all; **I was infuriated** that she **listened too keenly to Roshchin’s slander**; I could not imagine that Voroshnina believed me less than the insulting reports of the mediocre Petenka; I definitely hated her... (V. Erofeev. The Notes of a Psychopath).

Slander can be used in institutional interpersonal communication for two main purposes: to influence or confront an opponent. Similar to day-to-day communication, in institutional communication a slanderer’s communicative behavior is aimed at a negative (mental) impact, causing harm to another person/group of persons by means of false information, and can be considered one of indirect destructive tactics.

Let us turn to communicative personalities who practice predominantly manipulative tactics of destructive communication. A prototypical communicative personality here is a blackmailer. Leaving aside the legal bearings of this concept, we will analyse the linguistic image of a so-called emotional blackmailer. This is a communicative personality that practices various manipulative communicative tactics in order to exert influence on a person’s emotional state and achieve the desired goal. Thus, the use of manipulative communicative tactics and covert psychological pressure constitute the basis of this destructive personality type. It should be also born in mind that such communicative

behaviour is often a feature of interaction between close people, who may even be called “nearest and dearest”.

Generally, destructive behavior is revealed through various kinds of threat, the invariant form of which can be formulated as follows: *if you do not behave as I want, you will suffer and regret it*:

(13) Потом он **шантажировал** Вадима, говорил, что опубликует дневник, если Вадим не отдаст деньги... (Э. Володарский. Дневник самоубийцы). – Then he **blackmailed** Vadim, saying that he would publish the diary if Vadim did not give the money back... (E. Volodarsky. A Suicider’s Diary);

(14) Один подонок вообще **шантажировал** ее, даже деньги вымогал, угрожая обо всем рассказать мужу (О. Некрасова. Платит последний). – One bastard **blackmailed** her, even extorted money, threatening to tell her husband about everything (O. Nekrasova. The Last One Pays).

Verbal threat as a form of aggression has two forms. The first one is caused by a stimulus and can be called *reactive*; the second one, correspondingly, is caused by motivation and may be referred to as *proactive*. With regard to blackmail, it is the proactive type that implies the destructiveness of the blackmailer’s behavior. By revealing his/her intention to inflict harm to the addresser at some future time, the blackmailer either modifies the victim’s emotional state or forces him/her to change his/her behavior.

It should also be noted that the blackmailer knows human weaknesses, which makes him/her an excellent therapist. The blackmailer’s main communicative goal is to bring the victim into subjection, to make him/her surrender, and the blackmailer skillfully uses this knowledge of human psychology to achieve it:

(15) Она закатывала дома истерики, **шантажировала разводом**, то и дело уезжала с детьми к маме (К. Немирова. Как во Владивостоке разводят бизнесменов // Комсомольская правда, 2011.04.25). – At home, she threw tantrums, **blackmailed him with a divorce**, and then went away with her children to her mother (K. Nemirova. How Businessmen are Deceived in Vladivostok // Komsomolskaya Pravda, 2011.04.25);

(16) Все то время, пока он разводился, у нас был кошмар. Жена **шантажировала** его дочерью, имуществом и даже любимой собакой. В итоге Гриша отдал ей трехкомнатную квартиру, дачу, купил

супруге новенький «Пежо» и еще денег дал, уж не знаю, сколько именно, но, думаю, немало (Е. Бурцева. Мечтаю быть любимой женой // Комсомольская правда, 2004.12.24). – All the time he was getting divorced, we had a nightmare. His wife **blackmailed** him with his daughter, property and even his beloved dog. As a result, Grisha gave her the three-room apartment, the dacha, bought his wife a brand new Peugeot and paid money, I don't know how much, but I think a lot (Е. Burtseva. I Dream of Being a Beloved Wife // Komsomolskaya Pravda, 2004.12.24).

The destructiveness of the blackmailer's behavior becomes apparent due to the reaction of the addresser or third parties, who react rather emotionally when realizing that one of their acquaintances or they themselves have become the object of blackmail:

(17) – Да она же сука... Б...дь поганая... Она меня **шантажировала**... (О. Дивов. Выбраковка). – She's a bitch... Damn fucking bitch... She **blackmailed** me... (O. Divov. Culling);

(18) – Бедная Ирка! – Марина закрыла лицо руками. – Я виновата в ее гибели. Будь они прокляты, эти деньги и этот **мерзкий шантажист**. Своими руками придушила бы его (Л. Дворецкий. Шакалы). – “Poor Ira!” Marina covered her face with her hands. “I am responsible for her death. Damn it, this money and this **vile blackmailer**. I would strangle him with my own hands.” (L. Dvoretzky. The Jackals).

Taking into account that the blackmailer deliberately causes psycho-emotional harm to his/her nearest and dearest by pushing on their pressure points with threats and manipulative tactics, his/her communicative behavior may be unequivocally qualified as destructive.

The research allowed distinguishing destructive personalities that make use of both direct and indirect tactics of destructive communication. These include a mobber, a jealous person, and a communicative sadist. A survey of respondents (100 people, Russian-speakers, aged from 18 to 75, the men-to-women ratio is 24:76) features the following characteristics of a jealous type: a possessor / egoist, distrustful of his/her partner's fidelity, lacking self-confidence and aggressive, a fool. Though some positive features of the jealous communicative type can also be singled out (for example, love for the object of jealousy), all the respondents without exception assessed this communicative personality type negatively.

These data are supported by the results of reflection context analysis (a total of 1120 reflection contexts selected from literary texts, the National Corpus of the Russian Language, Internet sources (forums, blogs), journalistic texts were subjected to analysis). The contextual analysis helped reveal a highly typical nature of a jealous person's behavior that might be identified as either active or passive. The active type is manifested through predominantly overt aggressive actions: typical features of an actively jealous person include throwing tantrums, making scenes, demanding explanations, proofs of fidelity or confessions of infidelity, using threats, moral or physical violence:

(19) К счастью, для меня все это уже пройденный этап. Стекла на работе бил, в проезжающие мимо машины, кирпичи бросал, все подружки – шлюхи, друзья – кобели. В гостях вел себя так, что провалиться на месте. По-трезвому вечные придирки, а выпьет, осмелеет и с кулаками на меня. Все двери, косяки были пробиты дома ² (<http://forum.say7.info/topic66318-50.html>). – Fortunately, I've grown out of that. He used to smash windows at work, throw bricks at passing cars, all my female friends were whores, male friends were playboys. At parties he behaved in such a way that I could sink through the floor. When he was sober, he was always nit-picking, but when he was drunk, he became bolder and flew at me with his fists. All doors, jambs were pierced at home.

A jealous person may hide his/her aggressiveness, which does not imply the absence of destructive emotions. Thus, he/she may go through a period of *covert aggressiveness* that later may turn into *overt aggressiveness*. Covert aggressiveness involves indirect and/or non-verbal manifestations of destructiveness and aggression. The jealous person tends to make use of *the tactics of emotional tension* or *emotional pressure*, which creates conditions unacceptable for constructive communicative interaction:

(20) В последнее время у моего мужа **жуткая ревность** ко мне, ревностью он меня и себя изводит, во время скандалов говорит мне гадости, о которых потом сам жалеет и просит прощения и так постоянно, если выпьет и заведется, то вообще держись, вспомнит все, что было и чего не было. Ревновать меня нет причин, я мама двоих маленьких детей, сижу дома, не работаю, да я гуляю часто с детьми до поздна, хожу в гости и что?! Вот напри-

мер, сегодня, мы задержались в парке, пришли домой начало одиннадцатого, муж недоволен, сказал, сейчас, дети лягут, ты у меня получишь, пока я кормила, мыла и укладывала детей, шепотом говорил гадости. Дети уснули, стал ругать, и требовать объяснений, а что тут объяснишь?! (<https://www.woman.ru/relations/men/thread/4819852/>). – Recently, my husband has had a **terrible jealousy** towards me, he has been tormenting me and himself with jealousy, during scandals he tells me nasty things, which he later regrets and asks for forgiveness, and so constantly, if he has a drink and gets agitated, then you should hold on, he would remember everything that has ever happened or not happened. There is no reason to be jealous of me, I am a mother of two small children, I am the one at home, I don't work, but I often walk with my children until late, I go to visit, so what?! for example, today, we stayed late in the park, we came home after ten in the evening, my husband was dissatisfied, he said, now, the children will go to bed, you will get it from me, while I fed, washed and put the children to bed, he was whispering nasty things. The children fell asleep, and he began to scold, and demand an explanation, but what can you explain?!

Then the jealous person can implement some tactics of overt aggression: he/she tears the partner's clothes, locks him/her at home, does not let him/her meet any people, no matter whether they are friends or strangers, offends and insults the potential rivals and the partner him/herself. The extensive research material shows a number of direct/overt destructive tactics can be implemented, the tactics of reproach, threat, insult, demonstration of resentment, malevolence, and mockery among them. As jealousy gets stronger, the object of jealousy and/or the rival might be subject to physical aggression as well:

(21) Часто **ревнивцы** не просто лишают жизни ближнего, но и **причиняют физические страдания**. Если речь идет о мужчинах, то криминалистике известны случаи, когда мужья и сожители калечили детородные органы женщины и молочные железы. Также систематически происходят преступления, когда женщины, приревновавшие своих мужчин, лишают их полового органа (<https://iz.ru/872251/ivan-petrov/liubov-odna-vinovata-iz-revnosti-sovershaetsia-kazhdoe-vosmoe-ubiistvo>). – Often, **jealous people** not only take the life of their nearest and dearest, but also **cause them physical suffering**. If we talk about men, forensics knows cases when husbands and partners mutilated women's reproductive organs and mammary glands. Crimes also systematically occur

when women who are jealous of their men deprive them of their sexual organ.

Thus, an actively jealous person implements the strategy of humiliating his/her partner in communication through the use of various manipulative tactics (reproach, interruption of contact (silence), emotional pressure, demonstration of resentment) and tactics of verbal and non-verbal aggression (threat, insult, indignation, mockery, malevolence).

To analyze the communicative behavior of a passively jealous person, two literary texts were considered: L.N. Tolstoy's "The Kreutzer Sonata" and C. Millet "Jealousy". The texts belong to different literary epochs and genres. Nevertheless, they allow distinguishing some behavioral features of a passively jealous person. The most noticeable feature can be regarded as the absence of overt aggression in interpersonal interaction: a passively jealous person could be quiet and polite with the object of his/her jealousy. At the same time he/she tries to trap the partner into lying by asking innocent questions (like "Where have you been so long after work?"). At the same time, he/she cherishes treason in his/her imagination. It might happen that deep down the jealous person realizes that there are no grounds for jealousy. Even if this case, the jealous person does want to hurt his/her partner with groundless accusations.

Instead, the jealous person may imagine treason and even elaborate various imaginary treason scenarios: feeling deep down that his/her jealousy has no basis behind it, he/she still does not want to hurt his/her partner's feelings. This fear of breaking the relationship may go even further in case the fact of treason is confirmed. A passively jealous person can keep all his jealousy to him/herself, which may lead to severe somatic disorders and/or overt physical aggression. The overall goal of a jealous person, no matter whether he/she is actively or passively jealous, is to hurt, humiliate, morally or even physically destroy the partner; thus, the communicative behavior of a jealous person features such destructive communicative tactics as communicative sadism, direct insult, emotional pressure, and other direct and indirect techniques of destructive communication. All these taken together allows us to conclude that a jealous person can be unconditionally subsumed under the categories of a destructive communicative personality.

Having thus characterized the destructive communicative personality types proper, we should also distinguish a potentially destructive personality type whose initial intention may not be qualified as destructive. Potentially destructive personality types do not have an intention to offend, insult or discredit a communicative partner, nevertheless, the addresser and/or the independent observer may regard it as destructive.

We believe that a typical representative of potentially destructive personality types is a gossip (spreader of false rumours), since his/her communicative behavior may be aimed at criticizing, defaming, or tarring the reputation of some third party. This destructive kind of gossip has a completely different nature from the so-called “benign” gossip. The gossip intends to hurt the third party though his/her criticism and defamation are not directed specifically at him/her: in fact, it is an indirect condemnation, it is carried out “behind one’s back”.

Recall that gossip is a communicative event, denoting the involvement in the process of gossip exchange among the members of the in-group and the violation of the private space boundaries of the out-group. If the choice of the addresser was incorrect and he/she belongs to the out-group, the gossip’s communicative actions may be misunderstood and spark a negative response:

(22) [Баба с тазом (Мария Андрианова), жен, 40, 1921] А уж с которым из двух она гуляет / не скажу. Не знаю.

[Мать Нади, жен] А не знаете / так и не говорите. И нечего **сплетни** распускать! Татьяна Максимовна! (И. Ольшанский, Н. Руднева, Ю. Райзман. А если это любовь? К/ф). –

[A woman with a bowl (Maria Andrianova), female, 40, 1921] I won’t say which of the two she goes out with. Do not know.

[Nadya’s mother, female] If you don’t know / don’t say anything. And don’t **spread gossip!** Tatyana Maksimovna! (I. Olshansky, N. Rudneva, Y. Raizman. What if it is Love? Film);

(23) – Все это чепуха, **сплетни!** – проговорила она резко. – Дура твоя Файка! Человек, бывает, встречает кого-то на улице случайно... (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). – “All this is nonsense, **gossip!**” She spoke sharply. “Your Faika is a fool! A person happens to meet someone in the street by chance... (D. Rubina. On the Sunny Side of the Street).

The destructive character of gossip is confirmed by an extremely negative emotional reaction (chagrin, irritation, resentment, anger) on the part of the addresser, which brings gossip close to slander:

(24) От сплетни тогда отмахнулась – не в первый и не в последний раз клеветают, но все равно **мерзопакостно** (О. Новикова. Каждый убивал // «Сибирские огни», 2012). – Then she dismissed the gossip: it was not for the first and not for the last time they slandered, but it was still **disgusting** (O. Novikova. Everyone Killed // Siberian Lights, 2012);

(25) Никто нас, вроде бы специально не учил, что **сплетничать некрасиво** (а если бы учил, мы бы, пожалуй, из чувства противоречия стали бы сплетничать), но сплетни вызывают рефлекторное чувство гадливости, хотя и рациональное объяснение можно, наверное, подыскать: сплетничество является проявлением собственного комплекса неполноценности, когда малозначительные или отвратительные явления в жизни других лиц являются возбуждающим фактором (Свобода и ее осложнения // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.11.01). – No one seems to have specifically taught us that **gossip is ugly** (and if they had, we would probably gossip on a dare), but gossip evokes a reflective feeling of disgust, although a rational explanation can probably be found: gossip is a manifestation of one’s own inferiority complex, when insignificant or disgusting phenomena in the lives of others are triggering factor (Freedom and its Complications // Internet Almanac “Lebed”, 2003.11.01).

Conclusion

Destructive behavior is aimed at intentionally and deliberately causing moral and/or physical harm to the interlocutor and features a sense of satisfaction derived from the addresser’s suffering; the addressee has the desire to elevate him/herself through humiliating and morally destroying the addresser.

The communicative behavior of a destructive personality is determined by the choice of the basic goal setting, strategy and tactics.

Destructive communicative personality types proper are distinguished by the regular manifestations of destructive behavior that vary depending on tactical preferences. This makes it possible to differentiate a communicative personality who practices predominantly invective tactics of destructive communication (for example, *ham* (the boor)); predominantly

manipulative tactics of destructive communication (*shantazhist* (the blackmailer)); combined invective-manipulative tactics of destructive communication (*revnivets* (the jealous type)).

The greatest destructive potential is revealed in the communicative behavior of individuals who choose invective communication tactics implemented in a direct (the boor) or indirect (the slanderer) form.

Potentially destructive communicative personalities include the gossiper, and under certain conditions, the flatterer and the pedant. However, this issue requires additional research. It also looks promising to study communicative types that represent a destructive communicative personality in various types of discourse.

NOTES

¹ Hereinafter translated by Ya. Volkova and N. Panchenko.

² Hereinafter the author's spelling and punctuation are preserved.

REFERENCES

- Bogin G.I., 1975. *Urovni i komponenty rechevoy sposobnosti cheloveka* [Levels and Components of Human Speech Ability]. Kalinin, Izd-vo Kalinin. gos. un-ta. 106 p.
- Dovlatov S.D. *Eto neperevodimoye slovo «khamstvo»* [This is an Untranslatable Word "Rudeness"]. URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/etoneper.html>
- Issers O.S., 2008. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communication Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, LKI. 288 p.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Karasik V.I., 2007. *Yazykovyye klyuchi* [Language Keys]. Volgograd, Paradigma Publ. 520 p.
- Karaulov Yu.N., 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka Publ. 261 p.
- Krasnykh V.V., 2001. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow, Gnozis Publ. 270p.
- Panchenko N.N., 2008. Kommunikativnyy tipazh «demagog» [Communicative Type "Demagogue"]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], no. 5 (29), pp. 56-60.
- Puzyrev A.V., 2002. *Opyty tselostno-sistemnykh podkhodov k yazykovoy i neyazykovoy realnosti* [Experiences of Holistic-Systemic Approaches to Linguistic and Non-Linguistic Reality]. Penza, PGPU im. V.G. Belinskogo. 164 p.
- Romek V.G., 2004. Khamstvo nepobedimo? [Is Rudeness Invincible?] *Sotsialnyy psikholog* [Social Psychologist], no. 1 (7). URL: <https://www.romek.ru/ru/hamstvo1>
- Sedov K.F., 2004. *Diskurs i lichnost: evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and Personality: The Evolution of Communicative Competence]. Moscow, Labirint Publ. 320 p.
- Sedov K.F., 2008. Teoreticheskaya model psikholingvopersonologii [Theoretical Model of Psycholinguopersonology]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], no. 7, pp. 12-23.
- Sirotnina O.B., 1998. Sotsiolingvisticheskiy faktor v stanovlenii yazykovoy lichnosti [Sociolinguistic Factor in the Formation of a Linguistic Personality]. *Yazykovaya lichnost: sotsiolingvisticheskiye i emotivnyye aspekty* [Language Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 3-9.
- Volkova Ya.A., 2012. Destruktivnoye obshcheniye: k opredeleniyu ponyatiya [Destructive Communication: To the Definition of the Concept]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (16), pp. 205-219.
- Volkova Ya.A., 2014. *Destruktivnoe obshhenie v kognitivno-diskursivnom aspekte* [Destructive Communication in Cognitive and Discourse Aspects]. Volgograd, Peremena Publ. 304 p.
- Vorkachev S.G., 2001. Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, Linguistic Personality, Concept: The Formation of an Anthropocentric Paradigm in Linguistics]. *Filologicheskkiye nauki* [Philological Sciences], no. 1, pp. 64-72.

Information About the Authors

Yana A. Volkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 7, 117198 Moscow, Russia, yana.a.volkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1456-5881>

Nadezhda N. Panchenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Linguistics, Volgograd State Social Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russia, panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Информация об авторах

Яна Александровна Волкова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 7, 117198 г. Москва, Россия, yana.a.volkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1456-5881>

Надежда Николаевна Панченко, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Россия, panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.14>

UDC 81'373.2
LBC 81.053.16

Submitted: 10.07.2021
Accepted: 16.05.2022

DISCURSIVE EXPERIMENT AS A METHOD OF ONYM DISCOURSE ACTUALIZATION

Elena Yu. Pozdnyakova

Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents the description of the methodology of carrying out a discursive experiment as a consecutive study necessary for the expanding of a proper name discourse. Proceeding from the assumption that the proper name actualizes the onym discourse, the author put forward the following model of a discursive experiment: stage 1 – an associative experiment; stage 2 – dialogical text modelling; stage 3 – monological text modelling. The names of urban commercial objects (ergonyms) were selected as the material for the study. This group of onyms was chosen as one of the most frequently used in urban spatial discourse and functioning both in everyday and in institutional discourse. The associative experiment resulted in receiving the reactions, which represent the initial stage of onym discourse expanding. The derivational, paradigmatic and syntagmatic mechanisms were used at this stage. At the second stage, dialogical reactions were received. The communicative models of dialogue composition were conditionally divided into the models of opposition, comparison and dissemination. As a result of the third stage of the experiment, texts were received, mainly of a fantasy nature. The experiment proved that the proper name is not only an abridged text, but a compression of a variety of texts, which has the potential of unfolding in dynamics and creates a kind of discursive field of the onym.

Key words: discursive onomastics, discursive experiment, onym, proper name, text, discourse, associative experiment, linguistic experiment.

Citation. Pozdnyakova E. Yu. Discursive Experiment as a Method of Onym Discourse Actualization. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 155-166. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.14>

УДК 81'373.2
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 10.07.2021
Дата принятия статьи: 16.05.2022

ДИСКУРСИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСА ОНИМА

Елена Юрьевна Позднякова

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия

Аннотация. В статье обоснована методика проведения дискурсивного эксперимента как поэтапного исследования, необходимого для развертывания дискурса имени собственного. Исходя из предположения, что оним актуализирует дискурс, стоящий за ним, автор разработал модель дискурсивного эксперимента: 1-й этап – ассоциативный эксперимент; 2-й этап – моделирование диалогического текста; 3-й этап – моделирование монологического текста. Материалом для апробации предложенной модели послужили наименования городских коммерческих объектов (эргонимы) как наиболее распространенная в городском пространственном дискурсе группа собственных имен, функционирующих и в быденном, и в институциональном дискурсах. В ходе ассоциативного эксперимента получены реакции, представляющие собой начальный этап развертывания дискурса онима. На данном этапе были задействованы деривационный, парадигматический и синтагматический механизмы. На втором этапе получены диалогические высказывания; коммуникативные модели построения диалога были условно разделены на модели противопоставления, сравнения и распространения. В результате 3-го этапа эксперимента были смоделированы тексты преимущественно фантазийного характера. Проведенный эксперимент доказал, что оним является не просто свернутым тек-

стом, а компрессией множества разнообразных текстов, в динамике обладающей потенциалом развертывания и создающей дискурсивное поле онима.

Ключевые слова: дискурсивная ономастика, дискурсивный эксперимент, оним, имя собственное, текст, дискурс, ассоциативный эксперимент, лингвистический эксперимент.

Цитирование. Позднякова Е. Ю. Дискурсивный эксперимент как способ актуализации дискурса онима // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 155–166. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.14>

Введение

Смена научной парадигмы в лингвистике конца XX – начала XXI в., переход от системно-структурного подхода к функциональному, антропоцентрический поворот современной лингвистики позволили рассматривать язык не как абстрактный семиотический конструкт, а как совокупность процессов коммуникации, некий «язык в действии» [Кубрякова, 2000, с. 6], текст в процессе его функционирования. Все это привело к появлению новой парадигмы научных исследований – дискурс-анализу (discourse analysis, или discourse studies). Ключевым здесь становится понятие дискурса. Пришедшее в лингвистику из философии постмодернизма, оно по-разному толкуется языковедами. Так, Н.Д. Арутюнова определяет данный термин как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова]. По мнению ученого, дискурс – это речь, «погруженная в жизнь».

Т.А. ван Дейк, один из основоположников теории дискурса, связывает данное понятие с макроструктурами и определяет его как некий глобальный речевой акт, который складывается из последовательности речевых актов. Он пишет: «Конкретные речевые акты могут быть или относительно “самостоятельными” единицами коммуникации (ср. приветствия), или рассматриваться как нормальные условия, компоненты или элементы последовательности, образующие глобальный речевой акт» [Дейк, 2000, с. 36]. Трактовка понятия дискурса менялась на протяжении времени, как отмечают Ю.Н. Караулов и В.В. Пет-

ров, «с позиций современных подходов дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров, 2000, с. 8]. Мы соглашаемся с А.А. Кибриком в том, что «предпочтительным является такое понимание термина “дискурс”, которое включает одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, и ее результат (то есть текст)» [Кибрик, 2003, с. 10]. Подобная трактовка позволяет применять дискурс-анализ к исследованиям семантики и функционирования имени собственного, поскольку оним, с одной стороны, представляет собой результат номинативной деятельности создателя названия, некий текст-компрессив, а с другой – он погружен в коммуникативную деятельность говорящих и подлежит развертыванию в процессе их взаимодействия.

Исходя из высказанного еще Л.Н. Мурзиным и А.С. Штерн теоретического положения о том, что «одним из предельных сжатий текста можно считать его сведение до набора ключевых слов, который отражает некую ядерную цельность» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 4], мы утверждаем, что собственное имя – это не только единица номинации, но и свернутый до одного слова (словосочетания) текст, который может быть развернут в языковом сознании говорящих. Оним вплетен в дискурсивную деятельность говорящих и во многом определяет, как будет разворачиваться дискурс. В триаде «оним – текст – дискурс» оним обладает наибольшей компрессией смысла, поскольку представляет собой результат свертывания разнообразных дискурсов как практик использования онима в текстах разных функциональных сфер. Если рассматривать дискурс-анализ как инструмент, с помощью которого становится возможным реконструи-

ровать замысел текста, исходные интенции, скрытые смыслы, транслируемые адресантом, и их влияние на понимание текста адресатом, то применительно к ониму дискурс-анализ поможет обозначить те компоненты смысла, которые воздействуют на восприятие онима, его интерпретацию адресатом, а также определить составляющие дискурсивного поля онима – тексты, влияющие на его апперцепцию.

Предлагаемый нами подход к изучению онима как единицы, обладающей свойством дискурсивности, характеризуется новизной, поскольку дает возможность рассмотреть оним с позиции адресата, воспринимающего его, во-первых, как погруженный в синхронно существующий дискурс, во-вторых, как вовлеченный в создание новых дискурсивных практик носителей языка. Подобные практики в современных исследованиях определяются как «социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и неинституционального общения» [Куликова, 2015, с. 10].

Мы утверждаем, что «собственное имя представляет собой свернутый до одного слова (словосочетания) текст, включающий... ключевые компоненты смысла, которые впоследствии, в процессе восприятия онима, могут быть развернуты и интерпретированы реципиентом (реципиентами), образуя при этом не один возможный текст, а множество текстов, составляющих в совокупности с исходным текстом и другими вербальными и невербальными компонентами коммуникации дискурсивное поле онима» [Позднякова, 2021, с. 251].

Целью статьи является обоснование и описание методики проведения дискурсивного эксперимента – исследовательской процедуры, направленной на развертывание дискурса имени собственного.

Методика проведения дискурсивного эксперимента

Основываясь на предположении, что имя актуализирует дискурс, стоящий за онимом, мы построили следующую модель экспери-

мента по включению имени собственного в процесс порождения дискурса:

1-й этап – ассоциативный эксперимент. Его результатом является набор ключевых слов, моделирующих концепт имени. Дискурс на данном этапе развертывается через ассоциативно-вербальную сеть, создающую ассоциативный фон имени.

2-й этап – моделирование диалогического текста. Результатом является конструируемая речь – заданный онимом диалогический дискурс.

3-й этап – моделирование монологического текста. Результатом являются смоделированные фантазийные монологические дискурсы, в которых разворачивается оним.

В качестве методов эксперимента, который был условно обозначен нами как дискурсивный, использовались метод свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), метод лингвистического эксперимента, целью которого было развертывание диалогического дискурса (ЛЭ-1), метод лингвистического эксперимента, с помощью которого проходило моделирование фантазийного монологического текста (ЛЭ-2).

Материалом послужили наименования городских коммерческих объектов (эргонимы), как наиболее распространенная в городском пространственном дискурсе группа собственных имен, функционирующих как в быденном, так и в институциональном дискурсе. Эксперимент проводился в однородной по социолингвистическим параметрам аудитории, в качестве респондентов выступили студенты 1-го курса АлтГТУ им. И.И. Ползунова (170 чел.).

Результаты и обсуждение

Результаты свободного ассоциативного эксперимента

Первый этап исследования заключался в проведении ассоциативного эксперимента. Стимулами послужили 20 наименований коммерческих предприятий г. Барнаула, а именно: 10 названий магазинов и торговых центров (*Арена, Весна, Волна, Галактика, Лето, Магнит, Малина, Пчелка, Простор, Светофор*) и 10 названий предприятий ресторанной

сферы (*Асадор, Ганс, Иероглиф, Лукошко, Облепиха, Океан, Опера, Сова, Тициан, Черемушки*). Данные названия были получены методом случайной выборки, вид деятельности предприятия в анкете не был указан. Испытуемым предлагалось написать все возможные ассоциации, возникшие при восприятии указанных слов. В ходе эксперимента получено более 5 500 реакций, среди которых представлены как частотные (стереотипные) реакции, составляющие ядро ассоциативного поля онима, так и низкочастотные (единичные) реакции, отображающие его периферию. В 65 случаях отмечено отсутствие ассоциаций. Наиболее значимыми при описании ассоциативного поля онима признаются высокочастотные реакции, поскольку, как отмечает Е.Н. Гуц, «ядро (частотная часть) поля устойчиво во времени, содержит реакции, обладающие узуральными связями со словом-стимулом» [Гуц, 2005, с. 39].

Полученные реакции, в соответствии с классификацией Ю.Н. Караулова [Караулов, 1999, с. 108–109], разделены на пять групп, в зависимости от коммуникативных тактик: предикацию (в узком смысле – приписывание признака предмету), номинацию (в том числе дефиницию), локацию, оценку и пропозицию. Основываясь на данной классификации, мы выделили следующие типы оппозиций, реализуемых в реакциях испытуемых:

- а) атрибутивные – адвербиальные;
- б) номинативные – предикативные;
- в) локативные – темпоральные.

Кроме того, все полученные реакции разделены на нейтральные и оценочные, среди последних зафиксированы высказывания с позитивной и негативной оценкой.

Атрибутивные высказывания (какой?):

Арена – огромный.
 Асадор – желтый, испанский.
 Весна – красивая, мокрая, теплая.
 Волна – быстрая, высокая, голубая.
 Галактика – неизвестная, огромное, черный.
 Ганс – немецкий, умный.
 Иероглиф – древний, египетский, китайский.
 Лукошко – плетеное, старое.
 Магнит – большой, двухсторонний, красный, синий, сломанный.
 Малина – кислая, красная, розовая.
 Облепиха – кислая, колючая, оранжевая.

Океан – безграничный, бескрайний, неизведанный.

Опера – дорогой, интересная, мыльная.

Простор – масштабный, необъятное.

Пчелка – желтая, маленькая.

Светофор – высокий, оптовый, цветной.

Сова – ночная, умная.

Черемушки – белый, домашнее.

Адвербиальные высказывания (как?):

Асадор – неизвестно.

Весна – мимо нас.

Волна – красиво.

Галактика – необъятно.

Иероглиф – черным по глине.

Лето – жарко.

Малина – сладко, полезно.

Облепиха – вкусно, кисло, невкусно.

Океан – глубоко.

Простор – красиво.

Пчелка – больно, неприятно.

Светофор – дешево.

Номинативные высказывания (дефиниции и пояснения):

Арена – амфитеатр, площадь, постройка, ринг, театр, торговый центр.

Асадор – еда, вертел, гриль, кафе, магазин мужской одежды, ресторан, стейк-хаус.

Весна – запах, лужи, птицы, ручейки, солнце, торговый центр, трава, цветы.

Волна – лодка, магазин, океан, пляж, прилив, радио, серфинг, цунами, шторм.

Галактика – звезды, кинотеатр, космос, магазин, мир, планеты.

Ганс – Андерсен, бар, вывеска, имя, кафе, пиво, ресторан, сказочник, трактир.

Иероглиф – алфавит, буква, кухня, письмо, ресторан, рисунок, руны.

Лето – время года, каникулы, море, отдых, торговый центр.

Лукошко – бар, грибы, кафе, корзина, пирожки, ресторан, ягоды.

Магнит – магазин, притяжение, сувенир, супермаркет, физика.

Малина – варенье, куст, торговый центр.

Облепиха – варенье, гостиница, лекарство, масло, сок, столовая, ягода.

Океан – магазин, море, Тихий.

Опера – бар, клуб, музыка, спектакль, театр.

Простор – магазин, поле, свобода, торговый центр.

Пчелка – мед, труженик, магазин, шмель.

Светофор – магазин, регулировщик.

Сова – птица, филин, хищник.

Тициан – живописец, кофейня, ресторан, художник.

Черемушки – *деревня, кафе, конфеты, магазин, новостройки, остановка, район Барнаула, растение, столовая.*

Предикативные высказывания (словосочетания и предложения):

Арена – *арена, на которой сражались воины в древности; место для сражений гладиаторов.*

Асадор – *наездник на лошади.*

Весна – *прилетают птицы; природа просыпается; приятная атмосфера дождливости и цветения.*

Волна – *волна на море, на которой можно посерфить.*

Галактика – *множество планет и звезд, которые скопились в одном месте; торговый центр с любимыми магазинами.*

Ганс – *сгорел на Ленина; человек с пистолетом.*

Иероглиф – *ресторан японской кухни; специальный символ для передачи информации.*

Лето – *отдых на природе; поездки на мотоцикле.*

Лукошко – *деревянная корзинка, в которую собирают ягоды; котята в лукошке.*

Магнит – *кириешки по акции; магнит, который притягивается к железу; сувенир на холодильник; торговый центр, конкурирующий с Мария Ра.*

Малина – *маленькая розовая ежевика, из которой получается очень вкусное варенье; чай с вареньем.*

Облепиха – *место красивой фотографии; растет на кустах.*

Океан – *где-то бурный, а где-то спокойный; огромные корабли, которые везут груз.*

Опера – *огромный театр, где если не интересуешься искусством, то уснешь, и еще дорого.*

Простор – *чистое поле, где нет домов, людей, где чувствуешь себя свободным.*

Пчелка – *собирает мед.*

Светофор – *горит красным и зеленым.*

Сова – *какое-то ночное заведение; люди, которые не спят ночью; поворачивает голову на 360 градусов.*

Тициан – *что-то в античном стиле.*

Черемушки – *пирожки с черемухой.*

Локативные высказывания (где?):

Арена – *Греция, Рим, Спарта, торговый центр в Барнауле.*

Асадор – *Европа, Испания, Италия, рестораны в Барнауле, Япония.*

Галактика – *торговый центр в Барнауле.*

Ганс – *Бельгия, Британия, Германия, Европа, заведение в городе, Италия.*

Иероглиф – *Азия, Греция, Египет, Рим, Япония.*

Лукошко – *Белоруссия, Русь.*

Магнит – *у дома.*

Опера – *клуб в Барнауле, Сидней.*

Простор – *родные просторы Алтая.*

Черемушки – *Москва.*

Темпоральные высказывания (когда?):

Асадор – *ночь.*

Весна – *март.*

Лето – *рассвет.*

Лукошко – *лето, осень, старина.*

Малина – *лето.*

Облепиха – *лето.*

Опера – *вечер.*

Светофор – *вечер.*

Сова – *ночь, рассвет.*

Тициан – *античность, эпоха Возрождения.*

Черемушки – *детство.*

Позитивные оценочные высказывания:

Арена – *победа, слава.*

Асадор – *комфорт, красота, приятная музыка, уют.*

Весна – *легкость, радость, хорошее время года.*

Волна – *волна позитива, красота, успокоение.*

Галактика – *красота.*

Ганс – *веселье.*

Иероглиф – *красивый почерк, мудрость.*

Лето – *беззаботность, радость, свобода, хорошая погода.*

Малина – *лакомство, радость.*

Облепиха – *эйфория, счастье.*

Океан – *красота, радость, счастье.*

Опера – *красивая одежда, красота, развлечение.*

Простор – *искренность, комфорт.*

Пчелка – *красота, трудолюбие.*

Светофор – *безопасность.*

Тициан – *любовь, уют.*

Негативные оценочные высказывания:

Арена – *кровопролитие, резня, смерть.*

Весна – *апатия, усталость.*

Волна – *разруха, слезы, смерти, страх.*

Галактика – *коллапс, холод.*

Ганс – *фашист.*

Иероглиф – *каракули.*

Лукошко – *неряшливый человек.*

Облепиха – *противный.*

Океан – *страх.*

Опера – *отвращение.*

Пчелка – *опасность, страх.*

Светофор – *авария, предупреждение, смерть.*

Черемушки – *грязные дела, криминальный район.*

В результате САЭ были получены реакции, позволяющие моделировать концепт име-

ни, при этом ядерные ассоциации отражают стереотипные реакции, характеризующиеся повторяемостью и воспроизводимостью, а единичные реакции – личностные смыслы реципиентов. Дискурс на начальном этапе разворачивается через ассоциативно-вербальную сеть, которая «есть признанный способ субъективного интериоризованного существования лексики» [Караулов, 1993, с. 7]. Данная сеть создает ассоциативный фон имени, а сам оним представляется как некий «пучок смыслов», заключенный в языковую форму. Деятельность воспринимающего субъекта может быть рассмотрена как речемыслительная, нацеленная на разворачивание дискурса онима, причем процессы восприятия оказываются противоположно направленными процессам номинации. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, «чтобы слово стало номинацией комплекса смутных идей, ассоциаций, представлений и т. п., оно должно быть “собрано” из неких идеальных семантических (содержательных) сущностей (признаков, множителей и т. д.). Однако, чтобы не остановить формирование мысли, а, напротив, стать толчком к ее дальнейшему развитию, оно должно тянуть за собой цепь новых ассоциаций и образов» [Кубрякова, 1986, с. 58–59]. Слово, как «собираемая сущность», становится «отправной точкой для дальнейшего разворачивания и мысли, и речи» [Кубрякова, 1986, с. 59].

Данный процесс можно представить в виде схемы (см. рисунок).

Если восприятие онима – это не только деятельность реципиента по раскодированию информации, заключенной в конкретной лексеме, а сложный когнитивный процесс извлечения смыслов из существующего дискурсивного поля имени, в ходе которого происходит

«просачивание» сквозь личностные смыслы каждого конкретного индивида, то объект восприятия – это не только энциклопедическое значение слова, а целый спектр ассоциаций и смыслов, как явных, так и скрытых – латентных, – но тем не менее воздействующих на ход коммуникации. Поэтапное (ступенчатое) разворачивание текста-дискурса из онима-компрессива сравнимо с речепорождением, оним при этом выступает в качестве ключевой лексемы, содержащей в свернутом, сжатом виде информацию, которая затем постепенно раскрывается в ходе коммуникации. Как отмечает Н.Н. Шпильная, «в процессе текстообразования мы передаем не сообщение, не информацию, а лексемы, служащие “точками входа” в те или иные коммуникативные фрагменты, хранимые в языковой памяти носителя языка и почему-л. ассоциирующимися с ними (лексемами)» [Шпильная, 2014, с. 321].

На первом этапе дискурсивного эксперимента разворачивания дискурса онима осуществляется посредством следующих механизмов:

1) **деривационный механизм** (включение онима в словообразовательные цепочки):

Малина – *малиновый цвет*; *малиновка*.

Магнит – *магнитик*, *магнетизм*.

Пчела – *пчеловод*.

Галактика – *метагалактика*.

Облепиха – *облепиховый сок*.

Волна – *радиоволна*.

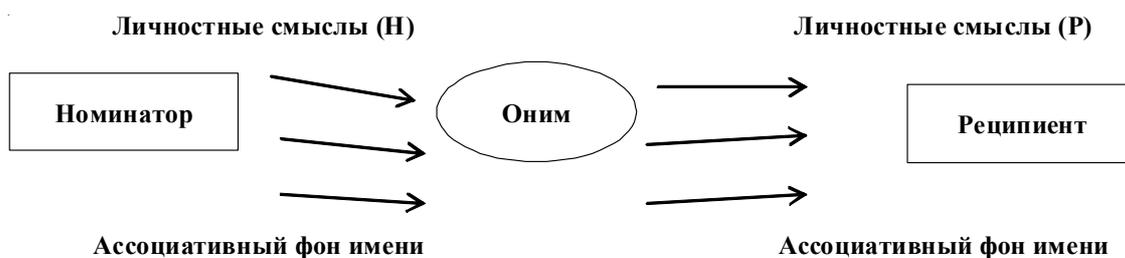
Черемухи – *черемуха*;

2) **парадигматический механизм** (включение онима в синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические ряды):

Светофор – *устройство*, *регулирующий*, *магазин*.

Малина – *ягода*, *кустарник*, *куст*, *ТЦ*.

Волна – *вода*, *цунами*, *шторм*, *магазин*, *ТРЦ*, *Ашан*.

Разворачивание дискурса онима
Expanding of the onym discourse

Весна – осень, зима, время года, оттепель.
Пчелка – насекомое, труженик, оса, шмель, матка.

Магнит – катушка, динамик, предмет, притяжение.

Простор – широта, бесконечность, ширь, пустыня, торговый центр.

Галактика – вселенная, космос, Млечный путь, торговый центр.

Арена – цирк, сцена, амфитеатр, стадион, ринг.

Лукошко – семейное кафе, корзина, туесок, ведро.

Черемушки – ансамбль, микрорайон, ягода, дерево, облетиха;

3) синтагматический механизм (включение онима в словосочетание или предложение):

Светофор – бюджетный магазин; пешеходный переход; на высокой ножке; безопасный переход; регулирование движения на дорогах; жди, иди; регулирует движение транспортных средств и пешеходов.

Малина – вкусная ягода красного цвета; дорого можно продать; розовая ежевика, из которой получается очень вкусное варенье; красная и очень вкусная; растет у меня дома.

Лето – поездки на мотоцикле; немного дождика; хорошая погода; отдых на природе; жарко и не очень комфортно.

Волна – пляжные зонтики; можно долго за ними наблюдать; волна на море, на которой можно посерфить; вода набегаем на берег.

Результаты первого этапа дискурсивного эксперимента показали, что оним представляет собой свернутый текст-дискурс, который имеет потенциал раскрытия в процессе коммуникации. При восприятии имени реципиент сначала актуализирует существующие в его языковом сознании отдельные лексемы, выстраивая ассоциативный ряд, рассматриваемый как ряд ключевых слов, по которым в дальнейшем возможно развертывание дискурса онима. Отметим, что на этом, дотекстовом, этапе большое значение имеют личностные смыслы воспринимающего субъекта, поскольку именно они порождают низкочастотные, субъективно-окрашенные ассоциации. Полученный ряд ключевых лексем дискурсивного поля онима представляется не случайным и хаотичным, а упорядоченным в соответствии с существующими системными отношениями в лексике. Так, в совокупности с

собственным именем полученные реакции образуют деривационные цепочки, встраиваются в парадигматический и синтагматический ряды, образуя при этом синонимические, антонимические, омонимические, гиперогипонимические парадигмы, а также синтагмы – словосочетания и предикативные конструкции – предложения.

Результаты

первого лингвистического эксперимента

Второй этап исследования заключался в проведении лингвистического эксперимента, направленного на развертывание диалогического дискурса (ЛЭ-1). Испытуемым предлагались анкеты, включавшие зачин диалогического высказывания (в 2 вариантах), которое необходимо было продолжить в свободной форме (в зачинах из анкет использовано всего 8 именованных). В результате было получено 268 диалогических высказываний.

Анкета 1 (вариант 1)

– Привет.

– Привет.

– А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».

– Знаешь, я слышал, что этот магазин...

– Интересно, а мне говорили, что...

Анкета 1 (вариант 2)

– Привет.

– Привет.

– А я вчера ходил в торговый центр «Европа».

– Знаешь, я слышал, что этот магазин...

– Интересно, а мне говорили, что...

Анкета 2 (вариант 1)

– Привет.

– Привет.

– Ты иногда ходишь в кафе?

– Мне рассказывали о столовой «Пора покушать», что там...

– А я слышал, что трактир «Жили-Были»...

– А я еще бывал в кафе «Вилка-Ложка», и там...

Анкета 2 (вариант 2)

– Привет.

– Привет.

– Ты иногда ходишь в кафе?

– Мне рассказывали о баре «Пожарка», что там...

– А я слышал, что ресторан «Иероглиф»...

– А я еще бывал в ресторане «Ганс», и там...

Развертывание диалогического высказывания в ситуации, когда один и тот же ис-

пытуемый выступает в двух ролях – адресанта (инициатора высказывания) и адресата (отвечающего) – происходит в областях, связанных с когнитивной деятельностью реципиентов:

– **область оценки** (комментарийно-оценочные реплики):

Знаешь, я слышал, что этот магазин ужасен / хороший / востребованный / очень популярный / отличный / дорогой / не самый лучший для закупок и др.;

– **область фоновых знаний** (в том числе сообщение информации о времени работы, количестве сотрудников и др.):

работает до 23:00 / работает в штатном режиме / работает круглосуточно / уже насчитывает 18 000 сотрудников / он назван в честь Марии Ракишиной, матери основателя сети / этой сети магазинов уже открыто более 1 000 точек / они устраивают праздники / почти каждый день устраивает акции и др.;

– **область атрибуции** (признаковые высказывания):

самый дешевый / мультиассортиментный / с недорогими и качественными товарами / продуктовый / с фруктами и овощами / этот магазин низких цен и др.;

– **область событий** (включая состояние, локацию, действия):

есть в каждом уголке Барнаула / расположен в Алтайском крае / открыт / закрыт / поставляет просроченные товары / есть только на территории Алтайского края / этот магазин закрывается / поднимет цены на зарубежные продукты и др.

Дальнейшее развертывание диалогического дискурса происходит по следующим коммуникативным моделям:

а) противопоставления (*открыт / закрыт; имеет очень большой ассортимент / в Магните выбор больше; в котором все есть / что там ничего нет и др.*):

– А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».
– Знаешь, я слышал, что этот магазин закрыт.
– Интересно, а мне говорили, что открыт;

– А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».
– Знаешь, я слышал, что этот магазин принимает оплату даже с телефона.

– Интересно, а мне говорили, что принимает только наличными или картой;

б) сравнения (*с недорогими и качественными товарами / в «Ярче» дешевле; этот магазин не самый лучший для закупок / там есть неплохие продукты и др.*):

– А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».

– Знаешь, я слышал, что этот магазин с недорогими и качественными товарами.

– Интересно, а мне говорили, что в «Ярче» дешевле;

– А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».

– Знаешь, я слышал, что этот магазин не самый лучший для закупок.

– Интересно, а мне говорили, что там есть неплохие продукты;

– А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».

– Знаешь, я слышал, что этот магазин имеет очень большой ассортимент.

– Интересно, а мне говорили, что в «Магните» выбор разнообразнее;

в) распространения – включения дополнительной информации, подробностей (*есть в каждом уголке Барнаула / он есть даже в Горном; этот магазин низких цен / там большой выбор товаров и др.*):

– Мне рассказывали о столовой «Пора покушать», что там были тараканы, и еда ничем не накрыта.

– А я слышал, что трактир «Жили-Были» очень плох в обслуживании.

– А я еще бывал в кафе «Вилка-Ложка», и мне попался волос в чашке;

– А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».

– Знаешь, я слышал, что этот магазин есть в каждом уголке Барнаула.

– Интересно, а мне говорили, что он есть даже в Горном.

Результаты анализа полученного материала указывают на то, что развертывание диалогов происходит как приращение смыслов, при этом представлены как индивидуальные реакции-высказывания, построенные на личностных смыслах воспринимающих субъектов, так и стереотипные, повторяющиеся реакции, отражающие существующие в сознании реципиентов стереотипы. Продолжения диалогов различались по объему: от одного слова или словосочетания до целостной предикативной конструкции.

На данном этапе дискурс онима развивается до диалогического высказывания

и в целом до коммуникативного единства – диалога, построенного по моделям противопоставления, сравнения и распространения.

Результаты

второго лингвистического эксперимента

Третий этап исследования заключался в проведении лингвистического эксперимента, с помощью которого проходило моделирование фантазийного монологического текста-дискурса (ЛЭ-2). Испытуемым предлагалось написать текст в свободной форме. В качестве стимула были использованы 10 наименований предприятий ресторанной сферы г. Барнаула, отобранные методом случайной выборки, без указания на вид деятельности (*Асадор, Ганс, Иероглиф, Лукошко, Облепиха, Океан, Опера, Сова, Тициан, Черемушки*). Задание было сформулировано следующим образом: «Напишите текст в свободной форме, который может у вас появиться, когда вы идете по улице и видите на вывеске название: а) Лукошко, б) Асадор, в) Облепиха».

В результате получено около 300 текстов.

В нашей предыдущей работе дискурс, развертываемый на основе задействованных в эксперименте наименований, предложено назвать «фантазийным», поскольку в большинстве случаев реципиенты указывают, что не бывали в данных заведениях и не знакомы со сферой их деятельности. Такие фантазийные тексты могут быть четырех видов:

1) тексты, основанные на знании лексического значения слова, построенные на словарном либо энциклопедическом значении лексической единицы, используемой в качестве наименования коммерческого объекта, либо на общих социокультурных знаниях носителей языка;

2) тексты, построенные на ассоциативном фоне имени и сенсорных ощущениях (цвет, вкус, запах) реципиентов;

3) тексты гипотетического характера, представляющие собой результат когнитивно-рефлексирующей деятельности носителя языка и развертывающие текст вывески; чаще всего они построены как ответ на вопрос «Если это название на вывеске, то что за заведение это могло бы быть?»;

4) тексты прагматической направленности, связанные с жизненными интересами реципиентов (подробно см.: [Позднякова, 2021, с. 254]).

Дискурс, развертываемый на основе наименований коммерческих объектов, чаще всего построен на ассоциативном ряде и во многом дублирует ассоциативные реакции, это можно объяснить тем, что «многие имена так или иначе связаны с текстами, зачастую имеющими статус прецедентных, которые их породили, и в силу этого они (имена) могут служить отправной точкой для широкого спектра предсказуемых ассоциативных связей» [Красных, 2008, с. 57]. Например:

«Лукошко» – Ассоциируется с ягод-маркетом. В котором исключительно товары, собранные из лесов, а именно: ягоды, грибы, лекарственные травы. Ассортимент довольно широкий, так как по всей России множество различных лесов. Название очень заманчивое, я бы, несомненно, зашел бы в данный магазин.

«Опера» – Ассоциируется с оперным театром. Представляется звук флейты. Полный зал зрителей. Швейцары закрывают двери. Звенит звонок и начинается представление.

«Сова» – Ассоциируется с лесной чащей и рекой. Тихий берег. Кругом ни движения. Все замерло. Слышится писк комара, и крик совы нарушает тишину.

«Ганс» – Скорее всего, что-то связанное с Германией. Возможно, это небольшой ресторан немецкой кухни. Ганс – название миноносца (корабль такой). Это может быть связано со Второй мировой и посвящено немецкому флоту. Возможно, там представлены его обломки или какие-то бумаги, связанные с ним.

«Черемушки» – Если я вижу такую надпись, то первой ассоциацией становится какая-то база отдыха. Либо же это какой-то новый строящийся жилой район в городе. Также у меня это вызывает ассоциацию с названием магазина или автобусной остановки. Еще часто так называют деревни или другие малонаселенные места.

«Иероглиф» – «Иероглиф», когда проговариваешь это название, то сразу возникает образ Китая, Японии и других азиатских стран, так как именно в этих странах иероглифы используются для письменной речи. После представления стран появляется представление традиционной кухни (суши, роллы, различные острые супы, лапша в коробочках и другие блюда с перчинкой), а затем медленная и расслабляющая обстановка, призывающая медленно есть палочками и пить чай.

В приведенных примерах испытуемые сначала развернули дискурсивное поле онима до ассоциативного ряда, затем облекли его в текстовую форму. Отметим, что ассоциации и тексты-дискурсы принадлежат разным реципиентам, однако полученные ассоциативные ряды и тексты-дискурсы построены вокруг единого семантического ядра – значения каждого эргонима.

Вовлекаясь в коммуникативную ситуацию, имя собственное раскрывает свою дискурсивную природу, поскольку носитель языка, воспринимая его, актуализирует в своем сознании всю имеющуюся информацию, все тексты, связанные с данным онимом. Как отмечает В.Е. Чернявская, «адресат... имеет собственные коммуникативно-прагматические установки, собственные фоновые знания, заставляющие по-разному (вариативно) “мерцать” те или иные текстовые смыслы, заложенные в тексте и актуализированные так или иначе субъектом речи» [Чернявская, 2007, с. 311]. Процессы развертывания онима охватывают как его непосредственно наблюдаемую «действительность» – лексическое, энциклопедическое значение, социокультурный фон, так и то, что не подлежит непосредственному наблюдению и существует латентно в сознании носителей языка – ассоциации, сенсорные ощущения, связанные с именем, субъективный опыт индивидуума, его личные смыслы и пр.

Заключение

Проведенный дискурсивный эксперимент доказывает, что имя собственное выступает в качестве свернутого текста-основы, обладающего потенциалом развертывания: на первом этапе оним преобразуется в набор ключевых слов, представленных в виде ассоциативного ряда; на втором этапе – в диалогический дискурс, на третьем этапе – в монологический дискурс преимущественно фантазийной природы.

Имя собственное имеет двунаправленные связи с текстом: на этапе создания номинатор «вычерпывает смыслы» из всех актуальных для него текстов, сворачивая их в лексическую единицу (слово или словосочетание, иногда – предикативную конструкцию), и в

готовом виде вводит оним в узус и в ономастическое пространство. Наименование в процессе его апробации, адаптации и функционирования в дискурсе – институциональном и неинституциональном – подлежит интерпретации адресатом. При восприятии имени собственного последний актуализирует не только всю имеющуюся по поводу онима информацию (энциклопедическую, культурную, историческую, лексикографическую и пр.), но и интерпретирует имя в соответствии с собственными личностными смыслами, «пропускает» имя сквозь сетку своего понимания, оценивает номинацию и встраивает ее в новые тексты, создавая тем самым дискурсивное поле онима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д. Дискурс. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=1083242>
- Гуц Е. Н., 2005. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск : Вариант-Омск. 260 с.
- Дейк Т. А. ван, 2000. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : Благовещ. гуманит. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 308 с.
- Караулов Ю. Н., 1993. Ассоциативная грамматика русского языка. М. : Рус. яз. 330 с.
- Караулов Ю. Н., 1999. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. 180 с.
- Караулов Ю. Н., Петров В. В., 2000. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : Благовещ. гуманит. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. С. 5–11.
- Кибрик А. А., 2003. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук. М. 90 с.
- Красных В. В., 2008. Единицы языка vs единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. № 7. С. 53–58.
- Кубрякова Е. С., 1986. Номинативный аспект речевой деятельности. М. : Наука. 158 с.
- Кубрякова Е. С., 2000. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. М. : Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН. С. 5–13.
- Куликова Л. В., 2015. Введение. Современные дискурсивные практики : границы понятия // Дискурсивные практики современной

- институциональной коммуникации : коллектив. моногр. / под науч. ред. Л. В. Куликовой. Красноярск : Сиб. федер. ун-т. С. 9–11.
- Мурзин Л. Н., Штерн А. С., 1991. Текст и его восприятие. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 172 с.
- Позднякова Е. Ю., 2021. К вопросу о дискурсивной теории ономастики // *Культура и текст*. № 1 (44). С. 245–261. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-1-245-261
- Чернявская В. Е., 2007. Текст в когнитивно-дискурсивной парадигме. К вопросу о градуальном характере текстуальности // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. № 1. С. 303–314.
- Шпильная Н. Н., 2014. Лексема и текст (к вопросу о деривационной корреляции) // *Проблемы истории, филологии, культурологии*. № 3. С. 320–322.
- REFERENCES**
- Arutyunova N.D. *Diskurs* [Discourse]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=1083242>
- Guts E.N., 2005. *Psikholingvisticheskoye issledovaniye yazykovogo soznaniya podrostka* [Psycholinguistic Study of Language Consciousness of a Teenager]. Omsk, Variant-Omsk Publ. 260 p.
- Dijk T.A. van, 2000. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, Blagoveshch. gumanit. kolledzh im. I.A. Baudouin de Courtenay. 308 p.
- Karaulov Yu.N., 1993. *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ. 330 p.
- Karaulov Yu.N., 1999. *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbalnaya set'* [The Active Grammar and Associative-Verbal Network]. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN. 180 p.
- Karaulov Yu.N., Petrov V., 2000. Ot grammatiki teksta k kognitivnoy teorii diskursa [From the Grammar of Text to the Cognitive Theory of Discourse]. Dijk T. van. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, Blagoveshch. gumanit. kolledzh im. I.A. Baudouin de Courtenay, pp. 5-11.
- Kibrik A.A., 2003. *Analiz diskursa v kognitivnoy perspective: dis. ... d-ra filol. nauk* [The Analysis of Discourse in a Cognitive Perspective. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 90 p.
- Krasnykh V.V., 2008. Edinitsy yazyka vs edinitsy diskursa i lingvokultury (k voprosu o statusе pretsedentnykh fenomenov i stereotipov) [Units of Language vs Units of Discourse and Linguoculture (On the Question of the Status of Precedent Phenomena and Stereotypes)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], no. 7, pp. 53-58.
- Kubryakova E.S., 1986. *Nominativnyy aspekt rechevoy deyatelnosti* [The Nominative Aspect of Speech Activity]. Moscow, Nauka Publ. 158 p.
- Kubryakova E.S., 2000. O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike (obzor) [On the Concepts of Discourse and Discursive Analysis in Modern Linguistics (Review)]. *Diskurs, rech', rechevaya deyatelnost: funktsionalnyie i strukturnyye aspekty: sb. obzorov* [Discourse, Speech, Speech Activity: Functional and Structural Aspects. A Collection of Reviews]. Moscow, In-t nauch. inform. po sots. naukam RAN, pp. 5-13.
- Kulikova L.V., 2015. Vvedeniye. Sovremennyye diskursivnyie praktiki: granitsy ponyatiya [Introduction. Modern Discursive Practices: Boundaries of the Concept]. Kulikova L.V., ed. *Diskursivnyie praktiki sovremennoy institutsionalnoy kommunikatsii: kolektiv. monogr.* [Discursive Practices of Modern Institutional Communication. Monograph]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t, pp. 9-11.
- Murzin L.N., Shtern A.S., 1991. *Tekst i yego vospriyatiye* [The Text and Its Perception]. Sverdlovsk, Ural. un-t Publ. 172 p.
- Pozdnyakova E.Yu., 2021. K voprosu o diskursivnoy teorii onomastiki [On the Question of the Discursive Theory of Onomastics]. *Kultura i tekst* [Culture and Text], no. 1 (44), pp. 245-261. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-1-245-261
- Chernyavskaya V.E., 2007. Tekst v kognitivno-diskursivnoy paradihme. K voprosu o gradualnom kharaktere tekstualnosti [Text in the Cognitive-Discursive Paradigm. On the Question of the Graduated Nature of Textuality]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta Lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research], no. 1, pp. 303-314.
- Shpilnaya N.N., 2014. Leksema i tekst (k voprosu o derivatsionnoy korrelyatsii) [Lexeme and Text (On the Question of Derivational Correlation)]. *Problemy istorii, filologii, kulturologii* [The Problems of History, Philology and Culturology], no. 3, pp. 320-322.

Information About the Author

Elena Yu. Pozdnyakova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Polzunov Altai State Technical University, Prosp. Lenina, 46, 656038 Barnaul, Russia, helena_poz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

Информация об авторе

Елена Юрьевна Позднякова, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, просп. Ленина, 46, 656038 г. Барнаул, Россия, helena_poz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2023 года 2600 руб. 97 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2023 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2023 is 2600.97 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics

is indexed by:

